

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (8)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2011**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 2 (8)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2011**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Рябов В.В. председатель	ректор ГОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н. заместитель председателя	проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Атанасян С.Л.	проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
Русецкая М.Н.	проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В. главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Данилов А.А.	доктор исторических наук, профессор
Кириллов В.В.	директор Института гуманитарных наук, кандидат исторических наук, профессор
Корнилов В.А.	заведующий кафедрой отечественной истории, кандидат исторических наук, профессор
Карпачев С.П.	профессор кафедры отечественной истории, доктор исторических наук, профессор
Леванов Б.В.	профессор кафедры отечественной истории, доктор исторических наук, профессор
Митрофанов К.Г.	заведующий кафедрой методики преподавания истории, кандидат педагогических наук, доцент
Михайловский Ф.А. составитель	доктор исторических наук, профессор
Пашенцев Е.Н.	доктор исторических наук, профессор
Ртищева Г.А.	кандидат исторических наук, доцент
Уколова В.И.	доктор исторических наук, профессор
Хаванов Е.И.	заведующий кафедрой всеобщей истории, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Революционные движения

- Ушаков А.В.* Движение учащихся духовных семинарий России в конце XIX – начале XX веков 8
- Исаков В.А.* Последствия конфликта коммунистов и анархистов в Гражданской войне в Испании 15

Военная история

- Корнилов В.А.* Военская повинность в условиях реформ 60-х годов XIX века в России..... 25

История России дореволюционного периода

- Рудаков В.Н.* Бегство князей в русском общественном сознании (XIII–XVI века) 41
- Шорников И.П.* Идея кооперации крестьянских хозяйств в публикациях П.А. Крушевана 54

История России советского периода

- Васильева Т.В., Долгов К.А., Скрыпников А.В.* Истоки крестьянской Вандеи..... 61

История культуры

- Чижикова А.С.* Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века 74

Историография

- Яснитский Н.А.* Особенности английской историографии античности в начале XVIII века 83

Из истории образования

- Пепелина Н.И.* Опыт создания советского школьного учебника по истории 96

Из истории современности

- Петрашко А.В.* Саид Кутб как идеолог политического ислама 110

Научная жизнь

- Виноградова Е.А.* Латиноамериканистика глазами молодых исследователей 119

- Аннотации и ключевые слова** 122

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки». 2011, № 2 (8)** 128

CONTENTS

Revolutionary Movements

- Ushakov A.V.* Revolutionary Movement of Students of Theological Seminaries in Russia at the Turn of the XX-th Century8
- Isakov V.A.* The Consequences of the Conflict Between Anarchists and Communists During the Civil War in Spain15

Military History

- Kornilov V.A.* Conscription During the Reforms of the 60s of 19th Century in Russia25

History of Russia of the Pre-revolutionary Period

- Rudakov V.N.* The Flight of Princes in Russian Public Consciousness (XIII–XVI Centuries)41
- Shornikov I.P.* The Idea of Cooperative Farms in the Publications of P.A. Krushevan54

History of Russia of the Soviet Period

- Vasilyeva T.V., Dolgov C.A., Skrypnikov A.V.* Sources of Peasant Vendee 61

History of Culture

- Chizhikova A.S.* The Lifestyle of Russian Metropolitan Nobility in the First Half of 19TH Century 74

Historiography

- Yasnitsky N.A.* Particularities English to Historiography of the Antiquity at the Beginning XVIII Age..... 83

History of Education

- Pepelina N.I.* Experience of Creating the Soviet School Text-book on History 96

Contemporary History

- Petrashko A.V.* Sayyid Qutb as the Ideologist of Political Islam..... 110

Scientific Events

- Vinogradova Ye.A.* Latinoamerikanistika Through the Eyes of Young Researchers 119

Annotations and Key-words..... 122

- Authors of «Vestnik of MCPU», Series «Historical Studies», 2011, № 2 (8)..... 128**

А.В. Ушаков

Движение учащихся духовных семинарий России в конце XIX – начале XX веков

Жизнь и учеба учащихся духовных семинарий проходили в довольно тяжелых условиях. В 60-х гг. XIX в. в духовных учебных заведениях были проведены прогрессивные преобразования. По «Уставу духовных семинарий» 1867 г. в семинариях были введены элементы самоуправления. Должности ректора и инспектора были выборные. Весь учебный материал изучался в течение 10 лет. При этом общеобразовательные предметы изучались 8 лет, а богословские 2 года. Выпускники семинарий могли поступать в любое высшее учебное заведение, в любой университет. Но в 1884 г. обер-прокурор св. Синода К.П. Победоносцев издал новый семинарский устав, по которому выборность отменялась, резко сокращалось число светских дисциплин и увеличивалось количество богословских. Доступ семинаристов в университеты (кроме Дерптского) был закрыт. В одной из своих прокламаций семинаристы заявляли, что устав 1884 г. «убивает науку, ...сокращает и снижает умственный кругозор молодого поколения» (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22906. Л. 10). Все время учащихся семинарий занимали зубрежка, молитвы, посты, церковные службы. Знания по общеобразовательным предметам были слабые. Это вынуждены были признать члены экзаменационной комиссии, проводившие проверочные испытания выпускников семинарии, поступавших в духовные академии в 1897 г. Члены комиссии писали, что семинаристы обнаружили «полное отсутствие литературной начитанности, ...недостаток общего развития, следствием чего явилось то, что многие не в состоянии были не только дать надлежащую постановку предложенного им на рассмотрение вопроса, но и понять его должным образом; у многих крайняя необработанность слога и языка, неправильная расстановка знаков препинания и другие грамматические ошибки» (Циркуляр по духовно-учебному ведомству. – 1897. – № 17. – С. 18, 25).

За учащимися постоянно наблюдали надзиратели. В 1898 г. администрации Черниговской, Тамбовской, Донской, Одесской, Казанской, Оренбургской и Пензенской семинарий, просили увеличить их штаты. Синод выполнил эти просьбы (РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 4. Л. 30, 38, 43, 49, 54, 65). Широко были распространены шпионство и наушничество. Представители администрации жестоко обращались с воспитанниками. Учащиеся голодали и мерзли в интернатах. В одной прокламации семинаристов говорилось: «Нас подвергали голодовкам и даже побоям... Плохие гигиенические условия коверкают нас и редкий год не умирает в семинарии человек 5–6» (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22919. Л. 5). Даже в официальном сообщении духовного ведомства говорилось в 1903 г.: «Почти повсеместно в духовно-учебных заведениях *отсутствие заботы* об опрятности и чистоплотном содержании учащихся детей... Дети болеют чесоткой и трахомой. Сюда же присоединяется *скудность питания*, вызывающая волнения семинаристов» (Циркуляр по духовно-учебному ведомству. – 1903. – № 22. – С. 73–74; курсив источника — А.У.). Газета «С.-Петербургские ведомости» писала в 1903 г., что в Иркутской семинарии «был невозможный холод». Она была расположена в двух зданиях и учащиеся должны были в рваных сапогах несколько раз в день бежать из одного помещения в другое. Многие семинаристы болели, а один из них умер (С.-Петербургские ведомости. – 1903. – 25 ноября. – № 323).

Тяжелая жизнь семинаристов вызывала их протесты. Им способствовала и революционная пропаганда, которая затронула семинарии. В них распространялись произведения А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Л.Н. Толстого, а также социал-демократическая «Искра» [3: с. 57].

В 31 городе России имелись нелегальные организации воспитанников духовных семинарий (Благовещенск, Казань, Калуга, Вологда, Воронеж, Кострома, Нижний Новгород, Одесса, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань и др.) [3: с. 68]. А в Вифанской семинарии (Сергиев Посад) в 1897 г. появилась группа «неверующих в бога» из 30 человек (ГАРФ. Ф. ДП. 00. 1898. Д. 3. Ч. 3. Л. 1).

В конце 90-х гг. семинаристы предприняли попытку объединиться в масштабе страны. С этой целью в Казани они создали «Группу семинаристов-борцов за человеческие права». В 1899 г. группа распространила воззвания по семинариям, в которых призывала семинаристов к всеобщей забастовке, чтобы поддержать борющихся студентов. Весной в Казанской духовной семинарии возник «Временный центральный организационный совет семинаристов» (ВЦОСС). Осенью 1901 г. его представитель Быстров объехал семинарии Симбирска, Самары, Тамбова, Воронежа, Курска, Харькова, Екатеринослава, Одессы и ряда других городов и созвал там местные отделения «Временного центрального организационного совета семинаристов». Были установлены связи с 41 духовной семинарией (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22898. Л. 15).

Весной 1901 г. «Временный центральный организационный совет семинаристов» пытался созвать Всероссийский съезд семинаристов. Но эта попытка

тогда не увенчалась успехом: благодаря стараниям полиции, которая выследила главных руководителей организации, съезд не состоялся (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22898). Однако его все же удалось созвать 22 июня 1902 г. в селе Маркваша Симбирской губернии. В работе съезда участвовали 9 делегатов от Ярославской, Калужской, Нижегородской и Пензенской семинарий. В тот же день участники съезда были арестованы. Начальник Самарского жандармского управления доносил в Департаменте полиции, что съезд носил политический характер (ГАРФ. Ф. ДП. 00. 7 д-во. Д. 1025. Л. 15).

В 1901 г. ВЦОСС при помощи специальной комиссии, созданной в Казанской духовной академии, выработал петицию, которая была послана в Синод. К петиции присоединились Тамбовская, Харьковская, Полтавская, Киевская, Виленская, Рязанская, Ярославская, Вологодская, Архангельская, Костромская, Витебская, Екатеринославская и ряд других семинарий. В случае отказа ее удовлетворить предполагалось устроить всеобщую забастовку. В петиции стояли такие требования: 1) уравнивать программу семинарий с программами светских учебных заведений; 2) позволять поступать в университеты после окончания семинарии; 3) отменить экзамены при переходе из класса в класс; 4) сократить богословские предметы и усилить светские; 5) устранить монашествующих лиц от управления семинариями и изменить отношение начальства к учащимся; 6) отменить обязательное хождение к богослужению, исповеди, причастия и посты [2: с. 235]. «Искра» отмечала, что прокламации «Временного центрального организационного совета семинаристов» с этими требованиями «написаны весьма серьезно и обнаруживают готовность семинаристов упорно и с выдержкой отстаивать свои интересы» (Искра. — 1902. — 1 апреля. — № 19). Семинаристы надеялись, что их выступление сольется с движением рабочих и студентов. «В марте месяце (1902 года. — А. У.) обязательно будет забастовка (решено и подписано), — говорилось в прокламации «Временного центрального организационного совета семинаристов», призывавшего поддержать петицию, бунтацию предположительно устроить отчаянную: все высшие учебные заведения, петербургские рабочие и... духовные семинарии» (РГИА. Ф. 102. Оп. 16. Д. 196. Л. 9–10).

Выступления семинаристов происходили уже со второй половины 90-х гг. Особенно частыми они были в начале 90-х гг. Об этом свидетельствует таблица 1.

С 1899 г. происходило увеличение количества выступлений. Резкий подъем под влиянием студенческих и рабочих демонстраций обозначился в 1901 г. О влиянии революционного движения на семинаристов говорит и то обстоятельство, что в 1901–1904 гг. число семинаристских выступлений было в три раза больше, чем в 1895–1900 гг. (66 против 22).

Листок «Жизни» сообщал в 1901 г.: «Семинарские волнения скоро, по видимому, станут таким же хроническим, постоянным явлением, как и волнения университетские» (Листок «Жизни». — 1902. — 23 июня. — № 5). Действительно, движение охватило почти все духовные семинарии. Особенно широ-

Таблица 1

Движение учащихся духовных семинарий в 1895–1904 гг. [3: с. 99]

Формы борьбы	Годы											
	1895	1896	1897	1898	1899	1900	Итого 1895–1900	1901	1902	1903	1904	Итого 1901–1904
Волнения	2				3	5	10	8	12	4	3	27
Бунты	2		1	1	3	2	9	8	4	2		16
Забастовки					1	1	2	4			2	8
Демонстрации								4	3	2	3	12
Сходки и митинги		1					1	1	2	2		5
Итого:	4	1	1	1	7	8	22	25	21	10	10	66

кой и массовой была борьба против реакционного семинарского устава 1884 г. за установление демократических порядков в духовных учебных заведениях.

Осенью 1901 г. «Временный центральный организационный совет семинаристов» обратился к учащимся духовных семинарий с воззванием, в котором резко критиковал устав 1884 г., режим в семинариях и призывал по примеру студентов вести упорную борьбу за реформу учебного дела и уравнивание прав семинаристов с правами воспитанников других учебных заведений. В воззвании были сформулированы вопросы, на которые должны были ответить учащиеся семинарий: 1) справедливо ли что молодое поколение замыкается в собственной касте?; 2) не лучше ли чтобы духовная школа стала общеобразовательной?; 3) соответственно последнему, какие изменения желательны в семинариях?; 4) какие изменения желательны в методах преподавания?; 5) какие изменения необходимы в семинарском режиме?; 6) желательно ли, чтобы после окончания 4-х классов семинарии можно было поступить в университеты? (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 196. Л. 9–10). Воззвание было разослано в 41 семинарию и 3 духовные академии (Московскую, Петербургскую и Казанскую). С прокламацией к семинаристам обратились также студенты Московской духовной академии. В ней говорилось о необходимости сплочения и борьбы учащихся духовных учебных заведений: «Полагаем, что дружный натиск всех нас будет силен и достаточно убедителен, чтобы встряхнуть, стоящих у власти» (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22920).

Из семинарий во ВЦОСС поступили ответы на его вопросы, в которых указывалось на необходимость изменения порядков и характера преподавания в духовных учебных заведениях. Так, в ответе ярославских семинаристов, в частности, говорилось: кастовая школа должна стать общеобразовательной; желательно для этого усилить преподавание общеобразовательных предметов

и уменьшить курсы «специальных» предметов; к изучению математики прибавить изучение тригонометрии; увеличить курсы физики, гражданской истории и литературы; в программу последней внести сведения о писателях после Гоголя; подробнее знакомиться с иностранной художественной литературой (Шекспир, Шиллер, Гете и др.); ввести естествознание в объеме гимназического курса и новые языки; сократить программы церковного устава, священного писания и богословия (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22892).

Получив ответы с мест, ВЦОСС составил проект нового семинарского устава, в котором были подробно разработаны положения об организации учебы, преподавателях, программах семинарий и т.д. В документе говорилось: по окончании 4-х классов семинарии все воспитанники «могут поступать во все российские университеты и другие высшие учебные заведения на правах окончивших курс в мужских гимназиях». Предусматривалось создание «Представительного совета семинаристов», который должен входить в правление семинарии и играть решающую роль при решении вопросов, касающихся учащихся. Количество богословских дисциплин должно быть резко сокращено и увеличено число светских. Грубое, оскорбительное обращение с воспитанниками и унижительные наказания (карцер, «голодный стол» и т.д.) должны быть отменены (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22915). Проект устава был разослан по семинариям и получил полное одобрение.

Тогда ВЦОСС выработал план дальнейшей борьбы. Он состоял в следующем. В учебный комитет Синода посылается петиция с проектом Устава семинарий и требованием принятия его. Петицию должны одновременно послать 43 семинарии и две академии (Московская и Петербургская). Петиция принимается на собрании учащихся и преподавателей каждой семинарии. Этому акту придавалось большое значение. Были предложены два вида тактики для его проведения: мирная и террористическая. Мирная тактика состояла в том, что 19 февраля 1902 г. собираются в зале ученики и приглашают учителей, начальство и архиерея. Им читается петиция и передается архиерею. Террористическая тактика заключала такие действия: 19 февраля в каждом классе в 9 часов 30 минут ударом в ладоши один ученик дает сигнал. Учащиеся вскакивают с мест и направляются в зал. По пути они вырывают у учителей журналы, рвут их и сжигают. После того, как в зале соберутся ученики и начальство, семинария запирается от проникновения полиции. Читается петиция и передается начальству. При этом семинаристы заявляют, что до тех пор, пока в газетах не появится сообщение об удовлетворении содержащихся в ней требований, все учащиеся прекращают занятия и разъезжаются по домам. При выходе из зала рекомендовалось бить стекла, лампы, взрывать заряды с порохом и т.д. (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22898, 22897).

Кроме петиции были подготовлены прокламации: 1) к интеллигенции; 2) к родителям; 3) к духовенству. В них содержалась просьба поддержать

учащихся семинарий и рассказывалось о причинах их выступлений (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22910, 22923).

«Искра» отмечала: «Все прокламации «Центрального Совета» написаны серьезно и обнаруживают готовность семинаристов упорно и с выдержкой отстаивать свои интересы» (Искра. – 1902. – 1 апреля. – № 19).

План борьбы был одобрен в семинариях. Их воспитанники готовились к общему выступлению. Нижегородские семинаристы писали в своем воззвании:

Начнем же начнем, семинары,

Стряхнем же мы иго с себя!

Невежества сдвинем покровы,

Разбудим Синод ото сна!!! (ГАРФ. Ф. ДП. 00. 1898. Д. 3. Ч. 192. Л. 175).

А организационный комитет ярославских семинаристов призывал к конспирации и дисциплине: «Здесь в городе ни знакомым, ни близким ни семинаристам ни в пьяном, ни в трезвом виде ничего не говорить относительно нашего плана... Затем семинаристы, как замечается, не стремятся поддержать честь своего заведения или, вернее, свою честь. Поэтому Организационный комитет ярославских семинаристов просит теперь до Рождества, во время рождества, на Рождество и после Рождества, не слишком пьянствовать, а главное — не устраивать скандалов» (ГАРФ. Ф. 1741. Д. 22909).

Уже в конце 1901 г. беспорядки произошли в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Донской, Тобольской, Пермской и некоторых других семинариях. В 1902 г. они вспыхнули в Пензенской, Подольской, Полтавской, Тверской, Одесской, Вятской, Курской, Волынской семинариях [2: с. 207].

Семинаристы участвовали и в политических демонстрациях: в 1901 г. — в Калуге, в 1903 г. — в Томске, в 1904 г. — в Кутаиси [1: с. 84–85].

Правительство было обеспокоено семинаристскими выступлениями. Синод издал ряд циркуляров, направленных на борьбу с движением. В циркуляре от 1 июня 1899 г. предлагалось немедленно закрывать духовные учебные заведения и увольнять всех их воспитанников — участников беспорядков. Циркулярным предписанием 27 января 1900 г. епархиальным преосвященным приказывалось немедленно сообщать властям обо всех волнениях. Циркулярным отношением К.П. Победоносцева от 18 октября 1901 г. рекомендовалось обращаться за помощью к гражданским властям для подавления волнений. Циркуляр от 18 мая 1902 г. предписывал запретить сходки в семинариях, доступ в них «посторонних лиц», установление надзора за литературой, читаемой воспитанниками. Принимать в семинарии инословных предлагалось с большим разбором (РГИА. Ф. 802. ОП. 16. Д. 196. Л. 1–5). Таким образом, движение учащихся духовных учебных заведений было почти таким же массовым и активным, как выступления студентов.

Литература

1. *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. / Б.В. Титлинов. – Л.: Госиздат, 1925. – 166 с.
2. *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904 / А.В. Ушаков. – М.: Мысль, 1976. – 235 с.
3. *Ушаков А.В.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. / А.В. Ушаков, О.А. Образцова. – М.: ИД «С днем рождения», 1999. – 144 с.

Literatura

1. *Titlinov B.V.* Molodezh' i revolyuciya. Iz istorii revolyucionnogo dvizheniya uchashhejsya molodezhi duxovny'x i srednix uchebny'x zavedenij. 1860–1905 gg. / B.V. Titlinov. – L.: Gosizdat, 1925. – 166 s.
2. *Ushakov A.V.* Revolyucionnoe dvizhenie demokraticheskoj intelligencii v Rossii. 1895–1904 / A.V. Ushakov. – M.: My'sl', 1976. – 235 s.
3. *Ushakov A.V.* Uchashhiesya srednix uchebny'x zavedenij Rossii v obshhestvenno-politicheskom dvizhenii na rubezhe XIX–XX vv. / A.V. Ushakov, O.A. Obrazczova. – M.: ID «S dnem rozhdeniya», 1999. – 144 s.

В.А. Исаков

Последствия конфликта коммунистов и анархистов в Гражданской войне в Испании

Конфликт коммунистов и анархистов Испании во время Гражданской войны 1936–1939 гг. был продолжением старой европейской истории еще с 1860-х гг, отразившейся прежде всего на отношениях Карла Маркса и Михаила Бакунина [1: с. 129]. Позднее в кровавом конфликте коммунисты и анархисты сошлись в годы гражданской войны в России, и лишь затем в Испании. Это был конфликт мировоззренческий, свою глубину показавший в жесточайших и бескомпромиссных схватках.

Между Россией и Испанией были существенные различия, проявившиеся в последней трети XIX – первой трети XX веков. В отличие от Испании анархизм, как теория, не пошел в России глубоко в народ. В Испании же сложится другая ситуация. Идея овладеет массами. Но исторический момент проверки теории анархизма состоится в обеих странах.

Гражданская война в России шла с 1918 по 1921 гг. И все это время на юге страны существовала территория, контролируемая анархистами под руководством Нестора Махно. Следует учитывать, что это был экономически развитый район с крупными промышленными центрами, развитой хлебной торговлей. На территории примерно трех губерний с населением в несколько миллионов человек и проходил анархистский эксперимент. Практически каждый элемент доктрины прошел через практику.

Отношения анархистов с коммунистами до октября 1917 г. формировались на уровне теории. В. Волин, теоретик Махно, сказал еще в эмиграции в США Троцкому в апреле 1917 г., что большевики уничтожат всех своих конкурентов, в том числе и анархистов. «За кого вы нас принимаете, — ответил Лев Давидович, — в любом случае мы социалисты, следовательно, мы не являемся вашими врагами». «Немедленно расстрелять», — был «быстрый, лаконичный и ясный» приказ Троцкого в 1919 г. при известии об аресте Волина [4: с. 137–139]. Практика, таким образом, сильно отличалась от теоретических установок.

Военная система, созданная Махно, базировалась на комбинации централизации и добровольного принципа комплектования армии. Органичная связь с народом давала возможность содержать эту армию и при необходимости развернуть ее в массовую, иногда до 50 тысяч.

Экономические мероприятия отражали военный характер эпохи, но с максимальным включением анархистских элементов. Насильственной коллективизации не было. Коммуны были, их анархисты поддерживали. Реально существовало крестьянское самоуправление, и все основные вопросы жизни решали сами трудящиеся.

Многopатийность, существовавшая на контролируемых Махно территориях, свидетельствовала о демократичности создаваемой системы. Но это касалось только социалистических партий. Даже большевики имели свободу действий и пропаганды в этом районе.

Контрразведка, орган репрессивный и антидемократичный, была сбалансирована совокупностью общественных организаций и партий. Проходили съезды делегатов. Органичная связь с народом осуществлялась множеством способов. Соответствие теории и практики было реализовано в той степени, в которой это было возможно в военных условиях. На фоне большевистского отношения к народным проявлениям инициативы это было действительно демократично.

Жизнеспособность создаваемой социально-экономической системы основывалась на реальном признании народной воли источником преобразований и на искреннем следовании курсом анархии. Причина поражения была в колоссальном численном превосходстве большевиков, в беспринципности их отношения к анархистам.

Интенсивные теоретические дискуссии прошли в 1920–1930-х гг. в русской эмиграции. Общество, созданное на махновской «освобожденной территории», не считалось большинством анархическим потому, что там еще шла социальная революция. Все эти проблемы скоро повторятся в Испании: проблемы переходного периода, форм хозяйствования, роли товарно-денежных отношений, проблемы соотношения мнений большинства и меньшинства, координации экономики, времени начала преобразований.

В итоге стало понятно, что без создания армии, что отвергалось анархистской теорией, и без наступательных действий победа невозможна. Более того, невозможно и немедленное осуществление анархистских постулатов. Оставался поэтапный вариант действий, с постепенным расширением зоны влияния анархизма и реализации его программы.

В целом все течения российского анархизма предупреждали испанских единомышленников о недопустимости союза с коммунистами. Их не послушали, считая, что коммунисты естественные союзники. Получили в итоге катастрофу. Вот отрывок из письма Махно испанским анархистам: «Дорогие товарищи! Вам следует избегать всякого союза с коммунистическими большевиками, потому что испанские коммунисты-большевики, я думаю, такие же, как и их друзья — русские. Они пойдут по стопам иезуита Ленина или даже Сталина; они, чтобы утвердить свою партийную власть в стране, не замедлят объявить монополию на все достижения революции и предадут и союзников, и само дело революции. Недопустимо идти вместе с той партией, которая

завтра же обманет народ и станет худшим из деспотов свободы и прав народа (Испанские анархисты: Кропоткин, Бакунин и Махно — Радио Свобода: [сайт]. svobodanews.ru › content/article/2177109.html).

Причастность российских анархистов к судьбе испанских коллег очевидна. Они всегда с особым вниманием относились к Испании. Бакунин еще в 70-е годы XIX столетия считал ее перспективной страной для осуществления на практике идей анархизма. Кропоткин посетил Испанию и смог общаться со многими испанскими анархистами. Что касается Махно, то он, по свидетельству его биографов, буквально рвался в Испанию, чтобы помочь в подготовке «либертарианской» революции.

Испанские анархисты имели богатый опыт борьбы, организационную структуру (НКТ – ФАИ)¹, теоретические разработки, опыт попыток установить либертарный коммунизм. Руководители анархистов были опытны и авторитетны. Испанская же коммунистическая партия в начале 1930-х гг. была малочисленной группой без серьезного влияния. Тем более настоятельна задача исследовать сложные взаимоотношения анархистов и коммунистов и причины превосходства последних в этом противостоянии. Проекция этой проблемы на другие составляющие европейской реальности 1930-х гг. очевидна. Все крупные страны принялись тогда выстраивать собственные отношения, не особенно заботясь о самой Испании. Не ошибиться с союзниками — вот смысл европейской политики в эти годы. И все западные демократии и СССР ошиблись. Потому что решать проблему надо было еще в Испании. Исход гражданской войны мог оказаться определяющим для судеб Европы. В итоге — гитлеровцы на Елисейских полях и бомбардировки Англии, вторжение в СССР.

Историографическая ситуация по теме сложилась достаточно непростая.

Самая заметная работа последних лет о гражданской войне в Испании написана Н. Платошкиным [2]. Преимущество с марксистской (советской) историографией сохраняется в базовых оценках наиболее заметных проблем. Речь идет о роли анархистов в Каталонии. Она, по мнению автора, отрицательна кроме начального этапа при разгроме мятежа. В сельском хозяйстве, промышленности, армии, во власти последствия действий анархистов автор оценивает негативно. Коммунисты же наоборот мудры, последовательны, терпимы, дорожат союзом с НКТ. Н. Платошкин защищает следующую логическую последовательность действий: сначала разгром франкистов, затем социальные преобразования [2: с. 190].

Такие авторы как Марк Васильев (Гражданская война в Испании — Традиция. [сайт]. traditio.ru › wiki/Гражданская_война_в_Испании), Ю. Назаренко (Ю. Назаренко Госкап-сайт. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов. (Конец мировой революции). [сайт]. goscap.narod.ru › ispania.html, В. Роговин (XLIИ. Троцкий об испанской революции — 1937 — В. Роговин [сайт]. trst.narod.ru › rogovin/t4/xlii.htm), Марк Головизнин (Дневник советского генерального консу-

¹ НКТ — Национальная конфедерация труда; ФАИ — Федерация анархистов Иберии.

ла в Барселоне [сайт]. revkom.comnaukaikultura/tetradi/tetradi-9.htm) считают, что Сталин опасался несанкционированных революций. Испанская, по их мнению, могла перерасти чуть ли не во всемирную и неподконтрольную Сталину. А это стало бы угрозой новой бюрократии, ее всевластию. Поэтому Интернационал старался удержать процесс в буржуазно-демократическом направлении, по сути, подыграть капитализму. При этом анархисты и ПОУМ¹ находились в постоянной обороне. Победить же можно было, считают эти авторы вслед за Троцким, только при наступлении и перерастании революции в социалистическую, в случае нераздельности войны с фашизмом и социалистической революции, Поэтому был развязан террор против противников коммунистов с целью не допустить союза всех некоммунистических сил. Сталин боялся такого союза. В итоге с советской помощью революция была задушена. Эта историографическая тенденция имеет претензии быть истинно ленинской.

А.В. Шубин, автор самой заметной и интересной работы об анархизме в России и Испании пишет о сильной анархистской традиции в Испании. Он обращает внимание на связь российской истории с испанской, имея в виду опыт Махно, на отношения с коммунистами, на теоретические поиски в русской эмиграции. Шубин пишет о необходимости наступательной тактики.

Отмечаются успехи испанских анархистов в коллективизации, в промышленности, самоуправлении. Анализируется проблема характера армии, вхождения во власть. Финальный вывод звучит следующим образом: «Столкнувшись с реалиями социальной революции, анархо-синдикалисты были вынуждены отойти от многих радикальных постулатов своей программы и перешли к концепции поэтапного, эволюционного проведения движения к анархическим идеалам, к реформизму и сотрудничеству с другими социальными силами» [3: с. 564].

Е. Гарсия, российский автор, с симпатией относящийся к анархистам утверждает, что в действиях анархистов просматриваются догмы. В итоге они запутались. Политические маневры привели анархистов к полному отречению от своих принципов: не желая создать революционную власть, они способствовали укреплению буржуазного государства, а это путь к поражению (Елиас Гарсия. Испанские анархисты в гражданской войне: «За или против сотрудничества с правительством» [сайт.] revkom.com > naukaikultura/tetradi/tetradi-...).

В.В. Дамье также считает, что итог эксперимента с «хождением во власть» оказался для испанского анархо-синдикализма катастрофическим. Он пишет о необоснованности коммунистических обвинений в адрес анархистов, отмечает большие возможности военной организации анархистов (Дамье В.В.: Испанские анархо-синдикалисты и проблема государственной власти (1936–1939). [сайт]. aitrus.info > node/1055).

В значительной степени разобраться в проблеме помогает сборник документов, условно названный «дневник Антонова-Овсеенко» и некоторые другие документы (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 120. Ед. хр. 84, 263, 259).

¹ ПОУМ (исп. POUM) — Рабочая партия марксистского единства.

В «Дневнике» содержатся несколько сюжетов: о выстраивании правильной линии в отношении анархистов, с учетом их веса, о военно-политической обстановке и стратегических направлениях действий, о статусе Каталонии и ее отношениях с центром, о военно-технических вопросах, о возможности союза республиканцев с колониями. Уже в течение первой недели пребывания в Барселоне В.А. Антонов-Овсеенко вошел в курс всех важнейших проблем. На пост советского Генерального консула в Барселоне он был назначен в конце сентября 1936 года. Это было знаковое назначение для испанцев. Консул был из старых большевиков. Имело, видимо, значение и то, что в свое время, Антонов-Овсеенко, как командующий южным фронтом в гражданскую войну, встречался с Махно, отзывался о нем и его армии достаточно объективно и в Испании мог адекватно оценить обстановку, в которой анархисты были решающей силой.

Назначение Антонова-Овсеенко совпало с началом гонений на ПОУМ и левых анархистов в Каталонии. И Генконсула обвиняют в том, что подавление анархистов состоялось при нем. Но этому нет доказательств. Более того, Антонов-Овсеенко рискнул положительно отзываться об анархистах Каталонии. И это была принципиальная позиция. Не может такого быть, чтобы он не понимал плана Сталина относительно Испании. Если понимал, но настаивал на союзе с анархистами, то фактически высказывался за развитие революции, то есть он расходился со Сталиным сознательно.

Информация о настроениях и действиях анархистов занимала самое заметное место в его донесениях. «Гарсия Оливер, — писал он, — не возражает ни против единого командования, ни против дисциплины в бою, но он против восстановления постоянного офицерства, этой основы милитаризма. Он с явным удовольствием выслушивает мое совпадение с его военным планом — действий в помощь Мадриду прежде всего путем развития операций у Сарагоссы. Отбрасывает намеки на сепаратизм — «Мы даже родом не каталонцы в большинстве, но Мадрид не должен тянуть нас назад»». Антонов-Овсеенко особо подчеркивает дружелюбный тон беседы и то, что Гарсия Оливер с большим интересом выслушал его изложение основных положений марксистской теории пролетарской диктатуры, об отмирании пролетарского государства.

Из беседы с влиятельным левым активистом Миравильясом, бывшим секретарем Комитета антифашистской милиции, генконсул отмечает, что «анархо-синдикалисты проявляют в руководстве промышленностью все большую осторожность. Они отказались от проведения уравниловки на крупных предприятиях» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 61). Показательно, что Антонов-Овсеенко выделил этот сюжет, как один из основных.

Анализ военно-политической и экономической ситуации позволил Генконсулу сделать вывод о необходимости поддержки Каталонии. В донесениях в Москву он описывает ситуацию, сложившуюся в этой провинции совсем иначе, чем это делала официальная советская и коминтерновская пропаганда,

изображавшая Каталонию как «царство испанской махновщины», оплот безвластия, анархистского террора и казарменного коммунизма.

6 октября 1936 года Генконсул направляет советскому послу в Испании Розенбергу обстоятельную докладную записку, в которой говорится: «Представление об анархии в Каталонии неправильно. Сомнения нет, что вожди этого правительства понимают связанность судьбы прогрессивной и республиканской Каталонии с судьбой Мадрида. Понимают они и экономическую связанность Каталонии с остальной Испанией. Вполне, по стратегическому положению, по мнению Антонова-Овсеенко, возможно для них, выполняя каталонское дело, играть тем самым роль спасителя республиканской Испании» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 70). Ведь это стратегические соображения. Очень ценные и базирующиеся на признании лидирующей роли в основном анархистской на тот момент Каталонии.

Это подтверждается развитием его анализа военно-стратегической обстановки. «Я считаю неправильным, — продолжал генконсул, — направлять сколько-нибудь значительные силы в Мадрид. В Мадриде они разложатся. Надо в срочном порядке создать ударный кулак к юго-востоку от Мадрида, надо развернуть наступление на Сарагосу и от северного побережья к югу. Значит, надо всемерно укреплять арагонскую группу» (Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 70–72). То есть, он считал возможным опереться на вооруженные силы Каталонии, которые в основном состояли из анархистов.

Еще один нюанс его оценок — связи с колониями. «Готовность каталонцев пойти на соглашение с марокканскими националистами хороший показатель ограниченности их собственного национализма. Их позицию, по моему, надо всемерно поддержать» (Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 71). 5 октября 1936 года Антонов-Овсеенко обратился в Политбюро ЦК ВКП (б), запрос дошел до Сталина и других руководителей СССР. Генконсул, высказывая согласие с предложениями марокканских националистов, просил ускорить ответ на данное письмо. Ближайшие события показали, что предложения Антонова-Овсеенко не прошли, они явно противоречили сталинской политике по умиротворению Франции и Англии, то есть устанавливалось табу на проблему колоний, чтобы не раздражать эти державы.

По вопросу об автономии Каталонии оценки Антонова-Овсеенко тоже не понравились в Москве. Сильное центральное правительство устраивало Сталина больше, чем сильная федерация. Оно было зависимым вследствие советских поставок. Устраивал и новый премьер — Негрин.

7 февраля 1937 г. Сташевский доложил в Москву о конфликте между советским консулом в Барселоне и Негриным. Во время встречи в торгпредстве Антонов-Овсеенко «выступив очень ревностным защитником Каталонии», вызвал ответную реплику Негрина, что он, Антонов-Овсеенко, «большой каталонец, чем сами каталонцы». По словам Сташевского, Антонов-Овсеенко грубо заявил, что

«он революционер, а не бюрократ». В ответ на это Негрин заявил о своем намерении подать в отставку. Демарш Негрина стал известен в Москве, а Антонов-Овсеенко получил взыскание – «соответствующий нагоняй» от посла Розенберга (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 263. Л. 32). Сташевский не упустил добавить, что «во всей работе (Антонова-Овсеенко — *В.И.*) очень много показухи». Сталин был информирован о «неправильной линии и работе Антонова-Овсеенко» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 263. Л. 32).

Думается, роль Каталонии виделась в Москве и на месте Антонову-Овсеенко по-разному. Сташевский писал в конце 1936 г., что «трудно себе представить победу без участия Каталонии — самой промышленной части Испании» (РГАСПИ. Ф. 17, ОП. 120. Д. 263. Л. 9). Отсюда такое его внимание к анархистам — решающей силе в то время в Каталонии: констатируется, что анархисты сближаются с коммунистами – «лучшая анархическая часть», «но процесс очень болезненный» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 263. Л. 12-13). Антонов-Овсеенко же не смог или не захотел, как хотели в Москве, ни изменить скорость, ни характер процесса, поскольку смог объективно взглянуть на события и оценить расклад сил. ПОУМовцы независимые, как Антонов, от решений Москвы, писали открыто в своей прессе в начале 1937 года, что от решительности анархистов «будет зависеть продвижение или остановка сталинского самовластия» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 263. Л. 23). Примечательно, что в Москве осознавали значение анархистов даже после подавления их выступления в мае 1937 г. Сотрудник ИКК после года работы при ЦК КПИ написал доклад «О теперешней ситуации в Испании». Г. Дмитриев переправил в декабре 1938 г. его в Политбюро. «После коммунистов больше всего командных постов принадлежит анархистам» (Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 259. Л. 127), — писал автор. «В анархистской организации значительный разброд. Авантюристическая тенденция... потерпела поражение. Более здоровая тенденция... за поддержку правительства, Народного фронта, борьбу за независимость» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 259. Л. 133). В этот момент и даже ранее КПИ была полностью управляемой советским руководством. Об этом свидетельствует письмо ЦК Сталину от 31 декабря 1936 г. В нем горячо одобрялись результаты московских процессов по троцкистско-зиновьевскому блоку, «неоспоримое обвинение прокурора», заявлялось о возмущении испанского народа и содержалось обещание бороться с троцкизмом в Испании (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 259. Л. 2). В такой ситуации Антонов вряд ли мог реализовать свою линию, основанную на объективных оценках. А его видение было нюансированным и могло стать основой очень продуктивной политики. Он видел разницу между НКТ и ФАИ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 70), видел эволюцию в позициях руководителей анархистов, например, в мероприятиях на предприятиях (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 67), оценивал потенциал Каталонии как возможно решающий в борьбе с Франко. Жителей провинции, в большинстве сторонников анархизма, называл «превосходным людским материалом» (РГАСПИ.

Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 74), на основе которого можно было создать 100-тысячную армию. Этим объясняются его настоятельные советы Инстанции (Политбюро ВКПб) «не только прекратить какие бы то ни было нападки в нашей печати на анархистов, но популяризировать и морально поддерживать каталонское правительство» (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 74). Открыто поддержать анархистов — решающую силу на тот момент — Антонов-Овсеенко не решился, учитывая характер адресата. Но в письме к полпреду СССР в Испании Розенбергу был предельно откровенен: «Пишу о самом главном. Представление об анархии, царящей в Каталонии, неправильно» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Ед. хр. 84. Л. 70). Но это мнение в Москве посчитали ошибочным. Серией насильственных мероприятий анархисты были загнаны на политические задворки. В результате Испанская Республика проиграла войну Франко. Последствия были долговременные и катастрофические.

Среди причин сталинского недоверия к испанской революции было и то, что ее успех, тем более на анархистской основе, означал изменение всей структуры коммунистического движения, снижение роли СССР, появление альтернативного центра, пусть и менее значимого. А далее с учетом роли Испании для Латинской Америки (вспомним начало XIX века, сцепку испанской и латиноамериканских революций) процесс мог перекинуться туда, и здесь Сталин еще меньше мог оказать влияние на события. В абсолюте могла произойти почти мировая революция, в близости к США, но без гегемонии ВКПб. В то время Латинская Америка бурлила. Достаточно широко реализовывались серьезные меры антиолигархического и антиимпериалистического характера. Общая обстановка была такой, что Латинская Америка могла взорваться, если бы был детонатор, каким мог стать успех революции в Испании.

Но одна причина не может объяснить все. Естественно, геополитика, как предельно прагматичная сфера деятельности, накладывалась на характер революции. При этом ясно одно — Сталин не хотел развития революции в Испании. Но он не хотел и победы Франко. Его устраивала буржуазная демократия. Через это решалось, как он полагал, несколько проблем.

Во-первых, устанавливались бы союзнические отношения с Францией, затем с Англией, а они возможные союзники против Германии.

Во вторых, большевизм демонстрировал, что он способен на цивилизованную политику без идеологии, за сохранение частной собственности, свобод и т.д. Ведь именно эта политика привела множество мелких буржуа в ряды компартии Испании.

В третьих, можно было троцкистов, настоящих или вымышленных, как ПОУМ, объявлять врагами и уничтожать. Тем более, что они требовали развития революционного процесса. И особенно испанских анархо-синдикалистов, как наиболее опасных конкурентов, даже при осознании их реального значения. Тем более, что их политическая линия не была однозначно кристаль-

ной и были поводы для предъявления им неприемлемых требований. Криминальные элементы массово проникали в ряды анархизма и дискредитировали его. Франкистские агенты, провокаторы также не сидели без дела. Причем действовали сознательно и системно. Кстати, Махно такого не допускал. Его контрразведка была очень эффективна.

Но, уничтожая анархистов привычными методами провокаций, демагогией, насилием, Сталин резко сужал возможности сопротивления франкистам. Деморализованные анархисты уже не были бойцами, как в начале мятежа Франко. Под угрозой оказывался и сталинский план сохранения республики как ключевого элемента в создании антифашистского альянса. Сталин оказался банкротом в этой исторической трагедии. Огромные жертвы оказались напрасными.

В четвертых, Сталину нельзя было не учитывать общественное мнение в СССР, предельно позитивное по отношению к Испании.

Затягивание испанской войны, видимо, было на руку Сталину. Мог, как ему казалось, дольше торговаться с Западом. Но случился Мюнхен, и Сталину Испания уже не была нужна. Он понял, что уже не победить, момент упущен, и советская помощь резко сократилась.

Так что две стратегических ошибки привели к поражению: сокращение поставок и уничтожение анархистов. Мнение Антонова-Овсеенко не было учтено.

Но и социальный успех испанской революции означал бы провал планов Сталина. На тот исторический момент на европейском континенте, может быть, только Германия с колоссальной экономической мощью имела такое же значение, как и Испания, для судеб революционного процесса в мире. Но Германия была фашистской, тоталитарной. Сталин хорошо знал, что это такое, и что никакого коммунизма, революции там уже не будет в ближайшие годы. Значит, надо было сохранить всеми способами контроль над испанским процессом! Все способы и применялись. Эпизод с назначением Генеральным консулом в Барселону Антонова-Овсеенко, как эксперта по российскому анархизму, в расчете на выправление испанских анархистов и на привлечение их в подчиненном состоянии к активным действиям, не оправдался. Антонов-Овсеенко понял свою задачу по-другому. Он оказался объективным там, где это от него не требовалось. В итоге был отозван и расстрелян.

Возможно, что политика Сталина в Испании коррелировалась и таким обстоятельством, как фактически независимое решение рядовых коммунистов Европы и Америки направиться в Испанию для участия в войне. Он не учел, что они в большинстве были гражданами демократических стран и даже уставки их партий и Коминтерна не могли изменить их решения. Сталину приходилось позднее учитывать это. Первые интербригадовцы прибыли раньше советской военной помощи и решений Коминтерна.

Значение республиканской Испании во Второй мировой войне могло бы быть очень значительным с учетом географического положения и антифа-

шистской направленности ее внешней политики. Даже при нейтралитете, учитывая истощенность гражданской войной.

Среди факторов, сыгравших негативную роль, необходимо отметить явное неумение (отсутствовала даже традиция) анархистского руководства ставить промежуточные задачи, видеть ближние цели, например, единство народа против фашизма. Теоретический догматизм действовал вкупе с другими факторами.

При освещении проблемы отношений коммунистов и анархистов в испанской войне встает проблема уровня независимости решений КПИ от Москвы. Рост влияния КПИ связан был в первую очередь с поддержкой СССР, реализовавшейся через военные поставки. Зависимость сохранится на долгие годы. СССР финансово содержал компартию и потом. В ответ демонстрировалась полная лояльность. 9 декабря 1946 года Сулов переправил Молотову в отдел внешней политики ЦК ВКП (б) запись сообщения Долорес Ибарури: «Мы проводим политику национального единства, стремимся создать широкий антифранкистский фронт... Руководство социалистов, анархистов и республиканцев выступило против такого широкого национального блока». Далее Ибарури пишет о «противодействии реакционных руководителей этих партий» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Ед. хр. 1224. Л. 32). Ощущение, что время застыло для коммунистов. На дворе стоял уже 1946 год.

Литература

1. *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А. Бакунина / Н.М. Пирумова. – М.: Наука, 1990. – 319 с.
2. *Платошкин Н.* Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. / Н. Платошкин. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 480 с.
3. *Шубин А.В.* Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 / А.В. Шубин. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 232 с.
4. Voline V. La révolution inconnue / V. Voline // Daniel Guérin. Ni dieu, ni maître. Anthologie de l'anarchisme. – Vol. III. – Paris.: François Maspero, 1973. – P. 133–156.

Literatura

1. *Pirumova N.M.* Social'naya doktrina M.A. Bakunina / N.M. Pirumova. – M.: Nauka, 1990. – 319 s.
2. *Platoshkin N.* Grazhdanskaya vojna v Ispanii. 1936–1939 gg. / N. Platoshkin. – M.: Olma-Press, 2004. – 480 s.
3. *Shubin A.V.* Anarxistskiy social'ny'j e'ksperiment. Ukraina i Ispaniya. 1917–1939 / A.V. Shubin. – M.: IVI RAN, 1998. – 232 s.
4. Voline V. La révolution inconnue / V. Voline // Daniel Guérin. Ni dieu, ni maître. Anthologie de l'anarchisme. – Vol. III. – Paris.: François Maspero, 1973. – P. 133–156.

В.А. Корнилов

Воинская повинность в условиях реформ 60-х годов XIX века в России

Проведение в жизнь реформы 1861 г. выходило далеко за пределы вопросов, касающихся изменения аграрных отношений. Крестьянская реформа выдвинула множество проблем административного управления, внутренних отношений крестьянского мира, условий быта и т.д. За реформой 1861 г. закономерно последовала цепь других буржуазных реформ в России. Ряд преобразований затянулся на долгие годы, и в окончательной редакции они вошли в жизнь, как относительно самостоятельные меры, которые были уже ближайшими последствиями отмены крепостного права. К числу таких реформ относится введение всеобщей воинской повинности, как завершающий шаг в системе военных реформ. Это преобразование тормозилось тем, что существовавшая в стране рекрутская повинность накануне крестьянской реформы и даже в первые годы ее проведения казалась правящим кругам России неизблемой основой комплектования армии нижними чинами.

К началу 60-х гг. принципы рекрутской повинности оставались практически в неизменном виде по сравнению с началом XVIII в., когда она была введена в России, как элемент феодально-крепостнической системы. В основе рекрутской системы лежали следующие наиболее существенные признаки: она распространялась только на податные сословия, причем каждое из них несло повинность отдельно, не смешиваясь с другими сословиями даже в пределах одного населенного пункта; рекрутская повинность носила исключительно принудительный характер, низводя рекрута до крайней степени потери личности. При отсутствии личной заинтересованности нижних чинов в службе палочная дисциплина в армии делалась чуть ли не единственным инструментом подчинения солдат уставным требованиям. В рекруты могли быть взяты мужчины не одного определенного возраста, а все лица в пределах от 20 до 36 лет. В ряде случаев возрастные рамки раздвигались еще более и в рекруты брали практически детей. Срок службы, хотя и сокращался, но про-

должал быть длительным: в 60-х гг. он составлял 10 лет. До реформы 1861 г. рекруты из крепостных получали личную свободу (это распространялось и на их жен). Это была единственная льгота для людей, взятых в армию, но с отменой крепостного права и она была утрачена. На протяжении более чем полутора-вековой истории рекрутская система несколько изменялась соответственно менявшемуся курсу царизма и военным потребностям. Но ее прежние принципиальные основы сохранились, что делало ее сильно устаревшей к моменту крестьянской реформы. Изданный в 1831 г. Рекрутский устав с небольшими изменениями действовал и в начале 60-х гг.

Рекрутский устав, насчитывавший 1 355 статей, устанавливал крайне сложную и запутанную систему несения повинности для всех податных сословий империи. На различные сословия рекрутская повинность возлагалась неравномерно: в ряде случаев для отдельных местностей устанавливались привилегии и льготы. Согласно уставу формировались так называемые тысячные участки из мужского населения одного податного сословия. Число рекрут с тысячных участков каждый раз определялось царским указом (в условиях мирного времени 3–5 человек с 1 000 ревизских душ).

Проведение наборов осложнялось тем, что тысячных участков практически не существовало, так как отдельные населенные пункты и уезды не имели соответствующей «круглой» численности сословий, а объединять их с обществами других территорий запрещалось. Особенно сложно было рассчитывать поставки рекрут с имений помещиков, где численность крепостных колебалась от нескольких тысяч до нескольких единиц. Не имея возможности взять рекрута натурой с малочисленного общества или имения, казенные палаты вели сложную систему расчетов рекрутских долгов, которые по мере накопления позволяли взимать рекрута «натурой». Со времени введения Рекрутского устава в 1831 г. и до отмены крепостного права долговая система представляла собой крайне запутанный механизм. Рекрутские долги растягивались на десятилетия, нередко выходили за пределы жизни одного поколения и были малопонятны для неграмотного крестьянина. Трудности долговой системы усугублялись рекрутскими квитанциями.

Традиционным для России считался очередной порядок назначения рекрут. В каждом участке к первой очереди для поставки рекрут относились семейства, с наибольшей численностью работников. В каждую последующую очередь заносились семьи, где работников было меньше на одного-двух человек. Семьи с одним работником из очереди исключались. Если в первой очереди не было подходящей кандидатуры для взятия в рекруты, то переходили к следующей. Такой порядок был распространен среди государственных и удельных крестьян, а также в городских обществах. Естественно, с целью избежать поставки рекрута «натурой», большие крестьянские семьи стремились к раздроблению, чтобы у них считалось меньшее число работников. В связи с этим государство жестко регламентировало семейные разделы, но остановить этот процесс было невозможно.

Поэтому, начиная с 1838 г., министр государственных имуществ П.Д. Киселев начал вводить в государственной деревне так называемую жеребьевую систему. Сущность ее сводилась к следующему: при каждом наборе призывались к исполнению повинности все те молодые люди, которым к 1 января исполнился 21 год, а если в предыдущий год не было набора, то призывались и 22-летние. Все они разделялись на три разряда. Первый разряд составляли бесхозяйные, одинокие и из многодетных семей (более 4-х работников). Вторым разряд — из семей с тремя работниками. Третий — из семей с двумя работниками. Единственные кормильцы в семье освобождались от повинности. Все призываемые к исполнению рекрутской повинности тянули жребий, сначала первый разряд, затем второй и третий. Возрастная группа, прошедшая жеребьевку, более к рекрутской повинности не привлекалась. Постепенно система жеребьевки была внедрена в государственной деревне, а в 50-х гг. и в большинстве городских обществ. Система жеребьевки была закреплена в Рекрутском уставе, но полностью очередную систему не вытеснила. Последняя продолжала сохраняться в удельной деревне и ряде городских обществ. Помещики в своих имениях очень часто придерживались также очередной системы, хотя здесь было великое множество своих правил по определению кандидатур рекрут, а в отдельных случаях рекруты вообще назначались по произволу владельца или вотчинной администрации.

Таким образом, в середине XIX в. в России существовало несколько систем комплектования регулярных войск: рекрутство на основе жеребья, рекрутство на основе семейных очередей и конскрипции в пределах Польши. Кроме того, существовала вербовка охотников, то есть добровольцев на службу. Отсутствие единообразия набора армии имело ряд отрицательных последствий как для комплектования вооруженных сил, так и в отношении гражданского управления.

Отмена крепостного права и предоставление личных прав крестьянам автоматически выводили бывших крепостных из ведения помещичьей администрации в отбывании рекрутской повинности. Ряд статей Общего Положения 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, оговаривал порядок отправления рекрутской повинности крестьянами, проживающими на помещичьих землях.

Эти статьи, хотя и приближали порядок отбывания рекрутской повинности бывших помещичьих крестьян к порядку, существовавшему у государственных крестьян, все же сохраняли преимущество с прежними правилами рекрутства. Правительство первоначально не придавало особого значения разработке законодательных и административных правил рекрутской повинности бывших крепостных людей. Главный комитет об устройстве сельского состояния, Губернские по крестьянским делам присутствия, мировые посредники — хотя и должны были решать все частности, связанные с организацией рекрутской повинности, но занимались этим эпизодически, по мере того, как возникали какие-либо затруднения. Последний предреформенный рекрутский набор был в 1855 г., и поэтому за про-

шедшие 6–7 лет рекрутский вопрос несколько потерял остроту. Однако с 1861 г. Военное министерство начало предпринимать шаги по организации нового рекрутского набора и сразу же столкнулось с рядом противоречий между Рекрутским уставом и Положением 19 февраля 1861 г. В связи с этим 30 января 1862 г. военный министр Д.А. Милютин препроводил в Совет министров доклад, в котором настаивал на создании специальной комиссии по пересмотру Рекрутского устава. Такая комиссия была учреждена 6 февраля 1862 г. при Государственном совете (РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 28. Л. 166–172). Ее председателем был назначен член Государственного Совета, бывший государственный секретарь, статс-секретарь Н.И. Бахтин. В комиссию входили представители Сената, Второго отделения собственной императорской канцелярии и министерств: внутренних дел, военного, морского, государственных имуществ, уделов и финансов. Особое положение в составе Комиссии занимал сенатор К.Г. Репинский, ранее специально занимавшийся вопросами рекрутской повинности.

Комиссия была создана очень поспешно. В отношении военного министра к министру внутренних дел от 10 февраля 1862 г. такая срочность объяснялась необходимостью согласования действовавшего Рекрутского устава с «новыми условиями крестьянского быта и имеющимися в виду мерами к устройству положения нижних воинских чинов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. Д. 12. Л. 116). В указе о создании Комиссии отмечалось, что в связи с намечавшимся рекрутским набором «Комиссия должна сообразить, можно ли набор сей произвести на основании тех главных начал, кои таким образом будут приняты или же произвести оной по правилам ныне действующего устава» (РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2). Следовательно, еще в начале 1862 г. не возникало мысли об отказе от рекрутской системы комплектования войск. Правительство намерено было лишь примирить рекрутство с новыми порядками, возникшими в результате реформы. Это подтверждает и документ, формирующий уже не ближайшие, а перспективные задачи Комиссии:

«1. Не следует ли привлекать к отбыванию рекрутской повинности, кроме податных сословий и сословия привилегированные, ныне от оной изъятые, и в таком случае возможно ли это в настоящее время или же необходимо будет назначить для сего переходный период и насколько продолжительный?

2. Какую именно систему наборов удобнее было бы принять?...

3. Насколько возможно ограничить изъятия от рекрутства по разным случаям семейного и общественного положения для привлечения сей повинности наибольшего числа лиц?

4. Какие можно допустить изменения в тех же видах против существующих правил относительно меры роста поступающих в службы и телесных их качеств?

5. Какими правилами из принадлежащих по состоянию каждому лицу, вступающему в службу, оно может пользоваться в службе и какими за тем по выходе в отставку?

6. Не представляется ли возможным образовать особый капитал, подобно существующему во Франции под названием дотационного, для вознаграждения солдат по выходе в отставку?» (РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 13). Из перечисленных вопросов наибольшую остроту представлял первый — об отбывании рекрутской повинности привилегированными сословиями. Все остальные были лишены политического звучания и преследовали цель — улучшить существующую систему.

В преддверии рекрутского набора Комиссия 9 марта 1862 г. санкционировала замену частных наборов с Западной и Восточной полос империи, существовавших с 1835 г., общими наборами, не ломая Рекрутского устава в ближайший набор, «допустив все те меры, которые, не касаясь самого порядка отбывания рекрутской повинности, облегчали бы оную для народа» (РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2, 34). Однако, как показало проведение первого после отмены крепостного права рекрутского набора, Комиссия, отказавшись от радикальных изменений в рекрутских наборах, выбрала путь, который еще более усугублял трудности рекрутской системы. В июле 1862 г. были разработаны так называемые облегчительные меры в отправлении рекрутской повинности. Они имели сугубо частный характер и, если и вносили облегчения, то настолько незначительные, что податное население едва ли их почувствовало (РГИА. Ф. 1149. Оп. 5. 1862 г. Д. 57. Л. 2–6).

Первая трудность, с которой пришлось столкнуться при проведении рекрутского набора с 15 января по 15 февраля 1862 г., была вызвана новым порядком принадлежности рекрутских квитанций, выданных ранее помещикам.

До 1861 г. согласно Рекрутскому уставу помещики имели право сдавать своих крепостных в счет будущих рекрутских наборов, получая за это зачетные рекрутские квитанции, которые могли продать в казну, получая за них 300 руб. серебром. Помещики довольно активно использовали это свое право. На октябрь 1860 г. по данным МВД на руках у помещиков, сельских обществ государственных и удельных крестьян, у обществ городских сословий была 51861 квитанция (РГИА. Ф. 1262. Оп. 1. 1869 г. Д. 241. Л. 11). Реально полной статистики числа рекрутских квитанций не было. С другой стороны, по данным Военного министерства к концу 1861 г. на руках скопилось более 30 000 квитанций (РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 476. Л. 22). Их количество известно лишь по нескольким губерниям (см. табл. 1).

Если соотнести эти данные со структурой населения губерний, приведенных в таблице 1, то вполне можно допустить, что на руках у помещиков было более половины всех зачетных рекрутских квитанций.

Необходимо добавить, что рекрутская квитанция фактически освобождала от повинности не одного человека, а целую семью, и, если не навсегда, то на значительный срок. Квитанция предъявлялась не при первом наборе, а только тогда, когда подходила очередь или выпадал жребий. Поэтому наличные квитанции освобождали от рекрутства, как минимум, в 10–12 раз больше людей в сравнении с числом квитанций.

Таблица 1

Число выданных зачетных рекрутских квитанций к 1862 г.
(составлено по: РГВИА. Ф. 395. Оп. 220. Д. 47. Л. 2–38)

Губернии	Всего квитан- ций	В том числе по сословиям				
		Помещики	Частные лица, мещане	Государ- ственные крестьяне	Удельные крестьяне	Другие общества
Московская	5 421	1 955	3 262	204	–	–
Владимирская	2 775	1 428	1 334	13	–	–
Пензенская	5 088	2 338	156	2 577	–	17
Рязанская	5 389	3 399	182	1 808	–	–
Казанская	535	143	46	307	39	–
Самарская	1 901	194	88	1 179	440	–
Симбирская	1 338	511	132	16	679	–
Костромская	2 663	1 494	109	692	368	–

Особенно активно помещики сдавали крестьян в рекруты в счет будущих наборов накануне реформы. В конфиденциальной записке министра внутренних дел С.С. Ланского, адресованной главноуправляющему II отделением Собственной Е.И.В. канцелярией Д.Н. Блудову от 14 февраля 1858 г., на этот факт прямо обращалось внимание. «С тех пор, как гласно возник вопрос об улучшении положения помещичьих крестьян, — писал С.С. Ланской, — и вследствие того в некоторых губерниях образуются комитеты об уничтожении крепостного состояния, мелкопоместные владельцы имений, платящие рекрутские складочные деньги, усилили представление людей в рекруты, в зачет будущих наборов без особых к тому причин и несомненно только для того, чтобы получить от казны определенные законом за каждого рекрута 300 руб. серебром» (РГИА. Ф. 1262. Оп. 1. 1853 г., Д. 219. Л. 3).

Согласно Положению 19 февраля 1861 г. все квитанции, выданные помещиком в зачет будущих наборов, должны быть переданы сельским обществам или отдельным семействам (ПСЗ. II, т. XXXVI, № 36657, ст. 203). По мнению председателя Тверского губернского по крестьянским делам присутствия, рекрутские квитанции для крестьян «...составляют один из важнейших видов собственности, потому что нет повинности более тяжелой как рекрутская, и крестьянин готов на все лишения и жертвы, лишь бы ее избежать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. 1862 г. Д. 14. Л. 4). Данная точка зрения была господствующей в административных кругах, имевших отношение к проведению крестьянской реформы. Однако вопрос о точной принадлежности квитанций обществам или семьям так и не был решен. В результате возникали многочисленные тяжбы и ссоры внутри крестьян-

ской общины. М.С. Максимовский, работавший в составе Комиссии для пересмотра Рекрутского устава и специально анализировавший вопрос о принадлежности зачетных квитанций, в записке от 1 июля 1862 г. как пример приводил следующий факт: «...крестьянин Волоколамского уезда, села Глизарово, принадлежавшего князю Голицину, Осип Байков, был сдан в рекруты 13 декабря 1860 г. управляющим имением коллежским асессором Боборыкиным за ничтожную ссору с последним... Байков принят на службу 31-го года от роду (теперь ему 33 года); он женат и имеет двух малолетних детей; он из неразделенной семьи, в которой считается 11 душ обоего пола, из которых только 1 работник; семья его в недавнее время уже поставила рекрута: родной брат Осипа Байкова служил в л.гв. Семеновском полку и умер, находясь на службе, во время минувшей кампании. Теперь квитанция, выданная за Байкова, отобрана у помещика и передана крестьянскому обществу, хотя она по праву должна была принадлежать семье ушедшего на службу» (РГИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 247. Л. 128–129).

В споры между крестьянами о принадлежности квитанций обществам или семьям нередко вмешивались и бывшие владельцы крепостных. Они хранили у себя рекрутские квитанции, что и давало им возможность для такого вмешательства. Так, в июне 1862 г. в МВД поступило прошение от временно-обязанного крестьянина Владимирской губернии, деревни Астафьевой Ивана Матвеева. Суть ее сводится к следующему: в 1855 г. брат просителя был отдан в ратники государственного подвижного ополчения и, находясь на службе, умер. За него помещица получила зачетную квитанцию. После реформы эту квитанцию помещица, преследуя свои цели, передала в общество другого ее имения, находящегося в соседнем уезде, и таким образом крестьянин Иван Матвеев утратил право собственности на квитанцию. Ответ МВД гласил, что помещица имела право передать квитанцию в другую деревню (РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. 1862 г. Д. 21. Л. 17.135). Имелись случаи, когда помещики передавали квитанции отдельным лицам, не тем, из чьих семей были взяты в свое время рекруты. В той же Владимирской губернии помещик имел 4 квитанции, которые он передал четырем отдельным семействам крестьян. Сделано это было потому, что они вносили помещику на протяжении ряда лет деньги на рекрутскую повинность, которые хранились в банке. К моменту события накопилось 1467 рублей серебром. Доверенное лицо получило их и передало помещику, якобы в уплату крестьянских оброчных недоимок за 1861 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. 1862 г. Д. 14. Л. 36). Таким образом, признание за крестьянами права собственности на рекрутские квитанции после реформы оказалось фиктивным. В лучшем случае крестьяне добивались распространения на них правил, установленных Главным комитетом об устройстве сельского состояния 29 апреля 1862 г., по которым освобождение от рекрутства получали не только семьи, имевшие от помещика квитанции, но и те, которые лишились их, хотя и имели на них законные права. Однако освобождение от рекрутства было

не равноценно праву собственности на квитанцию, ибо последнее давало возможность продавать ее по официальной цене 300 рублей серебром.

Более крупные помещики, имевшие до реформы свыше 21 души мужского пола, широко прибегали к взиманию с крестьян взносов взамен полного или на определенный срок освобождения от рекрутской повинности. Это была своеобразная форма эксплуатации крестьян в условиях их личной зависимости от помещика. Размеры этих взносов были произвольные, намного превышая официальную цену рекрута. Чаще всего размер взноса колебался около 500 руб. серебром, но иногда он достигал 600 и более рублей. Во многих случаях крестьяне не имели на руках вообще никакого документа о внесенных деньгах за освобождение от рекрутства. Многочисленные жалобы, сохранившиеся в фондах департамента полиции исполнительной МВД, показывают, что в массе случаев крестьяне были не в состоянии доказать ни документально, ни апеллируя к миру, что получали от помещиков освобождение от рекрутства. Расписки же, выданные помещиками после реформы, если они касались дореформенных лет, считались недействительными (РГИА. Ф. 395. Оп. 219. Д. 72. Л. 9–10).

В связи с объявлением на начало 1863 г. рекрутского набора крестьяне массами стали предъявлять помещичьи расписки об освобождении от рекрутской повинности, либо заявлять в устной форме, что имели соответствующее обещание от помещика. Юридической силы такие обещания не имели, но их было настолько много, что игнорировать вопрос о них было невозможно. Главный комитет об устройстве сельского состояния 28 декабря 1962 г., проанализировав право помещика выдавать свидетельства на освобождение от рекрутства, пришел к выводу, что это «делалось повсеместно в силу обычая и бывших крепостных отношений» (РГИА. Ф. 395. Оп. 219. Д. 72. Л. 10). В связи с этим Главный комитет полагал, что «нет никакого основания возлагать на помещиков ответственность за совершение сделок об освобождении от рекрутства...» (РГИА. Ф. 395. Оп. 219. Д. 72. Л. 9–10). На основе этого решения Главного комитета 10 января 1863 г. МВД разослало циркуляр, в котором предписывалось не допускать никаких денежных исков крестьян к своим бывшим владельцам по внесенным ранее деньгам за освобождение от рекрутства. Но, с другой стороны, мировым посредникам и мировым съездам разрешалось принимать выданные помещиками освобождения от рекрутства (как письменные, так и устные; в последнем случае должно было быть подтверждение сельского схода). Если такое освобождение признавалось основательным, то крестьянская семья освобождалась от рекрутской повинности. Таким образом, деньги, полученные с крестьян за освобождение от рекрутства, оставались помещикам.

Квитанций, выданных помещиками, насчитывалось несколько тысяч в каждый набор, что влияло на общую норму рекрутского набора, постоянно увеличивая ее. Так Владимирское губернское присутствие полагало, если брать во внимание все семейства, внесшие при крепостном праве помещику деньги

за освобождение от рекрутства, и «слагать по волости со счетов при каждом наборе такое же число рекрут, то весьма многие волости, если не все, не дадут ни одного рекрута в продолжение нескольких наборов» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 450. Л. 16). Эти предположения не оправдались только потому, что крестьянские сделки с помещиками за освобождение от рекрутства были тщательно «рассмотрены», и многие из них не получили официального признания.

Сложность положения состояла в том, что квитанции, выданные помещиками, не учитывались казенными палатами. Поэтому трудно было предугадать, сколько их будет предъявлено в каждый последующий набор. Во время двух рекрутских наборов 1863 г. запас таких квитанций у крестьян не был исчерпан, и поэтому 2 ноября 1864 г. был издан специальный циркуляр министра внутренних дел о прекращении приема квитанций, ранее выданных помещиками. За короткий срок они должны были быть зарегистрированы в казенных палатах. Все незарегистрированные квитанции объявлялись недействительными (РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 950. Л. 172).

Пережитки крепостничества давали о себе знать не только в неразрешенности вопроса о судьбе рекрутских квитанций и царившем в связи с этим произволе. Как упоминалось ранее, до реформы действовала так называемая долговая система взимания рекрут. Отмена крепостного права ликвидировала и долговые расчеты по рекрутской повинности в участках, ранее состоявших из помещичьих крестьян. (ПСЗ. II, т. XXXVI, № 36657, ст. 210, 211). Сама по себе эта статья Положения 19 февраля 1861 г. не привлекала к себе особенного внимания исследователей. Однако ее значение выражалось хотя бы в том, что с помещиков слагался долг, равнявшийся 25117 рекрутам (РГИА. Ф. 1262. Оп. 1. 1860 г. Д. 341. Л. 18), или при пересчете на деньги — 7 535 100 рублей серебром. Для сопоставления приведем данные о долговых частях по всем участкам (РГВИА. Ф. 345. Оп. 210. Д. 59. Л. 105):

на помещичьих имениях —	25 117 330 долговых частей,
на удельных имениях —	69 584 - «» -,
на государственных крестьянах —	984 915 - «» -,
на городских сословиях —	364 239 - «» -.

Приведенные данные показывают, что рекрутские долги свободных сословий не шли ни в какое сравнение с размером долга помещиков, имевших от этого прямой доход.

В начале 60-х гг. русская армия испытывала значительную нехватку нижних чинов. Связано это было с двумя основными причинами. Во-первых, военная администрация пыталась создать запас из бессрочноотпускных нижних чинов, сократив срок действительной службы в войсках. Указом от 8 сентября 1859 г. срок обязательной службы был сокращен с 25 до 15 лет (РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 476. Л. 18), из которых 12 лет солдат находился на действительной службе и три года в бессрочном отпуске. Бессрочно-отпускные нижние чины составляли резерв

войск на случай войны. По данным «Отчета о современной деятельности Военного министерства и о предположениях относительно предстоящих действий» от 15 января 1862 г. разность между штатами войск в мирное время и военное время составляла 611 833 человек. (765 532 человек — в мирное время и 1 377 365 человек — в военное). В счет этой разности в бессрочных отпусках содержалось 242 928 нижних чинов (РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 476. Л. 22). Остальное должно было покрываться за счет рекрутских наборов.

К концу 1861 г. войска по штатам мирного времени нуждались в пополнении 135 тыс. рекрутами. Ожидалось, что в первый же рекрутский набор будет предъявлена 31 тыс. зачетных квитанций. Это означало, что при объявлении набора 6 человек с тысячи мужских душ (это считалось высоким уровнем), должен был поступить 122 621 рекрут, то есть на 14 тыс. менее потребности. Таким образом, квитанции делали рекрутскую повинность более обременительной по отношению к населению, обязанному нести эту повинность в натуре.

В начале 60-х гг. рекрутская повинность не носила всеобщего характера. Даже податные сословия в ряде случаев исключались из нее в виде льгот или привилегий. Характерно, что численность населения, подлежащего освобождению от рекрутской повинности, постоянно росла. Особенно проявилось это при проведении реформы 1861 г. За период с 1861 по 1863 гг. льготы получил и целый ряд категорий населения, вышедшего из крепостной зависимости. Все дворовые получили освобождение от рекрутской повинности на 2 года, начиная с 19 февраля 1861 г. Сверх того, по истечении этого срока сохраняли льготу в течение 6 лет те из них, кто вступал в сельские общества, и в течение 2 лет, кто вступал в городские общества (утверждено 10 мая 1862 г.). Мастерские помещиков и владельческих горных заводов, не получившие по уставной грамоте надела пахотной земли, освобождались на 6 лет от рекрутской повинности (утверждено 3 декабря 1862 г.). Такая же льгота была распространена на мастерских соляных заводов (утверждено 19 марта 1863 г.). 6-летнюю льготу получили крестьяне, уволенные из обществ без предоставления им земельных наделов, а также крестьяне и дворовые, записанные по ревизии в одних имениях, но получившие надел — в других (утверждено июля 1862 г. и 9 января 1863 г.). Кроме того, льготы получили крестьяне мелкопоместных владельцев и удельные крестьяне, которые впервые после реформы были включены в систему рекрутской повинности только в 1868 г. В связи с проведением административно-территориальных преобразований возникли и другие случаи льгот.

Наличие многочисленных изъятий из рекрутской повинности вызывало серьезную озабоченность в правительственных кругах, особенно в Военном министерстве. Поэтому вопрос об изъятиях стал предметом изучения Комиссии для пересмотра рекрутского устава. В «Записке о существующих системах рекрутских наборов и возможности их применения в России», подготовленной Комиссией в феврале 1863 г., приводятся данные официальной

статистики об изъятиях от рекрутской повинности по данным 10-й переписи населения (то есть без включения тех категорий населения, которые получили льготы после 1861 г.). Сведения на этот счет разных ведомств расходились. По данным Министерства Внутренних дел из 29 654 202 душ мужского пола (без Польши и Финляндии) рекрутскую повинность несли 24 285 807 человек. По данным Военного министерства рекрутскую повинность несли 23 588 121 человек, в том числе 905 470 человек имели право отправлять ее деньгами. Изъятых от повинности по сведениям военного ведомства было 6 066 081 душ мужского пола, а по данным МВД — 5 368 375 (РНБ ОР. Ф. 637. Д. 117. Л. 40). Комиссия не смогла отдать предпочтение той или иной статистике. Более того, в ее материалах нередко фигурируют цифры Центрального статистического комитета и Податной комиссии, которые также отличались друг от друга. В этой связи можно безошибочно сказать, что правительство не располагало точными данными об изъятиях от рекрутства. Попытки подсчитать, из чего складывались данные о числе освобожденных от повинности, также не дали полной картины. Тем не менее, представляют интерес подсчеты, сделанные в 1863 г. членом Комиссии от МВД М.М. Гамалея в записке «Об изъятиях от рекрутской повинности» (РНБ ОР. Ф. 637. Д. 141. Л. 1).

Население России мужского пола —	29 070 597 чел.
В том числе:	
отправляют рекрутскую повинность —	24 285 807 чел.
свободных от повинности —	4 784 790 чел.
в число освобожденных входят:	
1. иррегулярные войска —	836 675 чел.
2. башкиры —	496 074 чел.
3. инородцы разных губерний —	534 207 чел.
4. мусульманское население Таврической губернии —	126 281 чел.
5. население Бессарабии —	289 852 чел.
6. ссыльно-поселенцы —	16 301 чел.
7. отставные нижние чины и их дети —	487 924 чел.
8. колонисты —	238 683 чел.
9. воспитанники приказов общественного призрения —	25 471 чел.
10. лица, состоящие на временной льготе —	193 059 чел.
11. мастеровые казенных горных заводов —	114 044 чел.
12. тульские оружейники —	10 015 чел.
13. мастеровые, приписанные к дворцам —	2 809 чел.
14. адмиралтейские поселяне Черноморского флота —	7 531 чел.
15. приписные к горным заводам —	195 603 чел.
16. дворяне потомственные и личные —	437 326 чел.
17. почетные граждане —	9 074 чел.
18. духовенство —	312 779 чел.

19. купечество —	269 935 чел.
20. служащие, учителя, интеллигенция из непривилегированных сословий —	108 166 чел.
21. не несущие рекрутскую повинность разных категорий —	32 988 чел.

Из всех подсчетов, которыми располагала комиссия, данные М.М. Гамалея были наиболее полные. В них учитывалось наибольшее число категорий населения страны, не несших рекрутскую повинность, но они не включали в себя население Кавказа, где проживало более 1,2 млн. человек мужского пола, и население, проживавшее на территории, принадлежащей Российско-американской компании, также подлежащее изъятию. В подсчеты не включены все те категории населения, вышедшего из крепостной зависимости, которые получили временные льготы. Исходя из этого, сведения военного министерства об изъятиях от рекрутской повинности — свыше 6 млн. душ мужского пола — представляются минимальными и наиболее соответствуют реальной ситуации. Если исключить также и те 900 с лишним тысяч лиц, которые несли рекрутскую повинность деньгами, то получалось, что около четверти мужского населения страны рекрут не поставляли. Поскольку потребность в войсках не зависела от числа изъятых от рекрутства, то получалось, что тяжесть повинности ложилась на оставшуюся часть населения, не имевшую ни льгот, ни привилегий, ни квитанций, ни изъятия от повинности по малосемейному их положению. Таким образом, тяжесть рекрутской повинности в годы проведения реформы возрастала и тем самым усугубляла экономические трудности крестьянства.

Как уже отмечалось, Комиссия для пересмотра рекрутского устава должна была выработать мнение о привлечении к рекрутской повинности кроме податных сословий привилегированных лиц. Объективное положение дел требовало, чтобы рекрутская повинность была всеобщей и сословной. Ссылаясь на мнение дежурного генерала Ф.Л. Гейдена, Комиссия вынуждена была отметить, что уравнивание в правах «без сомнения доставит подлежащим рекрутству облегчение более существенное, чем уменьшение на несколько тысяч человек ежегодно с них сбора» (РНБ ОР. Ф. 637. Д. 117. Л. 51). Тем не менее, большинство членов Комиссии высказалось против подобной реформы. Д.М. Сольский, например, ссылаясь на закон 1762 г. о вольности дворянства (РНБ ОР. Ф. 637. Д. 109. Л. 46). М.М. Гамалея считал, что дворянство и так служит, и даже, если привлечь привилегированные сословия к исполнению рекрутской повинности, то число собранных с них рекрут «не будет стоить того, чтобы нарушать основные привилегии дворянства, духовенства, почетного гражданства и купечества» (РНБ ОР. Ф. 637. Д. 141. Л. 4). В материалах Комиссии отложилось и мнение генерал-майора Е.Е. Сиверса, который отмечал, что в настоящее время «при всеобщем неудовольствии дворянского сословия и напряженном состоянии умов относительно прав собственности, было бы, кажется, опасно затрагивать вопросы,

относящиеся до прав лиц». Если бы, по его мнению, это составляло жизненную потребность государства — тогда другое дело. В настоящее время такой жизненной потребности — жертвовать привилегиями, нет и поэтому вопрос о введении всеобщей повинности должен быть отложен. (РНБ ОР. Ф. 637. Д. 129. Л. 1). Господство продворянских настроений у членов Комиссии, у большинства правительственных деятелей и генералитета предопределило исход этого вопроса. За всю свою более чем десятилетнюю историю существования Комиссия так и не высказала мнения о распространении рекрутской повинности на привилегированные сословия. Сохранение же принципа сословности не позволило приблизиться к положительному решению вопроса о всеобщей повинности. Отсутствие всеобщности в отправлении рекрутской повинности очень остро ставило вопрос о порядке назначения рекрута из числа лиц, обязанных привлекаться к службе.

В условиях крестьянского хозяйства или мелкотоварного производства в городе, где господствовал ручной труд, отчуждение мужских рабочих рук было обременительным для семьи, а в ряде случаев приводило к упадку хозяйства. Рекрутская повинность при длительном отрыве призванного на военную службу от своего семейного хозяйства заключала в себе большую общественную несправедливость. Положение усугублялось, если под рекрутство попадала семья с малым числом рабочих рук или с единственным кормильцем. Крестьянская община придавала первостепенное значение порядку назначения рекрута. Каждая община имела свои традиции и правила, которые вырабатывались на протяжении десятилетий. Всякую ломку традиций община воспринимала болезненно и неохотно. Вводимую с 1838 г. в государственной деревне жеребьевую систему крестьянство встретило без одобрения. К моменту проведения реформы 1861 г. жеребьевая система хотя и была закреплена в рекрутском уставе и формально считалась господствующей, но крестьянство по-прежнему предпочитало ей прежнюю, очередную систему.

Согласно Положению 19 февраля 1861 г. крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, на волостном сходе должны были выбрать очерёдный или жеребьевый способ отправления рекрутской повинности (ПСЗ. II, т. XXXVI, № 36657, ст. 195). Однако занятые хозяйственными вопросами, при длительном отсутствии рекрутских наборов крестьянские общества в основной своей массе к началу рекрутского набора в январе 1863 г. такого выбора не сделали. Один из флигель-адъютантов, направленных в губернии для наблюдения за ходом рекрутского набора, полковник Олсуфьев, писал из Костромской губернии: «Временнообязанные крестьяне, занятые в последнее время составлением и окончательным приведением в действие уставных грамот, не имели достаточно времени, чтобы заняться и серьезно обсудить о новых порядках отбывания рекрутской повинности» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 219. Д. 71. Л. 18). По отзывам флигель-адъютантов крестьяне вообще неохотно брали на себя ответственность за выбор системы назначения рекрут. Многие общества предпочитали пользоваться правилами, кото-

рые условно нельзя было причислить ни к той, ни к другой системе, и которые никак не соответствовали Рекрутскому уставу. Так, например, крестьяне Коломенской волости, начиная с 1828 г., исполняли рекрутскую повинность следующим образом: каждые 10 ревизских душ мужского пола облагались со стороны общества денежным сбором для покупки рекрутской квитанции или найма охотника. Такой порядок было решено продолжать и далее (РГИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 25. Л. 7). Флигель-адъютант капитан Безак, человек, судя по всему, вдумчивый, с живым восприятием, писал из Симбирской губернии, что независимо от системы назначения рекрут крестьяне строго придерживаются правила — «ни одно семейство не должно избежать рекрутской очереди, равно обязательной для всех» (РГИА. Ф. 879. Оп. 1. Д. 10. Л. 345). Именно этим объясняются многие ходатайства и жалобы крестьян, поступавшие в правительственные инстанции после наборов.

В процессе проведения в жизнь реформы 1861 г. среди временнообязанных крестьян были образованы волости, в которые входили как большие сельские общества, так и малые. Когда порядок рекрутской повинности определялся волостным сходом, на котором больший вес имели голоса из крупных сельских обществ, очень часто повинность распределялась так, что на малые сельские общества возлагалась несоразмерно большая доля рекрутской повинности. Складывались и другие условия для неравномерного распределения тяжести рекрутства. Некоторые помещики в своих имениях запрещали семейные разделы, и к моменту реформы эти сельские общества состояли в большинстве из многорабочих семейств. Рекруты брались в первую очередь из больших семейств, и поэтому, в пределах волости на села, где было таких семей много, более всего падала рекрутская раскладка. Процесс слияния крестьян из разных имений в одну волость, как правило, сопровождался многими болезненными явлениями и нес на себе отпечаток прежней феодальной зависимости.

В Ярославской губернии возник вопрос о невозможности уравнивать по рекрутской повинности крестьян из разных имений. Так бывшая вотчина графа Воронцова-Дашкова, включавшая в себя 741 душу мужского пола, была причислена по общественному управлению к Капцовской волости. Ранее крестьяне, вошедшие в эту волость, принадлежали разным помещикам и отправляли рекрутскую повинность различным порядком. В вотчине Воронцова-Дашкова все крестьянские семьи должны были нести повинность. Даже семьи, состоявшие из одного-двух работников, отправляли рекрутскую повинность вкладчину, то есть нанимали рекрута, внося за это деньги в установленные помещиком сроки. Крестьяне воспринимали такую систему как уравнительную и стремились во что бы то ни стало сохранить ее, считая, что в других имениях она не имела уравнительности. Волостной сход в сентябре 1862 г. потребовал, чтобы крестьяне, принадлежавшие ранее Воронцову-Дашкову, несли рекрутскую повинность на общих основаниях. В этом случае все прежние

семейные очереди ломались — это не устраивало большинство членов общины. Кроме того, другие имения в отличие от названного, имели, по утверждению крестьян, большое число разделенных семей с одним-двумя мужчинами, что приводило к постоянному падению очередей на их имение. В результате крестьяне стали требовать, чтобы из их села была образована отдельная волость (РГИА. Ф. 1291. Оп. 55. 1862 г. Д. 29. Л. 88–89). Вообще крестьянские сходы, по свидетельству флигель-адъютанта Безака, назначали рекрут, строго придерживаясь очередей, но бывали случаи и отступления от рекрутского устава. Иногда крестьяне назначали рекрут по приговору без соблюдения очереди. Это касалось «таких семейств, кои по их выражению, уходят летами или уклонялись искусственно прежде, или никогда не давали рекрут» (РГИА. Ф. 879. Оп. 1. Д. 10. Л. 345). Все перечисленные тенденции в решении крестьянскими сходами очередности рекрутской повинности отражали общее стремление к уравнительности в повинности, хотя бы в пределах волости или отдельной общины. В этом их стремления приходили в иное противоречие с господствовавшими порядками.

Дальнейшее проведение в жизнь крестьянской реформы было связано с преодолением границ различий и государственных крестьян. При проведении рекрутских наборов у государственных крестьян был жеребьевый порядок; у крестьян, вышедших из крепостной зависимости, устоявшейся системы не было. В связи с этим было решено предоставить обществам государственных крестьян самим избирать систему набора при их включении в состав волостей, где были временнообязанные и собственники (РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 203. Л. 8). Однако этот внешне либеральный жест правительства означал внесение дополнительной путаницы в рекрутскую повинность. Этим как бы скрывалась невозможность установить общую систему рекрутской повинности в пределах государства. Предоставив крестьянам самим решать вопрос о порядке назначения рекрут, правительство стимулировало столкновение интересов внутри общины и обострение противоречий между отдельными сельскими обществами. На какое-то время это дало возможность скрывать народное недовольство рекрутской повинностью в целом, но, с другой стороны, служило препятствием для упорядочения системы набора в армию.

С целью согласования всех частных рекрутской повинности при передаче государственных крестьян в ведение общеадминистративных учреждений в рамках Комиссии для пересмотра рекрутского устава, в начале 1866 г. было составлено особое совещание. При множестве конфликтов в процессе административного переустройства и при общем стремлении сохранить рекрутскую повинность на прежней основе, совещание, равно как и Комиссия, утонуло в частных, так и не выработав конструктивного проекта. На заседании 11 января 1867 г. Комиссия отметила, что ее деятельность свелась «к проектированию для каждого набора, впредь до окончательного пересмотра

Рекрутского устава, особых правил, которые могли бы тотчас облегчить народу, в известной степени, рекрутскую повинность» (РГВИА. Ф. 378. Оп. 1. Д. 1. Л. 141). Эта крайне осторожная оценка прошедшей деятельности — показатель глубокого кризиса, который переживала прежняя система комплектования армии. Тем не менее, ни в Комиссии, продолжавшей свою работу до 1870 г., ни в высших правительственных кругах на протяжении 60-х гг. никто не предполагал, что рекрутская повинность доживала последние годы.

Таким образом, реформа 1861 г. не привела к развитию элемента всеобщности и всеословности в рекрутской повинности. Более того, увеличение изъятий, хотя бы и временных, усиливало ее тяжесть для тех категорий населения, которые выполняли рекрутскую повинность в полной мере. Соединение прежних начал рекрутской повинности с новыми социально-экономическими условиями лишь усугубляло трудности крестьянской жизни, препятствуя одновременно прогрессивному развитию армии.

История России ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

В.Н. Рудаков

Бегство князей в русском общественном сознании (XIII–XVI века)

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проследить эволюцию представлений русских книжников второй половины XIII–XVI вв. о допустимости бегства князей в условиях военной угрозы. Как известно, в этот период главная угроза для Русских земель исходила в основном от Золотой Орды и ее «осколков» — государств, возникших на ее территории.

В условиях ордынского нашествия 30-х гг. XIII в. и в последующий период бегство русских князей от монголо-татар было весьма распространенным явлением. Князья бежали на протяжении нескольких столетий — начиная от оставления князьями стольных городов во время нашествия Батые в 30-е гг. XIII в. и заканчивая «отъездом» из Москвы в 1571 г. Ивана Грозного, который спасался от нашествия крымского хана Девлет-Гирея.

С современных позиций бегство военного предводителя, (кем, собственно, и был князь) — поступок, граничащий с предательством, который трудно оправдать тактическими или же стратегическими соображениями. Однако, как оценивалось бегство князей в общественном сознании второй половины XIII–XVI вв.? По крайней мере, в среде древнерусских книжников, из-под пера которых и вышли письменные произведения, позволяющие судить об общественных умонастроениях той эпохи?

Понимание этого позволит не только более точно представить отношение современников и ближайших потомков к поступкам отдельных князей, среди которых — ключевые фигуры своего времени (Даниил Романович Галицкий, Михаил Всеволодович Черниговский, Дмитрий Иванович Московский (Донской), Иван Грозный и многие другие), но также даст возможность проследить, как в тот или иной период времени в целом менялись представления о функциях князя и княжеской власти на Руси.

Если верить наиболее ранним из дошедших до нас рассказов о нашествии Батые, князья весьма редко проявляли себя в качестве организаторов «герои-

ческого сопротивления» захватчикам. Скорее, наоборот. Весьма показательно, что в момент нашествия ни один из наиболее сильных на тот момент князей не возглавил оборону своих столиц, предпочтя «отъезд» подальше от театра военных действий.

Уезжают из столицы, например, Даниил Галицкий, который бежит в «Ляхы», и Михаил Черниговский, который «бежа передь татары Оугры», то есть в Венгрию, «иже за страх татарьскыи не сме ити Киеву» [2: стб. 782–783]. В итоге Киев, за который вплоть до самого нашествия велась ожесточенная борьба между виднейшими представителями клана Рюриковичей, перед лицом Батыевых орд вообще остался без князя: убегая, Даниил, успел назначить вместо себя посадника Дмитра, который и руководил обороной, причем весьма неплохо. Даниил же после взятия Киева татарами долго не смел возвращаться в город.

Среди бежавших от татар, судя по всему, мог быть и великий князь владимирский Юрий Всеволодович — тот самый, который участвовал в столкновении с ордынцами на реке Сити. Если по поводу отъезда князя владимирский летописец высказался вполне нейтрально («выеха из Володимеря в мале дружине», «еха на Волгу», оставив в городе жену и сыновей), то новгородский книжник выразился гораздо более определенно: « выступи из Володимеря и бежа на Ярославль (здесь и далее в цитатах курсив наш — *В.Р.*)» [7: с. 75].

Традиционно отъезд Юрия Всеволодовича из хорошо укрепленного Владимира объясняется либо желанием «собрать полки» и дать чуть ли не генеральное сражение татарам, либо тем, что он «решил применить самую известную впоследствии русскую тактику затягивания противника вглубь страны». Однако это всего лишь возможные трактовки того, что произошло на Сити, опирающиеся при этом на сравнительно позднее и весьма предвзятое по отношению к своему князю сообщение владимирской (Лаврентьевской) летописи (80-е гг. XIII в. — 1305 г.). Есть на этот счет и другие точки зрения. Например, как написал В.В. Каргалов, «о том, чтобы Юрий остался и оборонял город, не было и речи — настолько силен был страх перед татарами».

Более раннее сообщение о нашествии Батыев содержится в рассказе южнорусской Ипатьевской летописи (середина XIII в.). О Юрии Всеволодовиче в ней сообщается вполне нейтрально, но при этом о сражении на Сити не упоминается вовсе: Юрий оставил сына и княгиню во Владимире, а сам «изииде из града и совокоупляющоу емоу около себе вои». Но при этом он не имел «сторожи». Поэтому был окружен («изъеханъ») Бурундаем, который «весь город изогна и самого князя Юрия убиша» [2: стб. 779].

Между тем, сдержанность рассказа Ипатьевской особенно выделяется на фоне сообщения Новгородской первой летописи старшего извода (50-е гг. XIII в. — 1330 г.). Новгородец писал о гибели Юрия весьма нелицеприятно: упомянув, что Юрий «бежал на Ярославль», летописец замечает, что татары

«погнашася по Юрьи князи», он же, узнав об этом, «начал полки ставити около себе». Но «не успевь ничтоже», опять «побеже», в результате чего оказался на реке Сити: здесь его настигли, «и живот свои сконча ту». «Бог знает, как скончался: много глаголют о нем иныи», — заметил книжник не просто без всякого сожаления, но и как будто намекая на какие-то не слишком украшающие князя подробности его гибели. Интересно, что сведения Новгородской первой летописи старшего извода согласуются с данными персидского историка Рашид-ад-Дина (начало XIV в.), который, подробно описывая события нашествия, известную нам еще из школьных учебников «битву» на Сити даже не упоминает. По его данным, имела место погоня за убежавшим Юрием: «эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) бежал и ушел в лес: его также поймали и убили» [15: с. 39].

Важно при этом, что даже в рассказе Лаврентьевской Юрий Всеволодович показан вовсе не героем борьбы, а сторонником, если можно так выразиться, «непротивления». Так, в уста великого князя вкладывается фраза о том, что он — «новый Иов был терпением и верою». По справедливому замечанию Я.С. Лурье, «едва ли можно говорить об «активной антитатарской тенденции» рассказа 1237–1240 гг. Лаврентьевской»; основная его тема — отчаяние, «страх и трепет», покорность перед Божьими казнями и «напастями», дающими право «внити в царство небесное» [6: с. 63].

Видимо, именно «новый Иов», а не «князь-защитник» был «идеалом человека в понимании автора Лаврентьевской». В рамках именно этой «непротивленческой» парадигмы, судя по всему, действуют и оставленные во Владимире сыновья великого князя, которые, по версии Лаврентьевской, изначально хотели принести себя в качестве добровольной жертвы, выйдя за ворота к татарам. Это все навел на нас Бог за грехи наши, — заявили князья накануне решающего штурма, — ведь говорит пророк: «Нес(ть) человеку мудрости, ни е(сть) мужества, и ни ес(ть) думы противу Господиви, яко Господеви угодно быс(ть), тако и быс(ть). Буди имя Господне благословенно в веки». Однако воевода Петр не дал «воли ихъ быти». Татары вскоре взяли город, Всеволод и Мстислав бежали, но оказались «убиты вне града», а Владимир подвергся разорению.

Все эти обстоятельства заставляют с большой осторожностью относиться к интерпретации отъезда Юрия Всеволодовича из Владимира как подготовке к сражению с татарами, а в самом столкновении на Сити видеть заранее спланированную военную акцию князя. По крайней мере, источники, которым вполне можно доверять, как было показано выше, позволяют предположить и обратное. Впрочем, даже и без этого можно утверждать, что бегство в период нашествия Батгя было весьма популярно среди русских князей.

Конечно, с точки зрения современного человека, бегство, а, тем более, князя, руководителя войска — поступок, граничащий с предательством общих

интересов, который трудно оправдать тактическими или же стратегическими соображениями. Отступление само по себе воспринимается крайне негативно: вспомним хотя бы, сколь трудным было решение о сдаче Москвы в 1812 году, или же драматические события первых лет Великой Отечественной войны. В общественном сознании такие отступления могли быть оправданы главным образом лишь последующими контрастными поступками. Бегство же (да еще и военачальника!) — тем более, если затем не последовали триумфальное возвращение и разгром врага, — и вовсе рассматривалось и рассматривается до сих пор как проявление трусости и недолжного исполнения своих воинских обязанностей.

Можно ли говорить о том, что древнерусские книжники воспринимали бегство князей точно так же, как и историки нового и новейшего времени? Ответ на этот вопрос весьма непрост. Вполне определенно можно утверждать, что с позиций того времени бегство князя (по крайней мере, с поля боя) также не считалось проявлением образцового поведения. В этой связи достаточно указать, пожалуй, на первое из дошедших до нас упоминаний о княжеском бегстве. Вернее — о невозможности такого бегства. Речь идет о летописной статье, датированной 971 (6479) годом в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ), рассказывающей о походе князя Святослава на «греки». Летописец сообщает, что, увидев войско противника, «Русь убоиаша зело». В этой ситуации князь призывает войско «не посрамить Русской земли»: «Аще ли побегнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, но станем крепко, азъ же предъ вами поиду: аже же моя глава ляжетъ, то промыслите собою». Речь Святослава возымела действие: воины решили биться до конца, в итоге бежать пришлось «грекам» [9: с. 33].

Таким образом, мы имеем весьма красноречивое свидетельство того, что, по крайней мере, начиная с X века, бегство с поля боя приравнивалось к «сраму» — поведению постыдному и недостойному. Наоборот, отвага и сопротивление врагу входили в число воинских добродетелей, причем как самого князя, так и его воинов: «любить князь воина, стояштя и борющагося съ врагы, и овогда убо уязвяюштя, овогда же уязвяема, паче бегающтяго и оружие помештюштааго [1: с. 587–588].

Более того: есть основания полагать, что в христианскую эпоху к бегству начинают относиться не просто как проявлению недостойного поведения, но как к признаку «нечестивости» и греховности того, кто бежит.

Можно, например, вспомнить другой случай бегства — знаменитое бегство Святополка после поражения на реке Альте под 1019 (6527) г.: «К вечеру же одоле Ярославъ, а Святополкъ бежа. И бежащю ему, нападе на нь бесъ, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть и на носилехъ (...) онъ же глаголаше: «Побегнете со мною, женуть по насъ». Отроци же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?» И не бе никогоже вследъ

гонящаго. И бежаху с нимъ, онъ же в немощи лежа, и въсхопивъся, глаголаше: «Осе женуть! О женуть! Побегнете!» Не можаше терпети на единомъ месте и пробежа Лядскую землю, гонимъ Божиимъ гневомъ, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле животь свои» [9: с. 64].

А под 1093 (6601) годом читаем о примерно таком же поведении князей, убегающих, в данном случае, от половцев. Как пишет составитель ПВЛ, *«побегоша наши пред иноплемьники, и падаху язвени предъ врагы нашими, и мнози погибоша, и быша мертви»*. Летописец видит в этом промысел Божий: по его мнению, *«се бо на ны Богъ попусти поганья, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули от злых делъ»*. Само бегство, полагает книжник, есть признак Божьего гнева. *«Якоже пророкъ глаголаше: «Падете пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящи вас, и побегнете, никому женущю вас»*.

Несмотря на различие описанных ситуаций, общее, что объединяет оба этих рассказа — это бегство князей, когда никто за ними не гонится. Как показал И.Н. Данилевский, данный образ восходит к текстам Священного Писания, которыми активно пользовались древнерусские летописцы. В частности, речь идет о цитате из Книги Левит в той ее части, где говорится о наказаниях за неисполнение заповедей Божиих: *«Если же не послушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей этих, (...) обращу лицо Мое на вас, и падете перед врагами вашими, и будут господствовать над вами неприятели ваши, и побегите, когда никто не гонится за вами, (...) оставшимся из вас пошлю в сердца робость в земле врагов их, и шум колеблющегося листа погонит их, и побегут, как от меча, и падут, когда никто не преследует»* (Лев. 26: 14–17, 36). А также — о Притчах Соломоновых, где прямо сказано: *«нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним; а праведник смел, как лев»* (Притч. 28:1). Таким образом, эти рассказы вполне можно интерпретировать как описания бегства людей «нечестивых», не соблюдавших Божии заповеди.

Означает ли это, что книжники ко всем случаям бегства относились именно с этих позиций? Судя по всему, нет: именно поэтому указание на то, что князь бежал, когда за ним никто не гнался, вполне можно считать своеобразным маркирующим средством, означающим, что перед нами бегство, которое книжник однозначно осуждает.

Наиболее показательный пример того, что не всякое бегство князя в глазах книжников предосудительно — рассказ одной из ранних редакций житийной Повести о Михаиле Черниговском (относится к 70-м гг. XIII в.). Автор этого агиографического произведения — человек, в задачи которого по определению не входила компрометация своего героя, написал о бегстве князя во время нашествия Батые чуть ли не как о само собой разумеющемся факте: *«Михаилу же бежавшю в Угры, инии же бежаша в земли дальни, инии же крыяхуся в пещерахъ, (...) инии же крыяхуся в горахъ и въ пещерахъ и в пропастехъ и в лесехъ»* [16: с. 55, 64].

Про бегство князей (и не только) перед лицом татар говорил и владимирский епископ Серапион (те же 70-е гг. XIII в.). При этом в своих поучениях он не только констатировал факт массового бегства князей, но и точно указывал причину такого поведения — страх: «Князии нашихъ, воеводъ крепость ищезе, храбрии наша, *страха напоольньшеся, бежаша*» [17: с. 448]. Причина этого страха, по мнению книжников того времени, — людские грехи, из-за которых, собственно, Господь насылает казни, в том числе, и в виде нашествия «иноплеменных». «*Отъя Господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть* вложи в нас за грехы наша», — писал по этому поводу автор рассказа о нашествии Батыя, дошедшего до нас в Новгородской первой летописи старшего извода.

Нетрудно заметить, что в ситуации нашествий, воспринимаемых как наказание всей Русской земле за грехи (а именно с этих позиций оценивают события и авторы летописных текстов, и тот же Серапион Владимирский), книжники старались избегать личностных оценок конкретных князей. Бегство воспринималось как проявление коллективной греховности перед Богом, так сказать, «всеобщей провинности» перед Ним. Не исключено, что в данном случае книжники исходили из идей, содержащихся в 43-м Псалме, повествующем о казнях, насылаемых провинившемуся перед Господом *народу* (а не конкретному человеку!): «ныне Ты отрунул и посрамил нас, и не выходишь с войсками нашими; *обратил нас в бегство от врага*, и ненавидящие нас грабят нас; Ты отдал нас, как овец, на съедение и рассеял нас между народами».

Помимо этого, мягкость в оценках князей может быть объяснена еще рядом обстоятельств. Например, тем, что многие из бежавших князей (например, Юрий Всеволодович Владимирский и Михаил Всеволодович Черниговский) впоследствии погибли, приняв мученическую смерть — и, тем самым, в соответствии с представлениями того времени, искупили свои прежние прегрешения. Или тем, что книжник руководствовался вполне конъюнктурными соображениями, не желая осуждать поступки «своих» князей. Ведь круг читателей литературных произведений того времени был весьма ограничен: судя по всему, это были князья — прямые потомки героев летописных рассказов, а также представители высшей знати.

Более персонализированное отношение к бегству князей становится при описании их «отъездов» в последующий период: ведь бегство было весьма распространенной формой поведения князей не только во время масштабного нашествия Батыя, но и перед лицом локальных ордынских набегов.

Весьма показательным в этом смысле отношением к поступку брата Александра Невского — Андрея Ярославича, которого традиционно принято считать проводником иной, чем была у Александра, линии поведения в отношении Орды. Как сообщает Лаврентьевская летопись, в 1252 г. «иде Олександръ

князь Новгородский Ярославич в татары и отпустиша (его. — *В.Р.*) и с честью великою, давшее ему старейшинство во всей братии его». В то же лето брат Александра — Андрей, который за три года до этого по ярлыку, выданному от имени великого каана в Каракоруме, «седе в Володимери на столе», вместе с другим своим братом Ярославом, наоборот, отказался служить ордынским властям. «Здума Андрей князь Ярославич с своими бояры *бегати, нежели цесаремъ служити и побеже на неведому землю со княгынею своею и с бояры своими и погнаша татарове в следъ его и постигоша и у города Переяславля*» [5: с. 473], — отметил летописец.

Не исключено, что в рассказе о бегстве Андрея Ярославича начинает проглядывать некоторая ирония летописца по поводу поведения князя, который решил «бегати, нежели цесаремъ служити», скрывшись при этом «на неведомой земле». Тем более что спустя несколько лет князь Андрей вынужден был вернуться из «бегов», съездил вместе с братом Александром в Орду и... продолжил службу татарам. Однако в целом в отношении князей, бежавших перед лицом нашествий татар, никаких осуждающих (даже косвенно) ноток книжники в этот период себе не позволяли.

С явно большей иронией и даже с оттенком осуждения отнесся к бегству в Псков тверского великого князя Александра Михайловича (сына замученного в Орде князя Михаила Ярославича) автор рассказа Рогожского летописца об антиордынском восстании в Твери. Как полагает Е.Л. Конявская, эта версия рассказа о событиях 1327 года «по всей видимости, создавалась в Твери в отсутствие великого князя, нашедшего убежище от карательной экспедиции во Пскове» [3: с. 83]. Возможно, именно этим объясняется большая, чем обычно, свобода в оценках со стороны книжника.

Как сообщает Рогожский летописец, прибывший в Тверь ханский посол — «безаконный Шевкал, разоритель христианский (...) *прогна князя великаго съ двора его, а сам ста на князя великаго дворе с многю гръдостию и яростию. И въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением, и битием, и поруганием*». Жители Твери оказались более восприимчивы к гонениям и притеснениям, чем великий князь: «народи же гражданстии, повсегда оскорбляеми от поганых, *жаловахуся многожды великому князю, дабы их оборонил*. Он же, видя озлобление людей своих и *не могы их оборонити, тръпети им веляше. И сего не тръпяще* тферичи искаху подобна времени» [12: стб. 415].

Вскоре это время приходит: татары нападают на «диакона Дюдку», пошедшего поить на Волге свою кобылицу, и пытаются отнять животное. Дьякон «начать въпити, глаголя: «О мужи тферстии, не выдавайте!» Тверичи «не выдали» дьякона: в результате вспыхнувшего восстания Шевкал был убит. Убийство посла не прошло незамеченным в Орде: «безаконный царь на зиму посла рать на землю Русскую, пять темников, а воевода Федорчюк, и людей множество по-

губиша, а иныя в пленъ поведоша, а Тферь и вся грады огнем пожгоша». Показательно поведение князя: как сообщает Новгородская первая летопись, «и посла князь Олександръ послы к новгородцемъ, *хотя бечи* в Новьгородъ, и не прияша его». Тогда князь «*вбежа* въ Пльсковъ, а Костянтинъ, брат его, и Василии в Ладугу» [7: с. 98, 341]. В версии Рогожского летописца бегство князя выглядело еще более неприглядно: «великий же князь Александръ, *не трья безбожныя их крамолы, оставль княжение русское и вся отчъствия своя*, и иде в Пьсковъ с княгинею и съ детми своими, и пребысть в Пьскове» [12: стб. 415].

Возможно, более определенных оценочных комментариев книжники в этот период еще избегали. Однако сама по себе формулировка — «оставль княжение русское и вся отчъствия своя» — вполне красноречиво свидетельствует о том, что уже начиная с первой трети XIV века отношение к бегству князей начинает меняться. Оно перестает быть обобщенным, «неопределенно-личным», нейтральным, становясь все более персонифицированным. Особенно, если речь идет либо не о «своих» князьях, либо о князьях, которые в данный момент не могут «дотянуться» до автора.

Однако изменение отношения к бегству князей в наибольшей степени заметно на материале летописных рассказов о нашествии Тохтамыша. В 1382 году герой Куликовской битвы Дмитрий Донской отказывается воевать с «самим царем» Тохтамышем и бежит из Москвы: «слышавъ, что самъ царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, ни подня руки противу царя, но *поеха* въ свои градъ на Кострому» [12: стб. 415].

Если самый ранний, содержащийся в Троицкой летописи и дошедший до нас в составе Рогожского летописца рассказ о нашествии Тохтамыша (не позже начала XV в.), ограничивается только приведенной выше фразой, то в более поздней версии рассказа (в редакции, дошедшей в Новгородской четвертой, Новгородской Карамзинской и Софийской первой летописях: создана в 30-е гг. XV в.) дается иная трактовка событий.

«Слышав же великий князь... како идет на него самъ царь, нача сбирати воя и съвокупляти полки своа и выеха из града Москвы, *хотя ити противу тотарь*». Однако, возникло «неединачество и неимоверьство» среди созданных Дмитрием «думоу думати» русских князей, воевод «з думцами», вельможей и «боляр старейших». «И то познавъ и разумевъ и рассмотревъ, — пишет автор Повести, — благовернии князь бы в *недомышлении* велице, и *оубояся* стати в лице самого царя, и *не ста на бои* противу его, и *не подня руки на царя*, по *поеха* в градъ свои Переяславль, оттуду мимо Ростовъ, и паки реку *вборзе* на Кострому» [8: с. 328; 18: с. 99]. Любопытно употребленное книжником определение «вборзе»: тем самым как бы создается эффект быстрого перемещения, настоящего бегства великого князя из города в город.

С точки зрения автора пространной повести о нашествии Тохтамыша, поступок Дмитрия Ивановича был весьма предосудительным. После бег-

ства Дмитрия Донского «...во граде Москве бысть мятня многа и мятежь великъ зело, — пишет летописец, — беху людие смушени, яко овца, не имуща пастуха, гражаньстии людие възмятошася и въсколебашася, яко пьяни...». Что и говорить, с позиций христианской этики, опирающейся в данном случае, прежде всего, на евангельское слово: «...пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их...» (Иоанн. 10: 11–12), Дмитрий поступил не так, как должно, и, по сути, нарушил правила поведения князя-пастыря.

В конце повествования летописец вновь вернулся к теме бегства великого князя. «Сиче же бысть конец Московскому пленению. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии грады и страны пленени быша», — написал книжник. «Князь же великий, — повторил он уже констатированный в начале рассказа факт, — съ княгинею и съ детми пребысть на Костроме, а братъ его Володимеръ на Волоке, а мати Володимерова и княгини въ Торжку, а Герасим владыка Коломенский въ Новгороде». И далее, как представляется, поступку Дмитрия была дана еще более негативная характеристика: «Кто насъ братье, о семь не устрашитъся, видя таковое смущение Руской земли? Яко же Господь глагола Пророкомъ: аще хотите, послушаете мене, благия земная снете, положю страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушаете мене, то побегнете никимъже гоними, пошлю на вы страхъ и ужасъ, побегнуть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща (вариант — «тма»)» [14: с. 15–27].

В данном случае книжник несколько переиначил фразу из уже цитированной выше книги Левит. Помимо слов о наказаниях за неисполнение заповедей Божиих, в ней говорится и о тех благодатях, которые будут даны тем, кто соблюдает заповеди. «Если вы будете поступать по уставам Моим и заповеди Мои будете хранить и исполнять их, (...) пошлю мир на землю вашу, ляжете, и никто вас не беспокоит, сгоню лютых зверей с земли вашей, и меч не пройдет по земле вашей; и будете прогонять врагов ваших, и падут они перед вами от меча; пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму, и падут враги ваши перед вами от меча» (Лев. 26: 3–8).

Таким образом, автор пространной повести о нашествии Тохтамыша недвусмысленно дает понять: Дмитрий нарушил некие «заповеди», «не послушал» Господа и за его личные прегрешения последовало неминуемое наказание.

Негативные оценки со стороны книжников получали и «бегуны» XV века. В 1408 г. во время нашествия Едигея (в отличие от Тохтамыша, он был не «царем», а всего лишь темником) бегством, причем, в ту же Кострому, спасался сын Дмитрия Донского — Василий Дмитриевич. «Василей же не успе ни мало дружины събрати, град осади; с нем же остави дядю своего князя Володимера и брата князя Андрея и воеводы, а сам съ княгинею и з детми отъеха къ Костроме», — сообщает автор летописной Повести о нашествии Едигея (30-е гг.

XV века). «И смятесе град ужасным смятением», — добавил он. Люди же, оставшиеся в осажденной Москве, поняв, что им нечего ждать спасения, «помятующе (царя) Давыда, еже пиша, рече: *«Добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя»* [10: с. 250, 252].

В 1480 г. от нашествия хана Ахмата бегством на Белоозеро спасалась великая княгиня Софья Палеолог. «Тое же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, — с нескрываемым презрением сообщал летописец в завершении рассказа о «стоянии на Угре», — *бе бо бегала за Белоозеро и з боярынями от Татарь, а не гонима никым же;* и по которым странам ходила, тем стало пуще Татарь от боярских холопов, от кровопивцевь крестьянскихх».

Вероятно, уже в XV веке происходит важная трансформация в восприятии княжеских побегов. Судя по всему, в этот период бегство князя начинает восприниматься как действие, недостойное, в первую очередь, его «пастырского» статуса. Не случайно, именно в этот период появляется «распространенная» повесть о нашествии Тохтамыша, в которой находившиеся в городе москвичи сравнивались с овцами, оставшимися без пастуха.

А уже в конце XV в. великокняжеский духовник Вассиан Рыло прямо формулирует «норматив поведения» князя. В «Послании на Угру» он пишет Ивану III: *«пастырь добрый, душу свою полагает за овца, а наймник несть, иже пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, и оставляет овца, и бегаеть, яко наймникъ есть, и не радит об овцах».* «Ты же убо государю, духовный сыну, — продолжает духовник, — не яко наймник, но яко истинный пастырь, подицися избавити врученное тебе от Бога словесное ти стадо духовныхъ овецъ от грядущаго волка». Вассиан гневно осуждает тех «ближних» великого князя, кто пытается «соблазнить» Ивана III покинуть врученную ему Богом паству. Эти люди, пишет Вассиан, призывают князя, *«предав христианство и свое отечество, яко бегуном скытатися по иным странам».* В устах Вассиана князь-«бегун» рискует снискать гнев Божий за свое пренебрежение пастырскими обязанностями. Поэтому архиепископ, призывая великого князя остаться в городе, одновременно, пугает и укрепляет того. *«Убойся же и ты, пастырю, не от твоих ли рук тех кровь взыщет Богъ, по пророческому словеси? И где убо хощеша избежати или воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо?»* — задает риторические вопросы владыка. «Отложи весь страх и возмогай о Господе, о державе и крепости его; *“един бо поженет тысячу, а два двигнетатмы”*», — призывает он [11: с. 526].

Очевидно, что книжник в данном случае дал совершенно четкую оценку произошедшего: для него бегство перед лицом врага — это естественное поведение людей, поступивших не должным образом, не «по заповедям». Но еще более прямолинейно к бегству правителя (в данном случае — царя) отнесся князь Андрей Курбский. Оценивая поступок Ивана Грозного, который в 1571 г. спасал-

ся бегством от нашествия Девлет-Гирея, Курбский назвал царя весьма нелюбезно: «*бегун перед врагом* и храняка (то есть тот, кто хочет сохранить себя) царь великий христиански пред бусурманским волком» [4: с. 269]. Впрочем, отмечает Б.Н. Флоря, в это время «царь не хуже Курбского знал, что подобное поведение недостойно «великого христианского царя» [19: с. 264–265].

Итак, можно подвести итог. Бегство князей в условиях монголо-татарского нашествия, судя по всему, не относилось к числу предосудительных поступков. Само нашествие воспринималось как наказание всей Русской земле за грехи, поэтому книжники старались избегать личностных оценок конкретных князей. В этом смысле бегство воспринималось ими как результат коллективной греховности перед Богом, так сказать, «всеобщей провинности» перед Ним. В дальнейшем отношение к бегству князей начинает меняться: восприятие таких поступков становится все более негативным. В итоге к XVI веку бегство князя оценивается как поведение, недостойное его высокого статуса.

Это связано с тем, что к тому времени завершается формирование принципиально нового восприятия функций главы православного государства (князя, царя), который, будучи пастырем своих поданных, должен находиться с ними и защищать их в случае возникновения угрозы со стороны «бусурман». Важно отметить, что это происходит на фоне двух параллельно развивающихся процессов. С одной стороны, осознания богоизбранности Руси и, соответственно, особой роли ее главы в деле защиты православной веры и самой Русской земли. С другой стороны, переосмысления ордынцев, которые сначала воспринимались как ниспосланный свыше карающий «меч Господень», а со временем стали восприниматься как «слуги дьявола», борьба с которыми (а не бегство от них!) и должна была стать одной из важнейших функций главы православного государства.

Изучение указанных процессов, протекавших в русском общественном сознании рассматриваемого периода, может стать весьма перспективным направлением дальнейших научных изысканий.

Литература

1. Изборник 1076 года. – 2-е изд. – Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 743 с.
2. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
3. *Конявская Е.Л.* Очерки по истории Тверской литературы XIV–XV вв. / Е.Л. Конявская. – М.: Свой круг, 2007. – 400 с.
4. *Курбский А.М.* История о великом князе Московском / А.М. Курбский // Русская историческая библиотека. – Т. 31. – СПб.: Б/и, 1914. – 698 с.
5. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.

6. *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись — свод начала XIV века / Я.С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 29. — Л.: Наука, 1974. — С. 50–67.
7. Новгородская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. — Т. 3. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 720 с.
8. Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. — Т. 4. — Ч. 1. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 728 с.
9. Повесть временных лет. — СПб.: Наука, 1996. — 670 с.
10. Повесть о нашествии Едигея // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 244–255.
11. Послание на Угрю Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 522–537.
12. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. — Т. 15. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 432 с.
13. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. / В.Н. Рудаков. — М.: Квадрига, 2009. — 248 с.
14. *Рудаков В.Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (Бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) / В.Н. Рудаков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2000. — № 2. — С. 15–27.
15. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. — Т. 2. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 248 с.
16. *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития / Н.И. Серебрянский. — М.: Б/и, 1915. — 512 с.
17. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 440–455.
18. Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. — Т. 6. — Вып. 1. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 312 с.
19. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный / Б.Н. Флоря. — М.: Молодая гвардия, 1999. — 403 с.

Literatura

1. Izbornik 1076 goda. — 2-e izd. — Т. 1. — М.: Rukopisny'е pamyatniki Drevnej Rusi, 2009. — 743 s.
2. Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. — Т. 2. — М.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1998. — 648 с.
3. *Konyavskaya E.L.* Oчерki po istorii Tverskoj literatury' XIV–XV vv. / E.L. Konyavskaya. — М.: Svoj krug, 2007. — 400 s.
4. *Kurbskij A.M.* Istoriya o velikom knyaze Moskovskom / A.M. Kurbskij // Russkaya istoricheskaya biblioteka. — Т. 31. — СПб.: В/и, 1914. — 698 с.
5. Lavrent'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. — Т. 1. — М.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1997. — 496 с.
6. *Lur'e Ya.S.* Lavrent'evskaya letopis' — svod nachala XIV veka / Ya.S. Lur'e // Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'. — Т. 29. — Л.: Nauka, 1974. — S. 50–67.
7. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego izvoda // Polnoe sobranie russkix letopisej. — Т. 3. — М.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. — 720 с.

8. Novgorodskaya chetvertaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. 4. – Ch. 1. – M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. – 728 s.
9. Povest' vremenny'x let. – SPb.: Nauka, 1996. – 670 c.
10. Povest' o nashestvii Edigeja // Pamyatniki literatury' Drevnej Rusi. XIV – seredina XV veka. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1981. – S. 244–255.
11. Poslanie na Ugru Vassiana Ry'lo // Pamyatniki literatury' Drevnej Rusi. Vtoraya polovina XV veka. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1982. – S. 522–537.
12. Rogozhskij letopiseč // Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. 15. – M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. – 432 s.
13. Rudakov V.N. Mongolo-tatary' glazami drevnerusskix knizhnikov serediny' XIII–XV vv. / V.N. Rudakov. – M.: Kvadriga, 2009. – 248 s.
14. Rudakov V.N. Neozhidanny'e shtrixi k portretu Dmitriya Donskogo (Begstvo velikogo knyazya iz Moskvy v ocenke drevnerusskogo knizhnika) / V.N. Rudakov // Drevnyaya Rus'. Voprosy' medievistiki. – 2000. – № 2. – S. 15–27.
15. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej / Rashid-ad-Din. – T. 2. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 248 s.
16. Serebryanskij N.I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya / N.I. Serebryanskij. – M.: B/i, 1915. – 512 s.
17. «Slova» Serapiona Vladimirskogo // Pamyatniki literatury' Drevnej Rusi. XIII vek. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1981. – S. 440–455.
18. Sofijskaya pervaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. – T. 6. – Vy'p. 1. – M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. – 312 c.
19. Florya B.N. Ivan Grozny'j / B.N. Florya. – M.: Molodaya gvardiya, 1999. – 403 s.

И.П. Шорников

Идея кооперации крестьянских хозяйств в публикациях П.А. Крушевана

К началу XX в. Россия оставалась аграрной страной. Хлеб и другие продукты аграрного производства были главной статьей российского экспорта. Но притом, что три четверти посевов и сборов хлебов приходились на крестьянские хозяйства, товарность помещичьего хлеба была существенно выше крестьянского [1: с. 80]. Страна нуждалась в устранении изживших себя докапиталистических отношений в сельском хозяйстве, в дальнейшем социальном реформировании как крестьянского, так и помещичьего класса. От разрешения аграрно-крестьянского вопроса зависели не только отношение крестьянства к власти и революции, но и текущее и будущее состояние российской экономики. Однако интересам крестьянства противостояли интересы правящего класса, поэтому аграрный вопрос был наиболее острый и трудноразрешимый. Различные его решения предлагали не только революционеры и либералы, но и политики правого лагеря. Одним из них был деятель «Союза русского народа» кишиневский публицист Павел Крушеван.

Парадокс ситуации заключается в том, что П.А. Крушеван, деятель консервативного лагеря, также пытался способствовать решению ключевого вопроса общественной и экономической жизни России. Проблемам низкой урожайности крестьянских земель, способам преодоления нищеты на селе и эффективным формам организации крестьянского труда уделяли особое внимание редактируемые им газеты «Бессарабец», «Знамя», «Друг». Решение аграрного вопроса, каким бы оно ни было, обоснованно полагал редактор, или выбьет почву из-под ног революционного движения, или, в случае неудачи, ускорит революцию. Поэтому на страницах этих печатных органов он инициировал скрупулезное исследование этого вопроса. Публиковал жалобы и данные о положительном опыте бессарабских крестьян, которые информировали редакцию о различных вопросах своей жизни, перепечатывал посвященные аграрной проблематике материалы центральных изданий России.

В том факте, что симпатии редакции всегда находились на стороне крестьян и батраков, в общем, не было ничего необычного, в прессе того времени это было правилом хорошего тона. А для народной газеты, каковыми себя всегда позиционировали издания П.А. Крушевана, это было условием выживаемости. Но «Бессарабец», «Знамя» и «Друг» выделялись тем, что не стеснялись освещать самые неприглядные стороны сельской жизни, что часто про-

тиворечило интересам правящего класса. П.А. Крушеван выступал жестким и последовательным противником субаренды, бытование которой устраивало помещиков и арендаторов, но не крестьян, вынужденных платить арендаторам двойную или тройную цену. В 1905 году на страницах «Друга» в серии статей (Друг. — 1905. — №№ 119, 123, 126, 131) им критично рассмотрены также хищнические, эксплуататорские методы ведения хозяйства монастырскими имениями Бессарабии. Поэтому нет причин сомневаться в том, что П.А. Крушеван сознавал несправедливость действующих порядков и необходимость перемен. Но любые реформы в сфере аграрных отношений, по его убеждению, должны были быть выверенными и крайне осторожными.

Характерная дискуссия развернулась на страницах «Друга» по популярному среди правых способу решения аграрного вопроса — расселения крестьян по хуторам. В целом положительно оценивая деятельность П.А. Столыпина по умиротворению революции и будучи сам сторонником жестких мер против революционеров, П.А. Крушеван с недоверием отнесся к столыпинской аграрной программе. Но по вопросу расселения крестьян по хуторам свою позицию он обозначил задолго до того, как П.А. Столыпин возглавил Совет министров. «Не можем согласиться, — утверждал П.А. Крушеван еще в 1905 году, — что хуторное хозяйство значительно улучшит положение крестьянина. По этому же вопросу, помнится, нами была помещена в «Знамени» статья барона Каульбарса, который знакомил общество с практическими результатами произведенного им опыта расселения крестьян по хуторам. И тогда мы высказывались против этого проекта. Отбрасывая в сторону вопрос о важном значении таких исторических психологических факторов как привычка к «общинной жизни», к «мирскому делу», не говоря о том, что изолирование крестьянина, после тысячелетней привычки, от мира, могло бы отразиться отрицательно на его самостоятельности, есть множество других причин, создающих практическое неудобство хуторного хозяйства» (Друг. — 1905. — № 77).

П.А. Крушеван приводит аргументы сугубо практического и экономического характера: непроизводительная потеря площади под крестьянские усадьбы и под дороги, ведущие к ним, что при малоземелье, по его словам, есть чувствительный минус. Преимущество перед хуторным хозяйством имеет община и в вопросе выпаса скота на специально отведенном для этого пастбище, и устройство водопоя. Высоко оценивает П.А. Крушеван значение соседской помощи, которая позволяет большинству крестьянских хозяйств обходиться без найма батраков. Утрата этих преимуществ, по подсчетам П.А. Крушевана, для деревни в 100 дворов привела бы к непроизводительному расходу в 6 000 рублей. Но главный недостаток перехода к хуторской системе — это стоимость реформы. По подсчетам П.А. Крушевана, реформа, учитывая затраты крестьян на покупку земли, обошлась бы в десятки миллиардов рублей (там же). При этом какие бы то ни было экономические выгоды хуторского переустройства

крестьянского хозяйства ему представляются сомнительными. Что касается возможных политических выгод реформы, в частности, мнения о том, что расселение по хуторам, с одной стороны, затруднило бы революционную агитацию среди крестьян, а с другой, сделав из них частных собственников, лишит их интереса к политике, то они Крушевана не интересовали. Не изменил он своим взглядам и после того, как премьер озвучил свою программу аграрных реформ (подробнее см: [2]).

Интерес к аграрному вопросу был особенно высок весной 1906 года в период работы I Государственной думы, для которой он стал центральным. В Думе обсуждалось несколько проектов реформы. Кадеты надеялись повести за собой крестьянство под флагом «принудительного отчуждения» помещичьей земли. 8 мая они внесли в Думу законопроект за подписью 42 депутатов, предлагавший земельное наделение крестьян за счёт казённых, монастырских, церковных, удельных, кабинетских земель, а также частичного отчуждения помещичьей земли за выкуп «по справедливой оценке». Однако правительство, намереваясь оградить интересы помещиков, ещё накануне созыва Государственной думы приняло решение распустить её, если будет поставлен вопрос о «принудительном отчуждении».

П.А. Крушеван к этому времени уже имел целостное представление по существу проблемы. Как и других правых, кадетский проект его не устраивал, но он не стал критиковать его сам, опубликовав в редактируемой им газете «Друг» записку депутата А.К. Демяновича, представлявшего в Думе Бессарабскую Партию Центра, которую последний внес как дополнение к кадетскому проекту аграрной программы. П.А. Крушеван соглашался с А.К. Демяновичем в главном: крестьяне должны получить не только землю, но и средства для ее обработки, и возможность удержать ее в своем исключительном и наследном владении. Согласно проекту А.К. Демяновича, «купленная через посредство крестьянского банка по действительной стоимости земля может быть предоставлена крестьянам, но не в аренду, а в собственность, с тем, чтобы проценты с одной десятины, уплачиваемые банку, не превышали цифры арендной платы, предполагаемой комитетом 42-х, а остальные доплачивались бы правительством. Тогда землевладелец, домовладелец, фабрикант, профессор, доктор и адвокат — все будут участвовать в этой высокой миссии поднятия народного благосостояния. Тогда жертва, приносимая в пользу обездоленного крестьянства, не ляжет исключительно на землевладельцев, но равномерно коснется всего населения» (Друг. — 1906. — № 127).

Как деятель правого лагеря и земляк П.А. Крушевана, А.К. Демянович, конечно, был знаком с пропагандируемыми газетами «Бессарабец» и «Друг» крушевановским тезисом о том, что «главная причина крестьянского оскудения» — субаренда. В записке А.К. Демянович, выступая, в общем, защитником помещиков, идет вслед за П.А. Крушеваном, призывая возложить бремя решения аграрного

вопроса также на финансовый капитал: «Нельзя же не признать, что в высшей степени несправедливо было бы отнять у крупного землевладельца, производительно трудящегося и дающего заработок населению, плоды его труда и энергии, и оставить в стороне капиталиста-ростовщика ничего не производящего, обирающего население, не довольствуясь доходностью земли, но зарабатывающего огромные проценты устройством частных ломбардов, ссужением денег в рост и пр.». «При таком способе увеличения крестьянского землевладения, — полагал депутат, — те крестьяне, которые действительно нуждаются в земле, получают потребное каждому из них количество, но на гораздо более выгодных условиях, ибо тогда земля явится их собственностью. [...] Вторая и наиболее существенная часть моей программы заключается в поднятии культуры крестьянских земель, т.е. в увеличении их производительности».

Прежде всего П.А. Крушеван озабочен предотвращением революции. Публикуя записку А.К. Демяновича, он соглашается с автором, что «проект 42-х» есть «опасный опыт, грозящий разрушением государственного строя и подрывающий нравственные устои». Кадетов редактор «Друга» обвиняет в тщеславии и стремлении приобрести популярность за счет народного бедствия. «Избиратели, облекшие их своим доверием и полномочиями, — напоминает он далее, — послали их для того, чтобы созидать государство, а не разрушать, чтобы поднять благосостояние народа, а не разорять его вконец, чтобы умиротворить страну, а не для того, чтобы утопическими проектами подготовить почву для хронической смуты» (там же).

Сочувствуя крестьянам, П.А. Крушеван не разделяет мнения своего литературного кумира Льва Толстого, предложившего помещикам раздать свои земли крестьянам. В серии статей под общим заголовком «Письмо к крестьянам» (Друг. — 1906. — №№ 31, 34, 35) он пытается найти иное решение проблемы крестьянского малоземелья. Анализируя российское землевладение, П.А. Крушеван приходит к выводу, что данная мера — поскольку в руках помещиков оставалась к этому времени лишь четверть обрабатываемых земель Бессарабии — не принесет действительного облегчения крестьянам, но обездолит семьи помещиков и лишит заработка батраков. Кроме того, ликвидация передовых хозяйств, использующих интенсивные способы земледелия, ударит по российскому экспорту зерна. Мировой опыт решения продовольственной проблемы П.А. Крушеван исследует на примерах Англии, решающей ее за счет развития промышленного производства и международной торговли, и Китая, где сельскохозяйственное производство находится на высоком уровне вследствие высокой интенсивности крестьянского труда. «Богатство народа, — заключает П.А. Крушеван, — не в земле, а в труде и знании. Земля мертва, пока ее не оплодотворит труд». Использование крестьянами интенсивных методов ведения хозяйства — лишь часть решения проблемы. Оценивая помещичье хозяйство, правый радикал уже в 1906 году приходит к выводу, позднее включенному в аграрную программу большевиков. Па-

нацией для крестьян, полагает он, может стать коллективное хозяйство. В «Письме к крестьянам» П.А. Крушеван пишет: «Вы сами признаете, что помещичье хозяйство ведется лучше вашего, что урожай на помещичьей земле вдвое выше, чем на надельной. И вы знаете, почему это [происходит]. У каждого из вас порознь и средств меньше, и хозяйство подвергается большим случайностям, и почва истощается скорее, так как вы не можете придерживаться трехпольного или хоть двухпольного порядка, как помещик, не можете ни дать земле отдохнуть, ни удобрить ее как следует... Совсем иное дело получилось бы, если бы все крестьяне одного села стали вести одно хозяйство, как ведет помещик. Порознь вы бессильны, в единении — ваша сила. И благодаря именно тому, что вы ведете хозяйство порознь, ваша земля, даже тогда, когда под наделом ее вдвое больше, чем у помещика, производит, в общем, гораздо меньше, чем его земли. А попробуйте-ка объединиться по братски, да вести одно общее хозяйство — и вы увидите, что получится» (Друг. — 1906. — № 35).

Государственная власть, без должных на то оснований полагал П.А. Крушеван, создает для коллективного хозяйствования благоприятные условия. Свидетельство тому он усматривал в том обстоятельстве, что в России учрежден Крестьянский банк, «потому что именно сельским обществам на улучшение хозяйства казна будет отпускать в кредит большие средства». «Вот где спасение! Вот в чем выход!», — восклицает публицист.

Таким образом, идея обобществления сельскохозяйственного производства высказывалась в России еще в начале XX в., причем не только революционерами, но и правыми радикалами. При этом П.А. Крушеван не пытался представить себя первооткрывателем этой идеи. «Не подумайте, — разъяснял он далее, — что такое общинное хозяйство является чем-то новым. Некоторые крестьяне сами додумались до него. И в Екатеринославской, и в Херсонской губернии крестьяне ведут общее хозяйство, имеют свои паровые молотилки, свои мастерские для выделки плугов, и из года в год богатеют» (там же). Создается впечатление, что свои программы решения вопроса о земле эсеры и большевики вырабатывали не без учета этих идей.

Путь к достижению социального равенства, названный П.А. Крушеваном его «давнишней мечтой», заключался, по его мнению, также в предоставлении каждому подданному Российской империи стартового капитала: «Чтоб каждое крестьянское дитя, мальчик или девочка, достигши совершеннолетия, получали от государства несколько сот рублей, в виде приданного, которое сразу позволило бы им стать на ноги и обзавестись своим хозяйством» (там же). Эта идея была составной частью социальной программы П.А. Крушевана, которую он пытался реализовать работая в Государственной думе (подробнее см: [2, 3]).

Разумеется, в начале XX в. призыв П.А. Крушевана к крестьянам объединяться не возымел практических следствий. Как показал уже советский опыт, коллективизация большей части сельскохозяйственного производства возможна только

при непосредственной поддержке государства. История распорядилась так, что с конца 20-х гг. коллективные хозяйства создавались в основном не на добровольной основе. Тем не менее, этот тип хозяйствования на десятилетия действительно стал решением аграрного вопроса в России. Не была полной утопией и мечта П.А. Крушевана о предоставлении начального капитала каждому гражданину страны. Во многих государствах сегодня это обычная практика, в начале XXI века она становится реальностью и в России — в форме «материнского капитала». Однако в момент обнародования эти идеи П.А. Крушевана явно опережали время.

Решение аграрного вопроса в целом, учитывая его политическую и социальную остроту, П.А. Крушеван рассматривал в контексте борьбы с революционным движением. Приступать к комплексному изменению существующих порядков на селе, полагал он, необходимо постепенно, но начинать следует с ликвидации субаренды. Причем эта проблема не рассматривалась П.А. Крушеваном в качестве элемента решения аграрного вопроса. Ликвидация субаренды была частной задачей, решение которой не требовало переустройства государственной жизни. Еще в 1902 г. П.А. Крушеван предлагал заняться этой проблемой органам местного самоуправления, то есть в обход центральной власти. «Три года тому назад, в ряде статей, посвященных этому же злу народной жизни, — утверждал он в 1905 году, — мы, между прочим, приводили и те оправдания, к которым прибегают помещики, сдающие имения не крестьянам, а спекуляторам-арендаторам. Они предпочитают иметь дело с арендаторами, которые уплачивают им деньги исправно и часто за несколько лет вперед, чем с крестьянами, из которых часто приходится “выколачивать” деньги. Тогда же мы указывали и на выход из этого положения, рекомендовали учредить, при содействии земства, особый банк, из которого крестьяне всегда могли бы получать деньги, необходимые для своевременного взноса арендной платы. Тогда же мы говорили, что помещики сами должны содействовать организации такого банка, что они только выиграют, сдавая землю непосредственно крестьянам, так как часть капитала, переплачиваемого теперь крестьянами-арендаторами, последние всегда охотно надбавят, лишь бы арендовать помещичьи земли без посредников» (Друг. — 1905. — № 79).

С началом революции публицист конкретизировал эту идею. «Земство, — предлагал он весной 1905 года — должно стать посредником между помещиками и крестьянами по аренде земли, земство должно создать специальное бюро, которое регулировало бы спрос и предложение, облегчая крестьянам аренду помещичьей земли, земство, располагая и страховыми, и иными капиталами легко может и обязано создать специальный банк для аренды крестьянами земли, земство обязано немедленно употребить все меры, все средства, чтоб спасти несчастных крестьян от нелепого, дикого, разорительного ежегодного налога в три, четыре миллиона рублей» (там же).

Идеолог государственно-охранительного движения П.А. Крушеван отдавал себе отчет в несправедливости социальных порядков, царящих на селе, и сочув-

ствовал крестьянам. С другой стороны, на примере части помещичьих хозяйств он видел преимущества крупного сельскохозяйственного производства. Он признавал важность преодоления исторической отсталости используемых крестьянами форм ведения хозяйства во имя преодоления проблем малоземелья, неурожаев, голода, нищеты с учетом бессарабских реалий. Вместе с тем, исходя из экономических соображений и интересов сохранения гражданского мира, П.А. Крушеван был противником ликвидации помещичьего землевладения, тем более, революционным путем. Решение аграрного вопроса он усматривал в запуске экономического механизма социального переустройства как крестьянского, так и помещичьего хозяйства, в кооперации крестьянских хозяйств.

Литература

1. Федоров В.А. История России. 1861–1917 / В.А. Федоров. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 80.
2. Шорников И.П. «Христианский социализм» Павла Крушевана / И.П. Шорников // Русин. Международный исторический журнал. – 2008. – № 1–2 (11–12). – С. 130–140.
3. Шорников И.П. П.А. Крушеван в Государственной думе: «Консервативный бомбист» или «Христианский социалист»? / И.П. Шорников // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Вып. 10. – Ставрополь; Пятигорск, 2008. – С. 348–363.

Literatura

1. Fedorov V.A. Istoriya Rossii. 1861–1917 / V.A. Fedorov. – M.: Vy'sshaya shkola, 2003. – S. 80.
2. Shornikov I.P. «Xristianskij socializm» Pavla Krushevana / I.P. Shornikov // Rusin. Mezhdunarodny'j istoricheskij zhurnal. – 2008. – № 1–2 (11–12). – S. 130–140.
3. Shornikov I.P. P.A. Krushevan v Gosudarstvennoj dume: «Konservativny'j bombist» ili «Xristianskij socialist»? / I.P. Shornikov // Stavropol'skij al'manax Rossijskogo obshhestva intellektual'noj istorii. – Vy'p. 10. – Stavropol'; Pyatigorsk, 2008. – S. 348–363.

История России СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

**Т.В. Васильева,
К.А. Долгов,
А.В. Скрыпников**

Истоки крестьянской Вандеи

На всех наиболее значимых поворотах истории нашей страны проблемы социально-политического и экономического развития российской деревни, как правило, выдвигаются на первый план. В поисках их решения известную помощь может оказать обобщение исследователями конкретного исторического опыта государственного и хозяйственного строительства страны в период НЭПа.

После свершения Октябрьской революции взаимоотношения рабочего класса и крестьянства претерпели серьезные изменения. В ходе борьбы за свержение самодержавия лидеры большевизма рассматривали крестьянство как союзника пролетариата. В условиях окончания Гражданской войны необходимо было перейти к решению созидательных задач и, соответственно, встал вопрос о том, как направить энергию миллионов крестьян в нужное русло. Рабочий класс, ставший господствующим и установивший свою диктатуру, составлял незначительную часть населения, и поэтому был крайне заинтересован в поддержке крестьянства.

В годы революции и Гражданской войны деревня в основной своей массе пошла за городом. Объединение городских рабочих с деревенской беднотой в борьбе с буржуазией составило военно-политический союз города и деревни, отражавший единство интересов рабочего класса и трудящегося крестьянства в вооруженной борьбе против контрреволюции. В военных условиях эта форма союза обеспечивала ведущую роль пролетарского города, несмотря на «неслыханные кризисы» [7: с. 338].

Как только закончилась война и на первый план выдвинулись вопросы мирного хозяйственного строительства, обнаружилась необходимость нового подхода к упрочению социальной базы города и деревни. Предстояло найти формы связи, которые обеспечивали бы решение сложного комплекса задач

на путях преодоления разрухи, развития промышленности и сельского хозяйства. Но задача усугублялась тем, что прежний уклад хозяйственных связей в стране был расстроен, ослабло и политическое влияние города на деревню. «Для пролетариата было сложно противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния» [6: с. 84], поскольку отсутствовало единство и в самой правящей партии.

Советская пропаганда создала образ российского крестьянина, с энтузиазмом встретившего Октябрьскую революцию и героически сражавшегося за Советскую власть в годы гражданской войны. Факты недовольства крестьян новой властью замалчивались, масштабы крестьянских оппозиционных выступлений преуменьшались, а самому этому движению стремились придать сугубо уголовную окраску, затемняя его политический смысл. Те же события, которые невозможно было скрыть, например, «антоновщина» объявлялись следствием «кулацко-эсеровской» пропаганды. Укоренившийся в официальном языке расхожий термин «кулацкая банда», в применении к массовым антибольшевистским выступлениям деревни, был призван характеризовать как размах этой борьбы, так и ее социальную основу и направленность. Чтобы как-то сгладить бросающуюся в глаза внутреннюю противоречивость подобных оценок, было предложено не делать различий между понятиями «бандитизм» и «крестьянские восстания». Поскольку бандитизм представлял собой лишь форму, «в которую облекались эти контрреволюционные выступления» [2: с. 5–6]. В той или иной степени произвольно выделяя «кулака»¹ как основной объект своей карательной политики в деревне, большевики руководствовались не экономическими, а политическими соображениями. Именно поэтому в донесениях в центр с мест часто указывали на «сплошь кулацкий» состав села, волости, губернии или даже целого края, население которых оказало властям наиболее упорное сопротивление.

Уже с первых месяцев своего существования советское правительство столкнулось с упорным нежеланием крестьян следовать его распоряжениям, особенно если дело касалось реквизиций продовольствия (первые продотряды были направлены в деревню уже зимой 1917–1918 гг.), мобилизаций, гонений на церковь. Продразверстка провела основную линию раскола между революциями города и деревни, слитыми в единый поток осенью 1917 года. В глазах крестьян она предстала прямым и официально санкционированным разбоем, а массовое применение насилия при ее сборе (причем нередко в самых жестких формах) (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2814. Л. 6) противоречило всем представлениям деревни о праве, этике и морали. Проводимые на местах властью мероприятия по мобилизации крестьян на военную службу, выполнение разного рода повинностей (трудовая, гужевая и т.п.), попытки прямого перехода к социализму путем организации коллективных хозяйств, ещё бо-

¹ Принятое в советской исторической и политической литературе наименование представителей состоятельных слоев крестьян.

лее усиливали противостояние крестьянства Советской власти (РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Л. 1.; Д. 851. Л. 90–90 об.). Поэтому независимо от национальных и региональных особенностей российское крестьянство изначально отвергало продразверстку и, отбросив прежнее равнодушие к новой власти, вступало на путь открытой вооруженной борьбы с ней. Борьба крестьян с властью проходила в разных формах, наиболее острой из которых были крестьянские восстания (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2878. Л. 7–8). По своим масштабам, степени сознательности и организованности они в совокупности были ничем иным, как крестьянской войной, каких Россия не знала с XVIII столетия.

В конце зимы – ранней весной 1920 года главными событиями, которые влияли на настроение крестьянства, были боевые действия Красной Армии на фронтах гражданской войны. В это время повсеместно отмечается в отчетах уездных органов управления, в резолюциях заседаний различных органов власти сочувственное, благоприятное отношение населения к Советской власти. Так, к примеру, конференция беспартийных Белгородского уезда Курской губернии в марте 1920 года в своей резолюции записала: «В общем, основные начала и линия поведения Советской власти... явились правильными и необходимыми» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2878. Л. 7–8). «Политическое положение волостей удовлетворительное. Настроение по отношению к Советской власти хорошее» — такие сводки поступали со многих уездов губерний Центрального Черноземья в Москву. Но, несмотря на подобные примеры, ситуация в деревне оставалась непростой. Политический уровень крестьянства не был таким, чтобы понимание значения для него Советской власти, ее роли в получении земли, защите от возвращения старого строя могли сохранить революционный дух и безусловное принятие Советской власти на длительное время без изменений. Страна была опустошена, разорена империалистической и гражданской войнами, и ухудшение жизненных условий не могло не сказаться на политической атмосфере в крестьянской среде. По вопросу отношения к Советской власти, к государственному строю практически все крестьянство выступало единым фронтом, признавая власть Советов. Естественно, различные слои и группы крестьянства связывали с будущим Советской власти различные надежды, видели ее по-разному, но сама такая форма власти, как Советы, не вызывала заметных в массовом масштабе претензий со стороны основной массы населения. Что же касается отношения к ее политике в деревне, то здесь интересы и воззрения крестьян расходились в соответствии с имущественной состоятельностью. Именно в области понимания и оценки характера политики Советской власти наиболее наглядно проявлялись классовая сущность крестьянства, его психологический склад, способность поддаваться на агитацию, в этом вопросе ясно была видна расстановка социальных слоев в деревне. Объективные обстоятельства складывались так, что самым болезненным аспектом внутренней политики Советской власти была продразвертка. Олицетворением ее в деревне стали продразверстка, продотряды и продкомы. Первоначально принципиальных возражений против самой идеи продразверсток у боль-

шинства сельского населения не было, она признавалась крестьянами в качестве необходимой вынужденной и временной меры. Во многих губерниях большая часть крестьянства выполняла разверстки и несла повинности по возможности исправно. Эти крестьяне были опорой Советской власти. Помимо таких настроений с течением времени и с развитием экономического кризиса появились настроения неодобрения, ропота, но, тем не менее, разверстка выполнялась исправно. Основными носителями таких настроений были бедняки и середняки. Это наглядно подтверждают архивные документы. Так, к примеру, на 12 января 1921 г. Рыльский, Белгородский и Старосельский уезды Курской губернии выполнили 100% хлебной разверстки. Лозовская волость Курской губернии выполнила 95% хлебной и 120% картофельной разверстки (ОГУ «ГАОПИ Воронежской области». Ф. 5. Оп. 1. Д. 684. Л. 1). Диаметрально противоположными были политические воззрения и настроения зажиточной части деревни. Выступая с резким протестом против отчуждения излишков хлеба, не признавая Советскую власть, борясь против неё тайно и явно, они и та часть среднего крестьянства и бедняков, которая их поддерживала, олицетворяли крайне радикальные настроения — противодействие Советской власти. Выступая с требованиями, близкими и понятными собственническим устремлениям, такими, как требование «свободной торговли», уменьшение помольных сборов, права распоряжаться излишками продуктов, зажиточная верхушка притягивала на свою сторону средне зажиточных. Все чаще и чаще к их требованиям присоединялась и часть бедняков.

Так же проявилось отношение крестьян к политике Советской власти в деле выполнения трудгужповинности. Не выступая первоначально против самого принципа трудовой и гужевой повинности, требуя лишь ее упорядочения, крестьяне затем стали требовать: «Гужевая и трудовая повинность должны выполняться крестьянами по силе возможности, без всякого на них давления, принимая во внимание сильный недостаток одежды, обуви, истощение лошадей на почве недоедания и болезней, а также крайнюю истрепанность всего инвентаря» (Правда. — 1921. — 14 января). Несмотря на повсеместное нарастающее недовольство населения, местные органы власти даже пытались увеличить нажим на крестьян с целью выполнения ранее намеченных и явно завышенных «планов восстановления» народного хозяйства. С этой целью они продолжали действовать уже испытанными методами времен «военного коммунизма». С весны 1920 года собрание продразверстки было передано в ведение ВЧК и стало производиться не только Продармией, но и войсками внутренней охраны и ЧОН¹. Соответственно возрастало и сопротивление деревни проводимым продовольственным кампаниям: в 1920–1921 гг. количество участников крестьянских восстаний по-прежнему исчислялось десятками тысяч (20 тыс. — в Воронежской губернии, свыше 50 тыс. — в Тамбовской губернии) [1: с. 43; 11: с. 209–210; 12: с. 113]. Комтруды и власть на местах пытались преобразовать в мобилизационные учетные аппараты.

¹ ЧОН — Часть особого назначения.

Для руководства народным хозяйством, а также укрепления аппарата комтрудов на местах стали привлекать специалистов из армии. Карательные и жестокие методы работы комтрудов также способствовали увеличению количества недовольных властью Советов среди крестьян.

В сфере земельных отношений политические настроения крестьянства проявлялись по-иному. Национализация земли Советской властью сразу создала доверие к ней со стороны крестьянства. Но к концу гражданской войны, когда стало ясно, что возвращение помещиков вряд ли возможно, и в этой области стали разделяться политические настроения крестьянства, отражая его политические позиции и взгляды. В этот период характерным было для всех сельских жителей страны непризнание советских хозяйств, требования их реформирования, но понимание их сущности и взгляды на их перспективы были различные. Беднейшие слои населения и часть «средняков», настаивая на приоритете крестьянского хозяйства, все же оставляли за совхозами право быть культурно-показательными хозяйствами, не принимающими характера земледельческих фабрик. Напротив, более зажиточные крестьяне обвиняли совхозы в «дармоедстве», бюрократизме, говорили, что от них толку не будет, отвергали идею совхозов в целом, подвергая сомнению правомерность действий Советской власти и правильность ее деятельности в земельном вопросе. Но власть и специалисты вопреки здравому смыслу на практике продолжали руководствоваться идеологическими постулатами.

Не менее жизненной для Советского государства была проблема защиты от внешних врагов и борьба с внутренней контрреволюцией. Здесь политические настроения крестьянства проявились в форме отношения к Красной Армии: осознание ее целей, помощь ей продовольствием, теплыми вещами, деньгами, участие в мобилизациях, отношение к дезертирству, помощи семьям красноармейцев и т.п. Показателен в отношении к Красной Армии уровень дезертирства и его причины. Особенно сильно дезертирство развилось в Черноземье: в Воронежской и Тамбовской губерниях. В мае 1920 года Воронежская Губчека сообщала, что мобилизация проходит туго. Общее количество дезертиров в Воронежской губернии достигает 50–60 тыс. человек (ГАКО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 49. Л. 39). «На 1 января 1920 года девять десятых всего военнообязанного населения Тамбовской губернии числилось в дезертирах, что в общей сложности составляло колоссальную цифру — 250 тыс. человек» (ОГУ «ГАВО». Ф. 10. Оп. 1. Д. 166. Л. 76). Главными причинами отказа служить в Красной Армии по информационным сводкам с мест были: «невежество масс», отсутствие достаточной политической работы на местах, плохое обеспечение семей красноармейцев. Полное невнимание к ним со стороны местных властей создавало сильную тягу к своим домам и хозяйству. Немалую роль играла и продовольственная политика, вызывающая сильное недовольство среди красноармейцев, считающих, что «их отцов травят, в то время, как они защищают Советскую власть» [10: с. 148]. Безмерная усталость от войны, стремление заняться мирным трудом на своей земле рождали постоянное напряжение среди крестьянства. Усугубляли эти настроения крестьян и пло-

хая постановка призывного дела во многих УИКах, неорганизованность в отправке мобилизованных. Такие и подобные явления были типичными практически во всех губерниях России. Поддерживали дезертирство, как проявление неодобрения политики Советской власти, в первую очередь, зажиточная часть крестьянства и их сторонники. Вольно или невольно «середняки» и даже часть бедняков переходили по все большему кругу вопросов на позиции зажиточной части деревни. В этом процессе перехода на сторону «кулачества» по отношению к политике Советской власти и через это к самой Советской власти и заключалась опасность и угрожающие перспективы политической ситуации в деревне к концу гражданской войны.

Таким образом, помимо недовольного отношения к политике Советской власти в деревне, которое характеризуется как «в высшей степени недоверчивое», «критическое», «пассивное», появляются тревожные нотки в показателях отношения к самой Советской власти — «весьма неодобрительное», «отрицательное». Появляются случаи отказа от выполнения государственных повинностей, что переводит отношение к власти из сферы эмоций в область практических действий. В целом в этот период и общее настроение населения («устойчивое», «спокойное») и отношение к государственной власти еще не могут быть охарактеризованы как внушающие большие опасения, но ухудшение обстановки уже прослеживается. Признаки осложнения ситуации в Российской деревне налицо. Об этом свидетельствуют и другие показатели: голод, тиф, холера и т.д. (ОГУ «ГАВО». Ф. 10. Оп. 1. Д. 166. Л. 76 об.). Так, постепенно, с осени 1920 года начала складываться кризисная ситуация в российской деревне. От глухого ропота через открытое недовольство, к требованию перемен, до резкого ухудшения обстановки, к началу распада военно-политического союза с рабочим классом, развития кризиса — формировались новые политические настроения крестьянства.

В Центральном Черноземье, в силу специфики этого региона, политические настроения крестьянства выливались в несколько иные формы. Изначально позиции «кулачества» в регионе были прочнее, опыт участия в политической жизни менее значителен, а субъективные факторы были таковы, что недовольство крестьян условиями жизни росло быстрее и в гораздо большем масштабе и постепенно переросло в крайние формы — открытое недовольство и сопротивление. Одной из форм проявления негативных политических настроений в Черноземном центре стал бандитизм (ОГУ «ГАВО». Ф. 10. Оп. 1. Д. 166. Л. 76 об.). Первоначально бандитизм в Черноземье не носил политической окраски. У его истоков стояли дезертиры. Хотя они и были вооружены, но первоначально никаких активных выступлений против властей не предпринимали, лишь делали попытки к защите, когда их пытались разоружить или призвать в армию (ОГУ «ГАВО». Ф. 10. Оп. 1. Д. 166. Л. 76 об.). Картина резко изменилась в 1920 году. Укрепившись, советские органы и наркомпрод предприняли решительные меры к обузданию дезертирства. В губерниях были созданы особые комиссии по борьбе с ним.

Они были наделены широкими полномочиями против жителей, поддержавших дезертиров, вплоть до применения репрессий. Так, в мае – апреле Воронежский Губкомдезертир зарегистрировал 11 100 дезертиров, провел 183 облавы, 4 выездных уездных сессии, 30 митингов. За укрывательство дезертиров были наложены контрибуции на ряд населенных пунктов губернии [8: с. 46]. Аналогичные меры в борьбе с дезертирством предпринимались и в других губерниях. В августе 1920 года в селах Тамбовской губернии действовали 12 (по одному в каждом уезде) отрядов по борьбе с дезертирством общей численностью до тысячи человек. С осени 1920 года такие выступления стали перерастать рамки волнений отдельных сел на почве нехватки продовольствия, защиты дезертиров или отказов выполнять повинности и начали выливаться в восстания под политическими лозунгами. Переход к резкой форме недовольства, отрицательного отношения к существующим порядкам в Центрально-Черноземном районе совершался гораздо быстрее, чем в промышленных губерниях. Открытое недовольство перерастало в выступления против Советской власти в неблагоприятных уездах и в резко неудовлетворительное отношение к ней в относительно благонадежных. В докладах и политических обзорах уездных отделов картина настроений крестьянства рисовалась к концу 1920 года все тревожнее. «В общем, политическая и экономическая сторона на низах неудовлетворительна — сообщалось из Путивльского уезда. — Настроение населения подавленное» (ГАКО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 253. Д. 232) «... Отношение населения к мероприятиям Советской власти, а также к местным органам неудовлетворительное» (ГАКО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 253. Д. 232) — из Новооскольского уезда и т.д. Подобные сводки поступали с мест все чаще и чаще. Надвигался кризис доверия к Советской власти не только в ЦЧО¹, но и по всей стране. Зимой 1920–1921 гг. политическая ситуация в стране грозила большой опасностью — разрывом союза рабочего класса и крестьянства. Недовольство широких масс Советской властью приобретало все больший размах, угрожая существованию власти Советов.

Причины такого быстрого скачка в политических настроениях черноземного крестьянства, на наш взгляд, можно свести к группам объективным и субъективным. А среди последних выделить психологические и нравственно-психологические причины. Центрально-Черноземный район в отличие, к примеру, от Центрального промышленного района долгое время находился в прифронтовой полосе, отчего южные уезды региона попадали под власть белых. Соседство фронтов и Украины, где Советская власть была непрочна и откуда пополнялись отряды махновцев и «зеленых», существенно влияли на настроение крестьянства.

Неодинаковым было и соотношение классовых сил внутри деревни. Прослойка зажиточного крестьянства в ЦЧО была более значительной, чем на остальной территории России, ее влияние на остальную часть крестьянства — более силь-

¹ ЦЧО — Центральная черноземная область.

ным, чем в промышленных губерниях. Это отражалось и на степени восприятия пролетарского влияния и большевистской агитации, на возможности роста большевистских рядов, прочности позиций мелкобуржуазных партий. К субъективным причинам проявления политических настроений крестьянства черноземных губерний можно отнести различия в политическом облике партийных организаций и методах их работы, уровне деятельности Советов в этих губерниях. Парторганизации Черноземья, удаленные от центра и работавшие в условиях борьбы с влиятельными мелкобуржуазными партиями, стояли на иной ступени зрелости и боевитости, чем в промышленных губерниях. В условиях больших потерь лучших кадров во время войны и наплыва неопытных, а иногда классово чуждых элементов, парторганизации ЦЧО оказались ослабленными, заметно снизившими связь с массами. Увлекаясь неэффективными в данный момент методами работы периода «военного коммунизма», парторганизации Черноземья не смогли предупредить рост недовольства. Существовали, на наш взгляд, и чисто психологические причины более быстрого перехода крестьян Черноземья к крайним формам проявления негативных политических настроений. Большое воздействие на негативные настроения черноземного крестьянства оказала политика местных властей сразу после освобождения и восстановления Советской власти. Разоренные, обнищавшие крестьяне черноземных губерний, мечтавшие заняться трудом на своей земле, были включены в жесткую систему продразверсток и продотрядов, вынуждены были отдавать государству практически все безвозмездно. Естественно, не оправдавшиеся надежды создавали условия для возмущения крестьянства и недовольства самой Советской властью. Общеизвестно, что не следует оставлять без внимания среди субъективных и нравственно-психологические причины недовольства крестьян новой властью. Привычный уклад их жизни исконно был связан с размеренным ритмом трудовой деятельности, определяемым природными условиями: в конкретный день и час начало сева, подготовка примитивной техники и уборка урожая, уход за животными, обустройство домашнего быта и т.п.

Существовало и своеобразное религиозное «расписание»: пост, заговенье, время молитв, посещения церкви, соблюдения религиозных обрядов и праздников, запрещенные для работы дни. Нарушение природного ритма жизни мешало крестьянину своевременно осуществлять те или иные земельные работы, что приводило к снижению урожая и тому, что крестьянин просто не успевал сделать намеченное. Нарушение религиозного «расписания» воспринималось как святотатство и при всех усилиях Советской власти дискредитировать «опиум для народа» вызывало подсознательную агрессию и стремление к противодействию. К вышеизложенному присовокупляется и образование крестьян — обучение грамоте и письму осуществлялось по традиционным канонам, для обучения чтению и чтения использовались Часослов и Псалтырь. Светская литература и пропагандистские листовки новой власти повергали крестьян, непривычных к таким формам «обучения», в смятение.

Все это сказывалось и на искажении нравственно-психологического состояния, на обнищании крестьян, и на перемене их самосознания, и на смене жизненного и трудового ритма, и, в конечном итоге, привело к естественному проявлению массового недовольства со стороны крестьянства существующими порядками. Кроме того, по нашему мнению, крестьяне Черноземья, всегда жившие более зажиточно, в годы войны совершили более резкий переход к экономическим тяготам, нужде. Психологически это было тяжело перенести спокойно, и крестьянство черноземного центра быстрее перешло к отчаянию, унынию, возмущению той властью, с чьей политикой связывало свои трудности. Все эти факторы и вызвали, по словам В.И. Ленина, в крестьянстве «растерянность духа, колебания, шатания» [5: с. 141], создали ту опасную ситуацию в стране, с развитием которой были связаны самые драматические события в истории Советского государства.

Недовольство крестьянских масс вылилось в мятежи, проявился и вырос бандитизм, который с течением времени стал приобретать политическую окраску. Всего по стране к апрелю 1921 года только по официальной Советской статистике насчитывалось 140 крестьянских выступлений, общей численностью 118 тыс. человек (ОГУ «ГАОПИ Воронежской области». Ф. 5. Оп. 1. Д. 884. Л. 19–27). Большая их часть действовала в Черноземье. Именно здесь разыгрались «антоновщина» и «колесниковщина» — открытые выступления крестьянства с оружием в руках против существующего государственного строя. В большей степени они охватили Воронежскую и Тамбовскую губернии. Положение усугубилось грубейшими ошибками и просчетами местных партийных и советских органов, особенно на Тамбовщине, и тем, что население проявило «пристрастное отношение большинства к порядкам, проводимым отрядом Махно. Крестьяне часто говорили, что Махно-де разрешал свободную торговлю, поэтому можно купить соль смазывающие вещества и другие товары, тогда как Советская власть все время обещает, но до сего времени ничего не дает» [9: с. 185]. Стихийные вспышки недовольства проявлялись все чаще, грозя самим устоям Советской власти. Это свидетельствовало о том, что в отношениях рабочего класса и крестьянства образовалась заметная трещина, которую противники нового строя пытались расширить, превратить в непреодолимую пропасть и таким образом торпедировать основу основ всей системы Советской власти. Всеми своими порядками режим, созданный большевиками, противопоставлял себя основной массе населения, превращая его в своих противников. Повальный грабеж, невиданные доселе притеснения очень быстро вывели черноземную деревню из оцепенения и толкнули ее сначала на глухое сопротивление, а потом и на путь открытой борьбы против новой власти. Исторически не случайно, что именно население Тамбовской губернии, «наиболее крестьянской из всех губерний России и Украины», по словам Антонова-Овсенко (ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 128. Л. 9.), оказалось самым активным и решительным борцом против политики «военного коммунизма». В годы гражданской войны Тамбовская губерния стала одной из главных продовольственных баз республи-

ки. Близость к центру и относительная удаленность от основных фронтов привели к перемещению сюда продовольственных заготовок уже осенью 1918 года, когда губерния испытывала на себе всю тяжесть продовольственной диктатуры и «крестового похода» за хлебом. Здешнего Губпродкомиссара Гольдмана даже «свои» называли «палачом».

В середине августа 1920 года в селах Хитрово и Каменке Тамбовского уезда, жители которых отказались сдавать хлеб, разоружили и частично уничтожили продотряд, произошел инцидент, обычный для практики продовольственных отрядов, но повлекший за собой значительные последствия. Как признали сами местные власти, «продармейцы» совершили целый ряд злоупотреблений: они грабили и разоряли все хозяйства, что встречались им на пути, реквизируя даже подушки и кухонную утварь, делили награбленное между собой и зверски избивали семидесятилетних стариков на виду у всех. Старики обвинялись в том, что их сыновья дезертировали и прячутся в окрестных лесах. Крестьян возмутило также то, что конфискованное зерно, погруженное на подводы для транспортировки на железнодорожную станцию, осталось тлеть под открытым небом [4: с. 125]. Восстание распространялось по губернии с непостижимой для местных властей быстротой. Если в начале сентября 1920 г. численность повстанцев, по разным оценкам, составила от 3 до 5 тыс. человек, то в январе 1921 г. она приблизилась уже к 40 тыс. бойцов, сведенных в 2 армии в составе 21 полка и отдельную бригаду.

Изучение и анализ архивных документов о проведении кампании развёрстки в 1920 г. в Тамбовской губернии подтверждают многочисленные факты о массовых злоупотреблениях губернских продорганов. Действия местных властей напрямую вели тамбовского мужика, а отнюдь не «кулака», к мысли о необходимости взяться за оружие и силой «сбросить» коммунистов, и разубедить крестьянина в этом было весьма и весьма сложно. «Репрессии против крестьян были бесчеловечны и напоминают собою времена средневековья, причем они применялись отнюдь не к кулакам, а к крестьянам-беднякам, к женам и семьям красноармейцев. В ход была пущена порка, мнимые расстрелы, раздетых крестьян запирали в холодный сарай, где они находились по нескольку часов при двадцатиградусном морозе, дрожа и, вероятно, в душе проклиная Советскую власть. У многих крестьян конфисковывали имущество и скот. От побоев умирали люди. На волости наиболее плодородные развёрстка наложила гораздо менее, чем они могут дать, и наоборот: на волости, наименее плодородные накладывалась гораздо больше» [10: с. 144–145].

Таким образом, у большинства крестьян, в том числе беднейших, хлеб был выметен подчистую. Более того, крестьянам нередко приходилось выезжать в соседнюю Воронежскую губернию, где они прикупали хлеб по спекулятивной цене и выполняли развёрстку. Результаты действий продотрядов в Тамбовской губернии привели к тому, что значительная площадь земли стала незасеянной, так как развёрстку выполняли, не считаясь с нормой. Поток жалоб на незаконные действия тамбовских продорганов был настолько велик, что, несмотря на всевоз-

можные преграды, докатился до Москвы и даже до В.И. Ленина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1004. Л. 467). Анализируя письма и телеграммы с мест, мы можем сделать вывод о том, что абсолютно все слои населения считали главной причиной крестьянских выступлений злоупотребления местных органов власти и политические просчеты центральных органов Советской власти. Слабость губернской парторганизации, многочисленные случаи перерожденчества, взяточничества, злоупотреблений служебным положением и пьянство усугубляли положение. Следует также отметить очень низкий профессиональный уровень сотрудников Тамбовской Губчека, к тому же значительная часть ее работников, во главе с самим председателем А.М. Оя к началу антоновского мятежа оказалась арестованной за злоупотребление властью. Вот одно из сообщений в Центр о работе Тамбовского Губчека: «...частая смена пред. ГЧК — отразилась на работе комиссии. Не было плана и системы в делах, отсутствовало руководство со стороны Президиума. Направление работ комиссии определялось случайными, текущими запросами. Все операции ЧК носили кустарный характер, подчас провокационный. Агентурный, технический аппарат был настолько слаб, что руководить работами и развернуть таковую шире не представлялось возможным, в силу чего действие ЧК за пределы г. Тамбова не выходило, да и то не обслуживались в полной мере. В среде сотрудников ГЧК нередко встречались наряду с профессионально неспособными даже преступные элементы. Требовалась основательная чистка органов ГЧК...» (ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.).

Несмотря на то, что урожай на территории Тамбовской губернии был еще не убран, из Центра уже требовали выполнения продразверстки. Из Москвы шли телеграммы от председателя СТО В.И. Ленина, Наркомзема и Наркомпрода и др. руководителей, в которых от руководства Тамбовской губернии требовалось одно — выполнение продразверстки (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1007). Продовольственные разверстки ложились на губернию с особенной тяжестью; объединенная прифронтовыми частями, сильно пострадавшая в инвентаре и от упадка культурных хозяйств, губерния продолжала значиться у Наркомпрода в числе высокопроизводящих. Лишь с громадным напряжением была выполнена только наполовину в 1919–1920 гг. непомерно тяжелая разверстка в 27 млн. пудов. Как выяснилось позже, когда мятеж всюду уже полыхал, в своих прогнозах на урожай Тамбовский Губпродком умудрился ошибиться почти в два раза. То есть, вместо предсказанных им 62 млн. пудов в губернии фактически было собрано лишь 32 млн. пудов (ТОГУ «ГАТО». Ф. 18. Оп. 1. Д. 111. Л. 8). Следует обратить внимание на два взаимосвязанных обстоятельства. С августа 1920 г. губерния находится на военном положении в полном смысле этого слова. И в августе в тамбовских селах начали свою работу продотряды, которые, несмотря ни на какие обстоятельства, в своей деятельности руководствовались инструкцией о порядке конфискации живого и мертвого инвентаря [3: с. 99–100]. У крестьянина пострадавшего от засухи уезда, отлично видевшего сколько у него имеется собранного хлеба, и вот теперь узнавшего, сколько он должен сдать по продразверстке, просто в такой

ситуации не было выбора, либо погибнуть от голода, в случае «успешного» выполнения разверстки, либо выжить. Поэтому и неудивительно, что в августе 1920 г. в селах юго-восточной части Тамбовщины начались конфликты крестьян с продотрядами. То, что в губерниях Черноземного центра кризис принял наиболее острые формы открытой вооруженной борьбы, не является случайностью. Как было показано выше, Тамбовская губерния выполняла самую большую разверстку. Методы работы не смягчались, а ожесточались и в 1921 г. Кроме того, Тамбовская губерния была давней вотчиной эсеров, еще в 1895 г. эсеровская организация охватывала пять уездов. Следовательно, эсеры в отличие от большевиков, хорошо владели политической ситуацией в Тамбовской губернии. Они отлично знали настроения крестьянства и использовали политическую ситуацию в своих целях. Эти обстоятельства и обусловили то, что политический кризис, характерный в целом для взаимоотношений пролетариата и крестьянства, к весне 1921 г. принял на территории Черноземного центра, а также в Кронштадте и в других местах России наиболее острые формы открытой вооруженной борьбы.

«Эсеров-кулацкий мятеж» в Тамбовской губернии 1920–1921 гг., вошедший в историю под названием «антоновщина» был наиболее мощным крестьянским восстанием в стране периода окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству.

Литература

1. *Андреев В.* Октябрьская революция в Тамбовской губернии / В. Андреев, С. Кулаев // Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. – Тамбов: Тамбовская губернская комиссия по организации и проведению десятилетия Октябрьской революции, 1927. – С. 18–23.
2. *Боженко Л.И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 г. – 1927 г.) / Л.И. Боженко. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. – 210 с.
3. *Дементьев В.Д.* Восстание крестьян на Тамбовщине (обзор литературы) / В.Д. Дементьев, В.В. Самошкин // История СССР. – 1990. – № 16. – С. 99–110.
4. *Куртуа С.* Черная книга коммунизма / С. Куртуа, И. Верт и др. – М.: «Три века истории», 2001. – 780 с.
5. *Ленин В.И.* Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 65–146.
6. *Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу о замене разверстки натуральным налогом. 18 марта / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 74–85.
7. *Ленин В.И.* Планы брошюры «О продовольственном налоге» / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 387–404.

8. Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / Под ред. И.П. Тарадина; сост. И.К. Александров. – Воронеж: Коммуна, 1927. – 94 С.
9. Отчет народного комиссара по военным и морским делам за 1921 г. – М.: б/и, 1922. – 22 с.
10. Самошкин В. Антонов огонь / В. Самошкин. – Подъем. – 1990. – № 9. – С. 143–174; № 10. – С. 152–173; № 11. – С. 121–143.
11. Сречинский Ю. Компартия и крестьянство / Ю. Сречинский // Новый мир. – 1967. – № 89. – С. 209–210.
12. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. – Иерусалим: «Лексикон», 1987. – 228 с.

Literatura

1. Andreev V. Oktyabr'skaya revolyuciya v Tambovskoj gubernii / V. Andreev, S. Kulaev // Oktyabr'skaya revolyuciya i grazhdanskaya vojna v Tambovskoj gubernii. – Tambov: Tambovskaya gubernskaya komissiya po organizacii i provedeniyu desyatiletija Oktyabr'skoj revolyucii, 1927. – S. 18–23.
2. Bozhenko L.I. Sootnoshenie klassovy'x grupp i klassovaya bor'ba v sibirskoj derevne (konecz 1919 g. – 1927 g.) / L.I. Bozhenko. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1969. – 210 s.
3. Dement'ev V.D. Vosstanie krest'yan na Tambovshhine (obzor literatury') / V.D. Dement'ev, V.V. Samoshkin // Istoriya SSSR. – 1990. – № 16. – S. 99–110.
4. Kurtua S. Chernaya kniga kommunizma / S. Kurtua, I. Vert i dr. – М.: «Tri veka istorii», 2001. – 780 s.
5. Lenin V.I. Doklad o prodovol'stvennom naloge na sobranii sekretarej i otvetstvenny'x predstavitelej yacheek RKP (b) g. Moskvy' i Moskovskoj gubernii 9 aprelya 1921 g. / V.I. Lenin // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. – T. 43. – М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1970. – S. 65–146.
6. Lenin V.I. Zaklyuchitel'noe slovo po dokladu o zamene razverstki natural'ny'm nalogom. 18 marta / V.I. Lenin // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. – T. 43. – М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1970. – S. 74–85.
7. Lenin V.I. Plany' broshyury' «O prodovol'stvennom naloge» / V.I. Lenin // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. – T. 43. – М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury', 1970. – S. 387–404.
8. Oktyabr'skaya revolyuciya i grazhdanskaya vojna v Voronezhskoj gubernii / Pod red. I.P. Taradina; sost. I.K. Aleksandrov. – Voronezh: Kommuna, 1927. – 94 s.
9. Otchet narodnogo komissara po voenny'm i morskim delam za 1921 g. – М.: б/и, 1922. – 22 s.
10. Samoshkin V. Antonov ogon' / V. Samoshkin // Pod'em. – 1990. – № 9. – S. 143–174; № 10. – S. 152–173; № 11. – S. 121–143.
11. Srechinskij Yu. Kompartiya i krest'yanstvo / Yu. Srechinskij // Novy'j mir. – 1967. – № 89. – S. 209–210.
12. Frenkin M. Tragediya krest'yanskix vosstanij v Rossii 1918–1921 gg. – Ierusalim: «Leksikon», 1987. – 228 s.

А.С. Чижикова

Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века

Общественная жизнь, по мысли С.Л. Франка, есть двуединство внутренней духовной жизни с её внешним воплощением [28: с. 75]. Жизненный уклад поэтому указывает на состояние духовной жизни семьи и целого общества. Образ жизни представляет собой одну из наименее динамичных характеристик культуры, что связано не только с феноменом его «привычности» для людей, но и с тем, что многие его черты играют значимую роль маркеров в этнической, социальной, конфессиональной и иной самоидентификации человека, выступают внешним выражением его консолидированности со своей социальной средой [27: с. 343]. Образ жизни как более объёмное понятие включает в себя жизненный уклад — то есть регламентацию жизни. Жизненный уклад дворян первой половины XIX столетия зависел от их социального положения, достатка и места проживания. В столицах именитые и богатые дворяне задавали тон всему обществу. С конца XVIII века одним из членов столичного общества был русский барин новой формации, человек образованный, светский и хлебосольный. В Петербурге такими баринами были Л.А. Нарышкин, А.С. Строганов и А.Б. Куракин (князь Алексей). В Москве гремело имя А.Г. Орлова [11: с. 170].

Различно было поведение дворян в Москве и Санкт-Петербурге. Как вспоминала бабушка Д.Д. Благово, «кто позначительнее и побогаче — все в Петербурге, а кто доживает свой век в Москве, или устарел, или обеднел, так и сидят у себя тихохонько и живут беднёхонько, не по-барски, как бывало, а по-мещански, про самих себя. <...> Имена-то хорошие, может, и есть, да людей нет: не по имени живут» [21: с. 114–115]. Впрочем, в начале века и в Москве одни жили в роскоши, буквально сорили деньгами, тогда как другие — в нищете. Благодаря отдаленности Двора свободы в Москве в поведении было много больше, нежели в Петербурге: один жил на английский манер, другой — на русский, третий был увлечён Францией... Москва жила

самобытной, самостоятельной жизнью. По словам Н.Г. Левшина, «все вообще отставные старики, моты, весельчаки и празднoлюбцы — все вообще стекаются в Москву и там век свой доживают припеваючи» (цит. по: [14: с. 111]). А. Павлова в своей «были» «Бедняжка» сетует, что «Юная столица берет себе цветущих юношей, оставляя Москве старого да малого. Неудивительно, что невесты московские ловят приветливыми взглядами залетного жителя Петербурга, когда он соколом мчится по нашим гостиным, так привлекательно гремя шпорами или дипломатически лорнируя» [20: с. 174].

Как пишет Н.Ф. Дубровин о столицах начала XIX века, «первопрестольная столица, хоть не имела тогда ни тротуаров, ни бульваров, но по своим связям с провинцией, даже с самой отдалённой, считалась городом священным, имевшим влияние на всю Россию. Москва производила такое очарование, что для помещиков, живших постоянно в своих имениях, те соседи, которые хвастали, что бывали в Белокаменной, казались людьми высшего порядка!» [14: с. 109]

Е.А. Сушкова впервые оказавшись на балу в Москве, находит множество отличий в поведении московских и петербургских барышень. «Барышни более чем разговорчивы с молодыми людьми, они фамильярны, они — их подруги». Друг к другу обращаются на «ты», называют по фамилии, именем или прозвищем, а не по-французски, как это было принято в столице [23: с. 182]. В Москве жили проще, Надежда Осиповна Пушкина, например, могла целые дни просиживать нечесаная в спальне [25: с. 56]. Ю.М. Лотман писал, что «военные события сблизили Москву и провинцию России. Московское население «выхлестнулось» на обширные пространства. В конце войны, после ухода французов из Москвы, это породило обратное движение. <...> Сближение города и провинции, столь осязаемое в Москве, почти не сказалось на жизни Петербурга тех лет. Более того, занятие Москвы неприятелем отрезало многие нити, связавшие Санкт Петербург со страной» [16: с. 330].

Д.Н. Бегичев обращал внимание читателей на то, что в Санкт-Петербурге служат и выслуживаются, интригуют друг против друга, в Москве отдыхают и устраивают браки, и сплетничают. Есть даже «записные новеллисты» — они получают известия из Санкт Петербурга и разносят эти новости по Москве, правда, зачастую новости выдумываются самими глашатаями. Также из Санкт Петербурга пошла мода супругам быть везде вместе, создавая видимость семейного благополучия [1: вып. 2, с. 143–151]. В ноябре 1808 года М.Л. Магницкий писал императору Александру, что новые идеи появляются в Санкт-Петербурге, а затем «письма, в Москву отправляемые, и приезжие из Петербурга непрестанно наполняют её слухами, (для правительства вредными). Слухи же сии, (невзирая на нелепость их), с жадностью внимаются и распространяются с чрезмерною быстротой в обширном городе, составленном по большей части из людей праздных или отставных и дворян недовольных и почитающих себя независимыми от правительства потому только, что под благотворною его сению пользуются достаточными имуществами, которое оно же им охраняет. Из древней столицы

сей, куда каждую зиму съезжается со всех концов России богатейшее дворянство, (гибельная мода порицать правительство переходит в провинции...) слухи распространяются по всей России» (цит. по: [14: с. 70]). В первом Отчете III отделения (1827 г.) говорится, что со времен Екатерины II московские вельможи составляли некое подобие аристократической республики и были руководителями общественного мнения, однако уже в описываемый период не имели никакого морального веса и импульс этому общественному мнению исходил от среднего класса России (цит. по: [11: с. 196]). Однако все же Москва рассматривалась как центр российской общественности.

Москва отличалась хлебосольством. Так, в романе В.А. Вонлярлярского «Силуэт» описана княгиня-москвичка: «Старуха была типом московских знатных барынь того времени: добрая сердцем, она не отказывала в покровительстве ни вдовам, ни сиротам, ни соседям по имениям, но денег не давала никому; отзывалась с отличной стороны о тех, которые часто являлись к ней откушать, впрочем, ни мало не заботясь о том, достаточно ли кушанья и сыты ли гости» [9: т. 1, с. 155]. А.И. Дельвиг вспоминал, что у сенатора Волчкова были длинные накрытые столы, к которым приходили обедать и малознакомые ему лица [13: т. 1, с. 7]. С течением времени хлебосольных хозяев становится все меньше, исчезая в первую очередь из Санкт-Петербурга. Правда, по замечанию Л.В. Бранта, в 1839 году на Петербургской стороне жизнь и нравы оставались «во всей полноте и простоте патриархального века, — когда люди не стыдились ужинать, когда, приходя в гости, здоровались с хозяином и, уходя, прощались с ним, да благодарили за хлеб — за соль: что все в большом свете называется, говорят, «*mauvais genre!*» (дурной тон) — где нынче не в тоне всё это, ни многое, многое ещё, — прежде так наивно напоминавшее людям, что они братья, а не светские отношения...» [5: с. 239]. Это описание указывает в первую очередь на то, что такого рода поведение встречается все реже и остается до поры до времени только в одной части города.

Жизнь в столицах очень зависела от экономического положения семьи. Выезды в свет, балы до поздней ночи (или раннего утра) были недоступны небогатым дворянским семьям. А потому и просыпались в таких домах рано, и жили скромно и тихо, занимаясь хозяйством и воспитанием детей. Вот как описывает жизненный уклад в доме своей небогатой бабушки Екатерина Владимировна Новосильцева. В восемь часов пили чай. Вера Васильевна (тетя) хлопотала о хозяйстве, бабушка начинала свою долгую молитву, Катя с сестрой Олей занимались в своем флигеле. А Надежда Васильевна (старшая тетя) отправлялась гулять, то есть обходить знакомых соседей, но прежде ещё сходя к ранней обедне. Около часа все собирались в чайной. Обеденный стол был накрыт в два часа. Затем все семейство отдыхало, а девочки уходили в свой флигель. В шесть часов все собирались в гостиной, где Вера Васильевна разливала чай. В тридцатых годах бабушка уже никуда не выезжала, кроме

церкви, но ранее всегда по вечерам отправлялась в гости. Вечер проводили в семейном кругу. Надежда Васильевна или сама уезжала в гости, или приглашала какую-нибудь соседку. В десять был ужин, а потом все отправлялись по местам (только Катя убежала к Вере Васильевне и часов до двух с ней говорила) [24: с. 144–150].

М.П. Бибииков описывает распорядок дня в доме своей бабушки в Москве: мальчик просыпался утром и звал свою бабушку (бабу Анну), она подходила к его кровати и с помощью прислуги растирала ребенка полотенцем, смоченным в вине, и расчесывала, затем они с бабушкой молились (прочитывали «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и о здравии всех сродников), потом шли пить чай — ему давали горячего молока с водой и сахаром (эту смесь величали «чаем» и подавали в маленьком приборе, на маленьком подносе). После чая все дети бабушки приходили в её флигель из большого дома пожелать ей доброго утра (из 21 ребенка осталось в живых только 8): они по старшинству подходили целовать бабушке руку, а она их целовала в лоб. Обедали во флигеле с бабушкой в полдень, а дяди и тётки позже в большом доме. Затем бабушка спала, а ребенок играл в комнате с няней и девушками, которые рассказывали ему сказки о Бове Королевиче, Илье Муромце, о судье Шемяке. К чаю все опять сходились у бабушки и у каждого за столом было своё место, а после отец автора часто читал житие святого того дня [3: с. 25–45]. В описанных отношениях доминировал патриархальный дух — бабушка пользовалась огромным уважением домочадцев, при ней уже взрослые дети не позволяли себе излишней свободы в разговорах и движениях.

Вообще, люди преклонного возраста, молодость которых приходилась на конец XVIII века, транслировали традиции своей юности, держали дом в строгости, четко выстраивая и поддерживая в семье иерархию.

Чем ближе по своему статусу дворяне находились к большому свету, тем более они заимствовали в своем быту элементы, скалькированные с западных образцов — по модным журналам. Вот образ жизни в столице девушки на выданье у своей тетушки. «Мы одевались и жили по картинкам мод и по законам светских романов: зашнурованные и накрахмаленные, в щегольских блузах, в утренних, сверх гладких волос, чепчиках, мы садились по утрам к чайному столику по всем обрядам английского сервиза. Зимой, перед растопленным камином, летом на террасе дачи. Мы совершали эту утреннюю трапезу, наблюдая такой же строгий *decorum*, как будто эта сцена разыгрывалась на подмостках театра. Мы хотели доказать, что живем и сами про себя так же прилично, как и в глазах общества. По окончании чайной церемонии, я читала громко журналы <...> затем отправлялись по магазинам. <...> Возвратясь с этого ежедневного осмотра, мы одевались, принимали перед обедом несколько избранных, всегда скучных лиц, покуда наступал час торжественного шествия к столу. Одне, или в собрании званых гостей, мы садились равно официально, и эта служба отправлялась по уставам легкой французской или глубоко английской гастрономии. После обеда мы садились

к камину, чашкою кофе и пустейшим разговором помочь пищеварению. Сплетни, анекдоты, новости из незначительных современных событий, не возмущали этого отправления природы; но когда материалы начинали истощаться, это было сигналом отдыха и приготовления к третьему туалету. Смотря по надобности, больше или меньше взбивались локоны, больше или меньше открывались плечи и руки, по мере того, какое предстояло окончательное заключение дня: театр, бал, вечер или простой визит». В промежутках девушка услаждала слух тети игрой на фортепьяно [8: с. 21–22].

Многие бытописатели той эпохи отмечают, что в Петербурге стиль жизни отличался от провинции степенью суеты и интенсивности светской жизни. Героиня М.А. Корсини вставала во втором часу пополудни, беседовала с дочкой, затем давала хозяйственные распоряжения, затем обед, затем следовало собираться в гости и самим ждать их появления за тем, чтобы провести остаток дня за картами [15: т. 5, с. 75]. О.И. Сенковский описывает типичную светскую даму Петербурга: «А что касается до Анны Петровны, то она румянилась, наряжалась, ездила с визитами, днем развозила сплетни, ввечеру разливала чай. Об ней сказать нечего: она была настоящий женский — 0, нуль». А.П. Глинка сетует на то, что ежедневные занятия дамы высшего света: «визиты без цели, болтовня, пересуды под названием *causerie*» [10: с. 32] (*непринужденный разговор*). В «Дамском журнале» (1823 г.) говорится, что в Москве с визитами ездят только на Новый год и на Святой неделе, и то часто ограничиваются визитными билетами [12: с. 184]. В то время как в Петербурге визиты делаются ежедневно. В.А. Вонлярлярский отмечал, что в Петербурге каждый живет как хочет и как может — возвращается в своем кругу, в своем ограниченном обществе. Молодые люди (потенциальные женихи) могут быть приняты всюду, в то время как их родственники не посещают всех великосветских домов. В Москве же обязательно нужно принимать всех-всех-всех, со всеми общаться, всем отплачивать визитами, не то кто-нибудь будет обижен и о вас наговорят невесть что, так что ваша репутация может сильно пострадать [9: т. 1, с. 235–236]. Но обязательных визитов, как в Северной столице, нет.

М.Г. Назимова писала, что жизнь её с бабушкой на даче в Петергофе мало чем отличалась от образа их жизни в Петербурге. Так же закладывали ландо в два часа, так же делались визиты до пяти. За обедом почти всегда были гости, затем прогулки с гостями на музыку, где делались еще приглашения на чашку чая, и собиралось человек пятнадцать. При дачной жизни была только разница в лёгкости созывать к себе гостей. Девушку в 11 вечера отправляли спать, а бабушка еще ужинала и до 2–3 ночи играла в карты [19: с. 848].

В романе А.Ф. Вельтмана описана жизнь великосветского холостяка преклонных лет: «Бывало с двух до двух, хоть плохо, но спится; потом визиты, потом обедать в клуб, или на званый обед, потом на вечер, в концерт, в театр, в заключение в клуб — сколько новых впечатлений...» [7: с. 112].

В столицах часто гостей усаживали за карты, а хозяева с гостей под боком вытягивали рублей сто благодаря заранее оговоренным жестам [2: с. 104]. Впрочем, и в провинции устраивались такие махинации — но автор «Оракула

в новом роде» стремился выявить пороки, прежде всего, столичного общества, без сопоставления с провинциальным.

В отличие от столиц, как пишет В.А. Соллогуб, «в быте старосветского помещика того времени (20-е гг. — *А. Ч.*) господствовало спокойствие библейское. Старик, его дети, его слуги, его немногие крестьяне образовывали точно одну сплошную семью при разностепенных правах [22: с. 67]. Однако следует к тому же различать в провинции деревни и города: расстояния между соседями, жившими в своих деревнях, в основном были огромные, и виделись поэтому они намного реже, чем в городах. Так, героиня романа Федора Фан Дима (Е.В. Кологриновой) «Александрина» жаловалась на то, что время святок было единственной возможностью «побеситься» девушкам, которые виделись крайне редко, и они веселились за весь период разлуки, в то время как в столицах количество скучных визитов возрастало в несколько раз [26: ч. 1, с. 59]. В деревнях помещики спокойно занимались ведением хозяйства, расходов почти не делали, темп жизни был неспешным, гости могли оставаться у хозяев несколько недель.

А.В. Мещерский с чувством гордости за своего отца пишет, что он пренебрег тщеславием высшего петербургского общества и удалился в деревню за тем, чтобы создать и оставить состояние своим детям (а их ему Бог одиннадцать дал). И это ему вполне удалось [17: с. 242].

Н.Л. Назимов описывает уклад уездного дворянства: «Скажу теперь об образе тогдашней семейной жизни. Вставали рано, в 6 и поздно в 7 часов. Пили чай, потом, когда отец уезжал в свои соляные амбары, начинались обычные ежедневные занятия домочадцев, а матушка, управившись на кухне, с девушками плела кружева, побрякивая коклюшками. Обедали обыкновенно не позднее часа, после обеда отдыхали, потом, смотря по времени года, гуляли в саду, возвращались к вечернему чаю или отправлялись после окончания отцом счетов с соляными промышленниками и возчиками в гости, а в другой день ожидали к себе гостей. Эти очередные между уездными чинами вечеринки не требовали значительных расходов по простоте запасных продуктов и при употреблении с чаем кизлярской водки, а при закуске ерофеича и наливки. Играли в забытую ныне, умную карточную игру бостон, но о каких-либо значительных выигрышах или проигрышах и помину не было» [18: с. 78]. Дети росли на природе, в большей простоте, чем в столицах. Так приезжие в провинцию столичные барышни «дивились непристойности губернского румянца, красноте рук, даже свежести рта», у них были тонкие талии и длинные розовые ногти [9: т. 1, с. 117].

Таким образом, можно четко проследить следующую закономерность — чем ниже было положение семьи по своему социальному статусу, тем более традиционен, даже патриархален был жизненный уклад, при этом в начале XIX столетия влияние консервативных мотивов в поведении было много сильнее, нежели в середине века. Авторитет старших в семье был сильнее, за детьми был установлен более строгий контроль, большее место в жизни семьи занимала религия — это не значит, что пороков в менее «блестящей»

среде было меньше, но затраты на них редко превышали доход с имения или от службы. С.О. Бурачок в «Героях нашего времени» показывает (несколько утрированно), как сложно, практически невозможно, было соединить требования православной религии с условиями жизни высшего света: соблюдение постов, посещение богослужений, скромность в одежде при частом посещении балов и вечеров было затруднительно [6: с. 1–104, 105–205]. И все же в обществе поощрялась скромность, были табуированы (в присутствии женщин) пошлые и вульгарные выражения, соблюдались многие православные, традиционные обычаи и правила поведения, немаловажен и тот факт, что Император Николай I и по своему образу мыслей и действий стремился соблюсти православные традиции и был рыцарем в его идеальном воплощении [4: с. 6].

Литература

1. *Бегичев Д.Н.* Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни / Д.Н. Бегичев. – Вып. 1–2. – М.: Университ. типогр., 1851.
2. *Бестужев-Рюмин М.А.* Мавра Власьевна Томская и Фрол Савич Калугин / М.А. Бестужев-Рюмин. – СПб.: Типогр. Императорского воспитательного дома, 1828. – 104 с.
3. *Бибиков М.П.* Бабушка / М.П. Бибиков // Москвитянин. – 1855. – № 4. – С. 25–45.
4. *Боханов А.Н.* Николай I / А.Н. Боханов. – М.: Вече, 2008. – 464 с.
5. *Брант Л.В.* Воспоминания и очерки жизни / Л.В. Брант. – СПб.: Типогр. Гл. упр-ния путей сообщ. и публич. изд-й, 1839. – 291 с.
6. *Бурачок С.О.* Герои нашего времени / С.О. Бурачок // Маяк. – Т. 19. – СПб., 1845. – С. 1–104, 105–205.
7. *Вельтман А.Ф.* Приключения, почерпнутые из моря житейского / А.Ф. Вельтман. – М.: Университ. типогр., 1848. – 168 с.
8. *Вельтман Е.И.* Лидия. Рассказ из жизни музыкального учителя / Е.И. Вельтман // Москвитянин. – 1848. – №4. – С. 21–22.
9. *Вонлярлярский В.А.* Все сочинения: в 7-ми тт. / В.А. Вонлярлярский. – СПб.: Типогр. Императ. Акад. Наук, 1853.
10. *Глинка А.П.* Мои воспоминания о незабвенной Екатерине Владимировне Новосильцевой, урожденной графине Орловой / А.П. Глинка. – М.: Университ. Типогр., 1850. – 14 с.
11. *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации / В.Я. Гросул. – М.: Наука, 2003. – 517 с.
12. Дамский журнал, издаваемый князем Шаликовым. – 1823. – Ч. 2. – № 11. – С. 184.
13. *Дельвиг А.И.* Мои воспоминания: в 4-х тт. – М.: Изд-е Московского Публично-го и Румянцевского музеев, 1912.
14. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века / Н.Ф. Дубровин; изд. подгот. П.В. Ильиным. – СПб.: Изд-во. ДНК, 2007 – 646 с.
15. *Корсини М.А.* Очерки современной жизни: в 7-ми тт. / М.А. Корсини. – СПб.: Б.и., 1853.
16. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – 2-е изд., доп. – СПб.: Искусство-СПб, 1999. – 414 с.

17. Мещерский А.В. Из моей старины / А.В. Мещерский // Русский архив. – Т. 1. – № 3. – М., 1901. – С. 470–505.
18. Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год / М.Л. Назимов // Русский вестник. – № 7. – М., 1876. – С. 74–162.
19. Назимова М.Г. Бабушка графиня М.Г. Разумовская / М.Г. Назимова // Исторический Вестник. – 1899. – Т. 75. – № 3. – С. 841–854.
20. Павлова А. Бедняжка. Быль / А. Павлова // Библиотека для чтения. – Т. 97. – СПб.: Б.и., 1849. – С. 174.
21. Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Под ред. А.Л. Гришунина. – Л.: Наука, 1989. – 472 с.
22. Соллогуб В.А. Воспоминания / В.А. Соллогуб; коммент. и текстология И.С. Чистовой; предисл. А.С. Немзера. – М.: СЛОВО / SLOVO, 1998. – 384 с.
23. Сушкова Е.А. Записки / Е.А. Сушкова. – М.: Захаров, 2004. – 304 с.
24. Тольчева Т. Семейные записки / Т. Тольчева. – М.: Типогр. Бахметева, 1865. – 210 с.
25. Тынянов Ю.Н. Пушкин / Ю.Н. Тынянов; примеч. Б. Костелянца. – Л.: Худож. лит., 1976. – 504 с.
26. Фан Дим Ф. Александрина, небольшой роман, взятый из записок Юрия 3*: в 2-х ч. / Ф. Фан Дим. – СПб.: Типогр. Императ. Акад. Наук, 1855.
27. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей / А.Я. Флиер. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
28. Франк С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

Literatura

1. Begichev D.N. By't russkogo dvoryanina v razny'x e'poxax i obstoyatel'stvax ego zhizni / D.N. Begichev. – Vy'p. 1–2. – М.: Universit. tipogr, 1851.
2. Bestuzhev-Ryumin M.A. Mavra Vlas'evna Tomskaya i Frol Savich Kalugin / M.A. Bestuzhev-Ryumin. – SPb: Tipogr. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma, 1828. – 104 s.
3. Bibikov M.P. Babushka / M.P. Bibikov // Moskvityanin. – 1855. – № 4. – S. 25–45.
4. Boxanov A.N. Nikolaj I / A.N. Boxanov. – М.: Veche, 2008. – 464 s.
5. Brant L.V. Vospominaniya i ocherki zhizni / L.V. Brant. – SPb.: Tipogr. Gl. upravniya putej soobsch. i publich. izd-j, 1839. – 291 s.
6. Burachok S.O. Geroi nashego vremeni / S.O. Burachok // Mayak. – Т. 19. – SPb., 1845. – S. 1–104, 105–205.
7. Vel'tman A.F. Priklucheniya, pocherpnuty'e iz morya zhitejskogo / A.F. Vel'tman. – М.: Universit. tipogr., 1848. – 168 s.
8. Vel'tman E.I. Lidiya. Rasskaz iz zhizni muzy'kal'nogo uchitelya / E.I. Vel'tman // Moskvityanin. – 1848. – № 4. – S. 21–22.
9. Vonlyarlyarskij V.A. Vse sochineniya: v 7-mi tt. / V.A. Vonlyarlyarskij. – SPb.: Tipogr. Imperat. Akad. Nauk, 1853.
10. Glinka A.P. Moi vospominaniya o nezabvennoj Ekaterine Vladimirovne Novosilcevoj, urozhdennoj grafine Orlovoj / A.P. Glinka. – М.: Universit. Tipogr., 1850. – 14 s.
11. Grosul V.Ya. Russkoe obshhestvo XVIII–XIX vekov: Tradicii i novacii / V.Ya. Grosul. – М.: Nauka, 2003. – 517 s.

12. *Damskij zhurnal, izdavaemyj knyazem Shalikovym.* – 1823. – Ch. 2. – № 11. – S. 184.
13. *Del'vig A.I. Moi vospominaniya: v 4-x tt.* – M.: Izd-e Moskovskogo Publichnogo i Rumyancevskogo muzeev, 1912.
14. *Dubrovin N.F. Russkaya zhizn' v nachale XIX veka / N.F. Dubrovin; izd. podgot. P.V. Il'iny'm.* – SPb.: Izd-vo. DNK, 2007 – 646 s.
15. *Korsini M.A. Ocherki sovremennoj zhizni: v 7-mi tt. / M.A. Korsini.* – SPb.: B.i., 1853.
16. *Lotman Yu.M. Besedy' o russkoj kul'ture: By'ti i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) / Yu.M. Lotman.* – 2-e izd., dop. – SPb.: Iskusstvo-SPb, 1999. – 414 s.
17. *Meshherskij A.V. Iz moej stariny' / A.V. Meshherskij // Russkij arxiv.* – T. 1. – № 3. – M., 1901. – S. 470–505.
18. *Nazimov M.L. V provincii i v Moskve s 1812 po 1828 god / M.L. Nazimov // Russkij vestnik.* – № 7. – M., 1876. – S. 74–162.
19. *Nazimova M.G. Babushka grafinya M.G. Razumovskaya / M.G. Nazimova // Istoricheskij Vestnik.* – 1899. – T. 75. – № 3. – S. 841–854.
20. *Pavlova A. Bednyazhka. By'l' / A. Pavlova // Biblioteka dlya chteniya.* – SPb.: B.i., 1849. – T. 97. – S. 174.
21. *Rasskazy' Babushki. Iz vospominanij pyati pokolenij, zapisanny'e i sobranny'e ee vnukom D. Blagovo / Pod red. A.L. Grishunina.* – L.: Nauka, 1989. – 472 s.
22. *Sollogub V.A. Vospominaniya / V.A. Sollogub; komment. i tekstologiya I.S. Chistovoj; predisl. A.S. Nemzera.* – M.: SLOVO / SLOVO, 1998. – 384 s.
23. *Sushkova E.A. Zapiski / E.A. Sushkova.* – M.: Zaxarov, 2004. – 304 s.
24. *Toly'cheva T. Semejny'e zapiski / T. Toly'cheva.* – M.: Tipogr. Baxmeteva, 1865. – 210 s.
25. *Ty'nyanov Yu.N. Pushkin / Yu.N. Ty'nyanov; primech. B. Kostelyancza.* – L.: Xudozh. lit., 1976. – 504 s.
26. *Fan Dim F. Aleksandrina, nebol'shoj roman, vzyaty'j iz zapisok Yuriya Z*:* v 2-x ch. / F. Fan Dim. – SPb.: Tipogr. Imperat Akad. Nauk, 1855.
27. *Flier A.Ya. Kul'turologiya dlya kul'turologov: ucheb. posobie dlya magistrantov, aspirantov i soiskatelej / A.Ya. Flier.* – M.: Soglasie, 2010. – 672 s.
28. *Frank S.L. Duhovny'e osnovy' obshhestva / S.L. Frank.* – M.: Respublika, 1992. – 511 s.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.А. Яснитский

Особенности английской историографии античности в начале XVIII века

До революционных событий середины и конца XVII в., недовольство английского общества, выражавшееся в выступлениях политических деятелей в парламентах и в памфлетах, в произведениях философов и историков, искало источник общественных бед в абсолютистских действиях представителей династии Стюартов. Именно поэтому, внимание к проблеме тирании правительства или парламента, в связи с их фактической коррумпированностью было незначительным. После Славной революции 1688 г. ситуация существенно изменилась.

Широкое распространение коррупции и мнение о ней как о главном политическом зле не было совсем новым, и напоминало выступления депутатов пуритан в парламенте в 1640-е годы. Но было различие в акценте, так как внимание начинало все больше и больше обращаться на состояние общества и все менее концентрироваться на действиях «тиранов» или совести правителей [3: р. 310–311]. Коррупция была воспринята как явление, по существу общественное, что заставляло одного из современников заметить, что «всеобщей коррупцией» судебную, военную и гражданскую власть заразил сам парламент [5: р. 3, 7].

Сведения о растратах, критика распределения доходов правительством появлявшиеся в печати в 90-х гг. XVIII в., рассматривались английским правительством как политические нападки и нередко заканчивались арестом и заключением в тюрьму. Именно таковы были последствия для Роберта Кросфилда после его статей о правительственных растратах [7: р. 9]. Несмотря на такую реакцию властей, вскоре в английской печати были опубликованы статьи Э. Стефенса и В. Ходжеса о злоупотреблениях не только в правительстве, но и в военном ведомстве [12: р. 9]. Злоупотребления, с использованием служебного положения все чаще стали именоваться «коррупцией». Коррупция на различных правительственных уровнях была предметом специального парламентского расследования в 1694–1695 гг., и брошюры тех дней подчеркивали параллели с передачей власти народному правительству в древности [2: р. 10]. В 1701 г., один из тори —

Чарльз Давенант (Charles Davenant), предпринял очередную попытку отстранения от власти вигов путем опубликования парламентского расследования случаев хищений со стороны министров-вигов.

Представители администрации вигов указывали на невозможность обвинять правительство за состояние морального климата, поскольку взяточничество процветало у частных лиц. Представители оппозиции неизменно возражали, отмечая, что продажно правительство, которое и должно быть признано ответственным за преобладающие моральные стандарты. Таким образом, проблема коррупции, постепенно из проблемы философской и моральной, в условиях политической борьбы неизбежно принимала политическую окраску. Большая часть публикаций на тему коррупции раздавалась избирателям, что способствовало приобретению голосов в графствах и городках.

Тема коррупции, которой уделяли так много внимания политические писатели, связывалась с изменениями в способах правления, при этом зачастую обсуждался вопрос об условиях, когда люди в состоянии предать свою собственную свободу. Примеры римской и греческой истории предоставляли очевидный исторический образец, и эта тематика была с воодушевлением разработана группой «Старых вигов», республиканцев, и сельских тори, включая Лоуренса Эшарда, Вильяма Уоттона, Чарльза Давенанта, Уолтера Мойла, Эндрю Флетчера, Джона Тренчарда и Темпла Стеньяна.

Таким образом, на рубеже XVII–XVIII вв., когда обострилась политическая борьба вигов и тори, когда, по мнению некоторых зарубежных и отечественных исследователей, тори и виги поменялись ролями по проблеме приоритета власти парламента и королевских прерогатив, интерес к античной истории приобрел не только назидательно-моральное, но и политическое значение [1; 11: р. 16]. Примером «назидательно-моральных» произведений на тему античной истории выступают труды по истории античности Лоуренса Эшарда и Вильяма Уоттона.

Лоуренс Эшард (Laurence Echard) родился в Суффолке в 1671 г. и был сыном преуспевающего священника. Доходы отца позволили ему учиться в Кембридже, где в 1695 г. ему была присвоена степень мастера искусства. В последующие годы он жил в Линкольншире, где занимался историей. Темы на которые он обратил свое внимание были в основном связаны с античной историей и историей Англии.

Одна из его самых ранних работ, «История Рима», была посвящена событиям от построения города до времени Августа. Эта работа была очень популярна, и к 1699 г. была издана четыре раза. В 1702 г. он опубликовал общую церковную историю, повествующую о событиях от рождения Христа до смерти Константина, которая также выдержала не менее шести изданий.

«История Англии» Эшарда охватывала период от первого похода Юлия Цезаря до правления Георга I. Эта работа была написана по совету герцога Ормонда и ему же была посвящена. «История Англии» Эшарда имела успех и

считалась его современниками наилучшей работой по этой теме. В «Истории Англии» Эшард, будучи сторонником тори, трактует политику Карла I не как политику «тирана», а скорее как «ошибочную», вызванную обстоятельствами. Он написал также «Историю Революции 1688», «Географический справочник, или Переводчик Журналиста» — о судах в городах Европы, и перевод комедий Плавта. Георг I наградил историка за его труд земельными пожалованиями. Эшарда умер 16 августа 1730 г. в ореоле славы, однако вскоре его труды были практически забыты.

Первые два тома «Римской истории» Лоуренс Эшард закончил в период от 1695 до 1698 гг.; три остальных были изданы анонимно позднее. В предисловии к своей «Римской Истории» Эшард подчеркивал, что его намерение «извинительно», поскольку не существовало ни одного классического труда, который повествовал бы о Римской истории в целом. Он также отмечал, что очевидно найдет некоторые ошибки у античных авторов. Он перечислил недостатки, которые критики нашли у величайших классических историков Рима, от Дионисия Галикарнасского до Ливия. Он также выражал надежду, что его труд предоставит некоторое понимание Римских учреждений, которое не могло быть получено из трудов «эрудитов», собирателей «простых древностей». Однако для подтверждения исторических фактов он предлагал использовать именно методы эрудитов. «Я всегда отдаю должное и руководствуюсь такими источниками как медали, показывающие историю каждого Императора и отмечающие время их величайших действий. Это та — область, которая была не так тщательно использована как другие; и она — только за последнее время показала, что люди должны обращаться к ней за помощью, к этим бесспорным памятникам древности, чтобы объяснять множество вещей, о которых историки очень скупо сообщают нам» [10: p. 5].

В 1701 г. был опубликован и труд Вильяма Уоттона (Wotton) «История Рима от Пия Антонина до Александра Севера» [16]. Обстоятельства, подтолкнувшие Уоттона к написанию истории, связаны с Гилбертом Барнетом, епископом Салисберийским (Salisbury), которому король Вильгельм III вверил заботу об обучении и воспитании своего сына — герцога Глостерского. Барнет обратился к Уоттону с просьбой составить примеры из античной истории для наставления и обучения принципам управления принца. К несчастью, мальчик умер прежде, чем труд Уоттона был завершен, и Уоттон несколько изменил первоначальный замысел. Вместо традиционного, еще со времен Возрождения сопоставления обстоятельств жизни двух пар «хороших» и «плохих» императоров, Уоттон решил, что предпочтительнее выбрать четыре биографии и соединить их с повествованием. Это должно было превратить его труд в непрерывную историю и сделать его более понятным [13: p. 343–344].

Как считает авторитетный исследователь Джозеф Левин, В. Уоттон, с одной стороны, продолжил сочетать традиционное сопоставление биографий и практику «компиляции», с другой — попытался составить связное повествование из от-

рывков античных авторов. В то же самое время его выбор двух пар императоров был достаточно необычен, поскольку они были не из «классической эпохи», а из более позднего периода, когда Рим уже начал ощущать признаки упадка. Как считает Д. Левин, это обстоятельство связано более всего с продолжающимся литературным спором между «древними» и «новыми». Для сторонников «древних», казалось глупостью конкурировать с древними на их собственной почве. Для «современных» такая конкуренция была возможной, однако, все же не так близка и понятна как современная история. Возможно, выбор истории именно периода Поздней империи, который не отмечен никакими выдающимися классическими трудами, делал риск менее очевидным [13: р. 344]. По-видимому, на этот выбор в большей степени влияла общая политическая атмосфера этого периода, что подтверждается политической окраской обращений к параллелям в античной истории и в других исторических произведениях.

В. Уоттону, как и Л. Эшарду, присуще убеждение в существовании вечных моральных ценностей. Стремление показать их неизменность, непреходящее значение для всех эпох было одним из мотивов, побудивших Уоттона к написанию его «Истории». Эту идею он обнаружил и в своих источниках и нашел ее близкой по духу. Кроме того, «История» Уоттона, как и «История» Эшарда, представляет собой историю не империи, но ее императоров; это — в сущности, серия жизненных примеров. Это повествование «об очень плохих правителях, которые становились хорошими; и о наиболее необычных правителях, которые появлялись после наиболее распутных людей». Он стремился писать повествование с намерением «показать причины и пружины действий каждого императора». Иногда он вносил в текст замечания и некоторую информацию о современных учреждениях, используя это как фон для своего рассказа.

Уоттон хотел, чтобы его история давала моральные и практические уроки искусства управления государством и, в то же самое время, чтобы она удовлетворяла стандартам новой историографии в точности деталей. Именно поэтому, повествуя о событиях, Уоттон приводит данные, полученные как «эрудитами», так и филологической критикой. Он полагался на недавние труды Тиллемонта, который уже использовал наиболее древние источники, но Уоттон не довольствовался их простым повторением, он часто им противоречил, проверяя их тщательно подлинниками.

Иной, «политический» подход к античной истории прослеживается у Чарльза Давенанта. Ч. Давенант был известен не только политическими выступлениями в парламенте с обличениями министров-вигов, но и историческими и публицистическими публикациями.

1698 год, по мнению Чарльза Давенанта, был подходящим для нового перевода Тацита. Его перевод включал и часть обширных исследований сторонников тори Джона Драйдена и Вильяма Хайдена уже посвященных этому предмету. Собственно перевод и комментарии Давенанта сводились к тому,

что Тацит описывал потерю римской свободы. В 1699 г. Давенант размышлял над тем, почему римляне оставались покорными при возрастании имперской власти, и решил, что причина лежала в отношении масс которые «уверяли сами себя, что все еще свободны, поскольку, внешне республика имела ту же форму, как в прежние времена...» [8: р. 299]. Тяжесть тирании, объяснял Давенант, несли в основном, высшие сословия, тогда как простой народ был отдален от притеснений двора, «не мог иметь мотивов противостоять этой власти, которая все еще имела некоторое сходство с их древним образом правления» [8: р. 299]. Основываясь на этом примере, он объявлял, что английские парламенты, однажды искаженные принцем, будут мирно бездействовать, народ соединил «имя и форму» и безопасность с ободряющим присутствием «внешней демонстрации конституции». Заостряя вопрос, уже знакомый в сочинениях борцов за моральные гражданские добродетели, он отрицал, что продажная республика могла бы надеяться на избавление того же рода, которое сопровождало смерть плохих королей. Традиционное утверждение, что «смешанное правительство» в его время просто искажено, он изменил следующим образом: «величайшая тирания в мире, это - тирания установленная законом, разрешенная согласием народа, и такой народ связан путами своего собственного благополучия» [8: р. 299–301].

Задаваясь вопросом, как мог народ привести себя к порабощению, Ч. Давенант отмечал, что народ был введен в заблуждение: это связано было и с пассивностью народа, и со стремлением выдавать желаемое за действительное, свойственное общественному мнению, и с нежеланием вникать в суть событий. Другой и не менее важный фактор состоял в том, что множество людей ожидали пользы от злоупотреблений. Действительно, хотя Давенант писал, что страдала от тирании более элита общества, на самом деле Давенант, на наш взгляд, расширял социальный слой поддерживающий тиранию. По мнению Давенанта, этот социальный слой включал всех, кто участвовал в поддержании этого образа правления. Так, противопоставляя грубый деспотизм утонченным способам коррупции, Давенант прослеживал процесс, благодаря которому влиятельные люди могли приходиться к соглашению с тираническим правительством, считая его более безопасным. «Тирания, которая управляет саблей, имеет некоторое количество друзей — это люди шпаги; но узаконенная тирания, где люди только созываются, чтобы подтвердить гнусности своими собственными голосами, имеет на своей стороне богатых, боязливых, ленивых, тех, которые знают законы и используют их: честолюбивые священнослужители, и все те, чьи средства к жизни зависят от спокойного положения дел...» [8: р. 301–302].

Как считает один из авторитетных исследователей английской исторической мысли Д. Ганн, Давенант, таким образом, показал, что процесс, подрывающий свободу, сопровождал сложный путь создания государственного

механизма и возрастал с увеличением полномочий исполнительной власти [11: р. 16]. Как представляется, это несколько модернизированная трактовка идей Ч. Давенанта. По моему мнению, он, в сущности, лишь утверждал, что продажные правители вовлекают как можно больше людей в свои преступления, и, таким образом, судьба всех этих скрывающихся от правосудия людей, связывается с продолжением существования этого правления. Болезнь могла порождаться королями или министрами, но далее она превращала множество частных лиц в противников общества.

Что касается мнения Д. Гана о распространении и использовании идей Ч. Давенанта, то оно представляется справедливым: трактовка Давенантом идей именно Тацита не стала распространенным примером политического аргумента в годы правления королевы Анны Стюарт. «Реалии политической борьбы диктовали другие способы дискуссии» [11: р. 17]. Однако, правильно определяя сущность этой борьбы, Д. Ганн, на мой взгляд, ошибается, считая, что примеры античности вообще не были характерной чертой в политических дискуссиях в правление Анны, и что возобновление интереса к Риму и Греции относится к более позднему времени, к 1715–1717 гг., то есть к началу правления Георга I.

Думается, что, хотя в начале XVIII века, как виги, так и тори были действительно озабочены более практикой политической борьбы, все же, обращение к античности было характерной чертой не только для театральной и литературной, но и исторической и политической мысли. В пользу этого говорит тот факт, что когда в 1701 г. тори предприняли очередную попытку отстранения от власти вигов, именно Чарльз Давенант опубликовал данные парламентского расследования случаев хищений со стороны министров-вигов королевских земель в Ирландии (*Discourse upon Grants and Resumptions*). Хотя к концу 1701 года эта попытка потерпела неудачу, политики различных группировок, испытывая чувство неудовлетворенности, обращаются именно к истории античности. Более того, именно летом 1701 года в Англии выходит одна из первых работ Джонатана Свифта посвященных античности, вызвавшая многочисленные отклики. Главной темой его сочинения были случаи отстранений от должности в античной истории: «Рассуждения о спорах и разногласиях между знатью и народом в Афинах и Риме с последствиями, которые они имели для обоих государств» (*Discourse of the Contests and Dissentions Between the Nobles and the Commons in Athens and Rome with the Consequences they had upon both those States*) [15].

Министры-виги, подвергавшиеся нападкам со стороны тори — Эдвард Рассел, Джон Саммерс, Чарльз Монтэгю, и Вильям Бентинк появлялись у Свифта в образах Мильтиада, Фемистокла, Аристиды, Перикла, Алкивиада, и Фокиона [15: р. 135]. Свифт представляет выдвигаемые обвинения против осужденных государственных деятелей Афин как ложные. Более того, по мнению Свифта, из-за ложных обвинений наиболее сильное государство в Греции «совершенно было уничтожено этим потоком зависти переменчивых по наст-

роению людей, которые никогда не были удовлетворены, ни при общей победе, ни при неудаче» [15: р. 96–97]. Власть афинского народа, утверждает он, «была буйным господством заблуждений, и явным отходом от того образца, что оставил ему Солон. Говоря другими словами, их правительство превратилось в господство плебеев, или тиранию народа, который постепенно разрушал и опрокинул тот баланс, который законодатель очень хорошо установил и предусмотрел» [15: р. 97]. Аналогичные утверждения он высказывал и о ситуации в Риме. В итоге Свифт предупреждает, что такое зло может обрушиться и на его соотечественников, если они предоставят слишком много власти для народных органов [15: р. 125].

В 1702 г., словно в ответ на «Рассуждения...» Свифта, Джеймс Дрэйк опубликовал «Историю Последнего Парламента» (*History of the Last Parliament*), в которой он поддерживал значение импичмента как средства сохранявшего свободу в Греции и обеспечивавшего безопасность государства [9]. Джеймс Дрэйк утверждал, что он «не может обнаружить, в чем ложность параллелей» с современностью [9: р. 216]. У Фемистокла, заявляет он, были действительно чрезмерные амбиции. Аристид действительно заботился о том, чтобы сосредоточить слишком много судебных функций в своих руках. Фокион перешел на сторону Македонии. Расточительный в расходовании общественных денег, Перикл продолжал достигать успехов и великолепия благодаря интригам; зная любовь Афинян к пышности, он развлекал их театральными постановками «подходящими для того, чтобы снискать расположение простого народа». В итоге, Дрэйк приходит к выводу, что ответственность за частые импичменты лежит не на афинском народе, но объясняется дурным поведением политических деятелей, а их печальную судьбу он относит к их собственным «чрезмерным притязаниям» [9: р. 218–219].

В следующем 1703 году анонимный автор «Исследования об источнике наших современных страхов» (*The Source of Our Present Fears Discovered*) также отреагировал на рассуждения Свифта. Рассуждения Свифта были написаны, как он полагал, для опровержения епископа Гилберта Барнета, хотя на самом деле Свифт его поддержал. «Барнет, — жалуется анонимный автор, — ставит наш великий законодательный орган на один уровень со сборищем из Афин и Рима», и проповедует, что Англия «наиболее деспотическое государство в мире». Свифт, подчеркивает анонимный автор, также «откапывает все гнусности, которые может найти в истории древнего Рима и Греции, совершенные некоторым числом сообщников узурпаторов, и пытается проводить одиозные параллели между теми узурпаторами и нашей Палатой общин» [15: р. 244].

Новое обращение к античной истории связано с экономическим кризисом и политической борьбой, с возникновением оппозиции, которая критиковала вигское правительство Роберта Уолпола вплоть до 1730 г. В 1719 г. сэр Джон Тренчард и Томас Гордон опубликовали «*The Character of an Independent*

Whig», в котором они сформулировали общие положения своей политической философии. Они выступали против предложений о постоянной армии и привлекали внимание к положению диссентеров. Начиная с января 1720, «Независимый Виг» начал появляться еженедельно. Годом позже, в 1721 г. в «Лондонском журнале» (The London Journal) под именем «Cato», появилась серия писем, написанных в основном Тренчардом и Гордоном, как символа почитаемого на страницах журнала республиканского мученика, который предпочел смерть, но не примирился с единовластными правителями Рима [4].

Письма отражали настроения многих англичан, поскольку темой писем была коррупция, более всего волнующая общество в связи с событиями компании Южных морей. Тренчард и Гордон выступали против того, чтобы изображать это на основе параллелей с политическими причинами упадка античных республик, как это было представлено у Ч. Давенанта. Тренчард и Гордон не склонны были изображать народ введенным в заблуждение внешними формами республики как причиной. В большинстве очерков они выражали веру в проницательность масс, которая отсутствовала у Давенанта и, особенно, у Тацита. Кроме того, у многих в Англии вызывала озабоченность концентрация власти в руках одного министра. Авторы писем, Тренчард и Гордон и их сторонники по партии (независимые виги — *Н.Я.*) считали министерство Уолпола продажным и испорченным. «Cato» особенно занимали ценности общественной жизни, значение независимой прессы, подотчетность правительства, которую они выводили из свободы. Такими энергичными и неотступными были нападки «Cato» на коррупцию в правительстве, что по истечении трех лет Уолпол остановил выпуск журнала. Тем не менее письма продолжали публиковаться, и в них наряду с примерами из римской истории, появлялись сюжеты и из истории Греции. Цель этих примеров состояла, главным образом, в том, чтобы показать опасности, проистекающие из поспешной отставки министров и подчеркнуть необходимость министрам отчитываться перед парламентом. Опасность ситуации для государства представляли «плохие министры» — как в случае с Периклом, который «расточал общественные средства, чтобы покупать шедевры искусства», а затем вовлек Афины в Пелопоннесскую войну, чтобы отвлечь внимание народа от его растрат.

Тренчард и Гордон горячо защищали механизм «подотчетности» в классических Афинах. Источником конфликта между народом и министрами, — утверждали они, — служат общее стремление политических деятелей переоценивать свои собственные достоинства и, следовательно, приверженность к лести, на которую, как они считают, они имеют право. Когда люди отказываются «становиться рабами своих собственных слуг и предполагают, что отличаются защиту от притеснения, политические деятели считают их неблагоприятными» [4: р. 104–105]. В этом духе авторы защищали и отстранение от власти Алкивиада [4: р. 109]. «Cato» также продолжал отстаивать полезность остра-

кизма. Авторы утверждали, что это было приемлемо, поскольку, если иногда и страдал невинный человек, все же его пример предохранял народ от гибели, «хотя бы посредством этого примера». Периодическое повешение двух или трех соперничающих заметных людей в Англии, также «должно предотвратить большее Зло, и предотвратив многие опасности и притеснения, сохранить Нации много миллионов» [4: р. 113–114].

Та же стратегия была принята авторами журнала *Craftsman*, основанного в декабре 1726 года Г. Болингброком и его единомышленниками тори с целью подрыва министерства Уолпола. Первый выпуск, вышел под редакцией Николаса Амхерста, о котором современники отзывались как о «погруженном в латинян и греков, а также в себя». Авторы журнала доказывали, что «популярность», не обязательно должна считаться признаком патриотизма, поскольку «популярность» слишком часто достигалось пагубными методами для несправедливых целей. В соответствии с этим принципом, утверждалось, что наилучшим образом составленное правительство античности, совершало преступления, «добываясь необычайной популярности», и, по этой причине, античная история предоставляет так много примеров выдающихся патриотов, который изгонялись исключительно за превращение их в чрезмерно любимых. Авторы *Craftsman*, хорошо осознавали, что античные государства часто упрекали за обычай остракизма, сознательно применяемый афинянами. Но авторы *Craftsman* находили поведение древних предусмотрительным и похвальным в том отношении, что эти правительства, как доказывали они, судят правильно о человеческой природе, зная как «популярный человек способен превратиться в «мудрейшую Главу» и «развратить чистые сердца» [6: р. 151].

Наиболее распространенной темой для авторов *Craftsman* представляли «грехи Перикла», и направление их нападок было ясным: под «Периклом» подразумевался Роберт Уолпол. Оснований для нападок на Перикла было много: он «подкапывался» под почтенный Ареопаг, поскольку «сам не подходил, чтобы войти в него, не нес службу как архонт»; «он противоречил себе на собраниях для того, чтобы оставаться на народной стороне при любом исходе; он обычно предавал своих друзей; но, прежде всего, он был продажным, и основная масса заявлений против него касалась получения денег несколькими способами, в том или ином виде или форме» [6: р. 22]. *Craftsman* был не одинок в утверждении, что Уолпол злоупотреблял фондами регулярно, и дополнительное подозрение возникало у каждого вовлеченного в катастрофический крах Компании Южных Морей. Действительно, хотя Уолпол первоначально сопротивлялся правительственным финансовым сделкам с Компанией Южных Морей и работал с благоразумием и дипломатией, контролируя возмещение убытков, все же, когда акции обесценились, он сам извлек значительную выгоду из акций этой кампании Южных Морей. При распродаже акций он их купил в 1720 году, получив прибыль в 1000 процентов. С этой суммы он на-

чал собирать свою знаменитую коллекцию искусства в его поместье Хаугтон (Houghton), и в ноябре 1730 года *Craftsman* утверждал, что это поместье приносило доход до 1 500 фунтов.

Таким образом, сначала журнал «независимых вигов» *London Journal*, а затем и торийский *Craftsman* не только критиковали продажность и коррупцию, олицетворением которой они считали правительство Уолпола, но также утверждали достоинства политической системы Афин. Оппозиционные журналы «независимых вигов» и тори искали и находили в политической системе Афин доказательства, что бдительная подозрительность, с которой афиняне относились к их государственным деятелям, было на деле оправдана, и в этом они видели конструктивную модель для современной Великобритании.

В 1740 году «История Греции» Темпла Стеньяна вновь привлекла внимание в Англии к деталям афинской политической системы. По мнению Стеньяна, хотя Солон благодаря своей мудрости создал Совет Четырехсот, как препятствие для «легкомысленной бездумности большинства», все же, различие между спартанскими законами Ликурга и законами Солона объяснялись характером Афинян. Афиняне были слишком «чувствительными и капризными, чтобы привезти их к той серьезной и регулярной строгости» [14: р. 158].

Темпл Стеньян не был единственным автором того времени, который связывал слабости афинского правительства с национальным характером. Однако, все же главную причину упадка Афин Стеньян видел не в роли личных нравственных качеств Перикла или врожденных нравах афинян. Стеньян полагал, что Перикл «извратил демократическую систему» [14: р. 158]. По мнению Стеньяна, в четвертом столетии именно антагонизм между вождями народной партии («демагогами») и военными руководителями и привел к упадку Афин. Проявилось это в том, что ради симпатий народа, вожди народной партии вовлекли афинян в бесконечные развлечения, тратили на постановку пьес Софокла и Еврипида больше, чем было израсходовано на всю войну с Персией [14: р. 158]. Доказывая это, Стеньян представлял отрывки, взятые из сочинений Юстина и Плутарха, в котором они сокрушаются об упадке Афин после смерти Эпаминода.

Этот упадок нравов, имел не только политическую, но и материальную причину, и это хорошо осознается и преподносится Стеньяном. Во внешней политике победы в войне против персов «не спасли греков, а были в итоге пагубны для них», поскольку «наплыв богатств привел к коррупции во всех слоях общества» [14: р. 158]. Во внутренней политике, по мнению Стеньяна, Перикл содействовал не только понижению роли Ареопага, но также и коррупции среди его членов: «та же роскошь и пороки, которые были распространены среди горожан, распространились и среди членов Ареопага» [14: р. 159].

Особенность английской античной историографии в начале XVIII века состояла, таким образом, в том, что античная история стала служить арсеналом в политических баталиях. Полемические аргументы «памфлетов», на которых прежде строилась политическая борьба тори и вигов, уже утратили «убедитель-

ность», поскольку аргументы, как тори, так и вигов основывались на тех же самых общественно-политических постулатах «Просвещения»: общественный договор, разделение властей и т.д. Убедительность аргументов, становилась весомее, если они подтверждались еще и опытом, основанным на истории античности. Исторические «опыты» позволяли опровергнуть или обосновать те или иные «современные» проекты. Необходимость поиска аргументов для критики вигской политики, состоящей в поощрении «самостоятельного», независимого от интересов общества развития «экономического фактора», приводила к обращению к опыту античности. Иначе говоря, противники вигов были озабочены поиском причин крушения античных государств не только в факторах «личных», но и в экономической основе морального и политического упадка.

Литература

1. *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения / Т.Л. Лабутина. – М.: Наука, 2005. – 458 с.
2. *Anon.* A Collection of the Debates and Proceedings... Upon the Inquiry into the late Briberies and Corrupt Practices / Anon. – London, 1695, sig. A2. Цит. по: *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.
3. *Buchanan J.M.* The Calculus of Consent / J.M. Buchanan, T. Gordon. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. – 412 p.
4. *Cato's Letters in the London, 1755.* – New York: edition reprint, 1969. – 4 vols. in 2. – 266 p.
5. *Coke R.* A Detection of the Court and State of England / R. Coke. – London, 1719. – 253 p.
6. *Craftsman.* – 1727. – 17 February. – P. 21–22. Цит. по: *Roberts J.T.* / J. T Roberts. The Antidemocratic Tradition in Western Thought / J.T. Roberts. – Princeton University Press, 1994. – 405 p.
7. *Crosfield R.* A Dialogue Between a Modern Courtier, and an Honest English Gentleman / R. Crosfield. – London, 1696. (n. p., 1696). – P. 16. Цит. по: *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.
8. *D'Avenant C.* «Of Private Men's Duty in the Administration of Public Affairs», sec. 5 of «An Essay upon the Possible Methods of Making a People Gainers in the Balance of Trade» (1699), in *The Political and Commercial Works* / C. D'Avenant / ed. Sir Charles Whitworth. – London, 1771. – 423 p.
9. *Drake D.* History of the Last Parliament / D. Drake. – London, 1702. – 302 p.
10. *Echard L.* The Roman History / L. Echard. – London, 1695. – 423 p.
11. *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.
12. House of Commons, Journals (18 Jan. 1694-95), p. 211; and House of Lords, Journals (21 Mar. 1694-95), p. 524. Цит. по: *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property:

The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.

13. *Levine J.M.* History and Literature in the Augustan Age. Ithaca / J.M. Levine. – New York: Cornell University Press, 1991. – 432 p.

14. *Roberts J.T.* The Antidemocratic Tradition in Western Thought / J.T. Roberts. – Princeton University Press. 1994. – 405 p.

15. *Swift J.* A Discourse of the Contests and Dissentions between the Nobles and the Commons in Athens and Rome with the Consequences They Had upon Both Those States / J. Swift; ed. H.E. Frank. – Oxford, 1967. – 567 p.

16. *Wotton W.* The History of Rome the Death of Antoninus Pius to the Death of Severus Alexander / W. Wotton. – London, 1701. – 422 p.

Literatura

1. Labutina T.L. Kul'tura i vlast' v epohu Prosvescheniya / T.L. Labutina. – M.: Nauka, 2005. – 458 s.

2. Anon. A Collection of the Debates and Proceedings... Upon the Inquiry into the late Briberies and Corrupt Practices / Anon. – London, 1695, sig. A2. Цит. по: *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.

3. *Buchanan J.M.* The Calculus of Consent / J.M. Buchanan, T. Gordon. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. – 412 p.

4. Cato's Letters in the London, 1755. – New York: edition reprint, 1969. – 4 vols. in 2. – 266 p.

5. *Coke R.* A Detection of the Court and State of England / R. Coke. – London, 1719. – 253 p.

6. Craftsman. – 1727. – 17 February. – P. 21–22. Цит. по: *Roberts J.T.* / J. T Roberts. The Antidemocratic Tradition in Western Thought / J.T. Roberts. – Princeton University Press, 1994. – 405 p.

7. *Crosfield R.* A Dialogue Between a Modern Courtier, and an Honest English Gentleman / R. Crosfield. – London, 1696. (n. p., 1696). – P. 16. Цит. по: *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.

8. *D'Avenant C.* «Of Private Men's Duty in the Administration of Public Affairs», sec. 5 of «An Essay upon the Possible Methods of Making a People Gainers in the Balance of Trade» (1699), in The Political and Commercial Works / C. D'Avenant / ed. Sir Charles Whitworth. – London, 1771. – 423 p.

9. *Drake D.* History of the Last Parliament / D. Drake. – London, 1702. – 302 p.

10. *Echard L.* The Roman History / L. Echard. – London, 1695. – 423 p.

11. *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.

12. House of Commons, Journals (18 Jan. 1694-95), p. 211; and House of Lords, Journals (21 Mar. 1694-95), p. 524. Цит. по: *Gunn J.A.W.* Beyond Liberty and Property: The Process of Self-Recognition in Eighteenth-Century Political Thought / J.A.W. Gunn. – Kingston: McGill-Queen's University Press, 1983. – 330 p.

13. *Levine J.M.* History and Literature in the Augustan Age. Ithaca / J.M. Levine. – New York: Cornell University Press, 1991. – 432 p.
14. *Roberts J.T.* The Antidemocratic Tradition in Western Thought / J.T. Roberts. – Princeton University Press. 1994. – 405 p.
15. *Swift J.* A Discourse of the Contests and Dissentions between the Nobles and the Commons in Athens and Rome with the Consequences They Had upon Both Those States / J. Swift; ed. H.E. Frank. – Oxford, 1967. – 567 p.
16. *Wotton W.* The History of Rome the Death of Antoninus Pius to the Death of Severus Alexander / W. Wotton. – London, 1701. – 422 p.

Н.И. Пепелина

Опыт создания советского школьного учебника по истории

В современном обществе остро стоит вопрос о содержании школьных учебников по отечественной истории. Споры о том, каким он должен быть, возникли в результате катаклизмов, происходящих в российском обществе в последние два десятилетия и приведших к значительным переменам в жизни населения страны.

Подобная ситуация характерна не только для сегодняшнего дня, но и для недавнего прошлого. Необходимость пересмотра содержания учебника по отечественной истории для школы появилась в свете новых идеалов, провозглашенных Октябрьской революцией 1917 года. Существовавшая до революции историческая концепция не отвечала требованиям советского времени, следовательно, до-революционные учебники не соответствовали духу того времени. В итоге, после различных экспериментов в системе школьного образования, в том числе исторического, по сути не увенчавшихся успехом, правительство поставило перед учеными задачу создания единых стабильных школьных учебников, отражающих государственную идеологическую концепцию. К будущему учебнику по истории были выдвинуты следующие требования:

– хронологическая последовательность в изложении гражданской (политической) истории, вместо принятой в 1920-е годы ориентации на развитие социально-экономического фактора. Это должен быть рассказ об исторических явлениях и деятелях, отражающий примеры патриотизма в русской истории и соответствующий поставленным идеологическим задачам, что обеспечивало решение образовательных и воспитательных вопросов;

- изучение исторического процесса на основе марксистской методологии;
- изложение истории народов СССР;
- научность;

– соответствие текста учебника методическим указаниям, наличие карт, схем, словарей, иллюстраций, вопросов и заданий. Учебник должен быть написан доступным, ярким языком, соответствовать возрасту учащихся. Пере-

численные положения были сформулированы в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 г. «О преподавании гражданской истории в школе».

Вышло так, что, по мнению членов правительства, историки с заданием не справились. Задача подготовки учебников, поставленная правительством перед учеными, к 1936 году осталась нерешенной, хотя первоначально планировалось выпустить учебник как можно быстрее.

В январе 1936 года начался новый этап работы над созданием учебника. Члены правительства приняли решение об объявлении всесоюзного конкурса на лучший учебник по истории СССР теперь для начальной школы. Объявлению конкурса предшествовали: организация правительственной комиссии; выход нескольких правительственных документов, формулирующих требования к будущему учебнику (их можно назвать и политико-идеологическим ориентиром); публикация в центральных газетах и журналах ряда статей, объясняющих и расширяющих сказанное в правительственных документах. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3.03.1936 г. «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» было официально объявлено о начале конкурса.

Участники конкурса присылали рукописи в специально созданную для проверки конспектов правительственную комиссию до 1 июля 1936 года. 20 июля на заседании комиссии было объявлено о прекращении приема рукописей и начале рецензирования. Срок окончания рецензирования был назначен на 25 августа 1936 года, но затянулся до декабря 1936 года. Это было связано с большим объемом работы и достаточно тщательным изучением каждой конкурсной рукописи (каждую из них, несмотря на качество, рецензировали несколько человек), а также с политическими процессами, происходящими в стране (аресты или давление на членов правительственной комиссии — почти все из них к объявлению итогов конкурса были расстреляны).

Рецензентов присылаемых рукописей можно условно разделить на четыре группы:

а) собственно члены правительственной комиссии. Наиболее вероятной действительной обязанностью этой группы был контроль политической грамотности текста и соблюдения правительственных требований к учебнику, поскольку в научных вопросах компетенция её членов была далеко не однозначна;

б) привлеченные к рецензированию виднейшие специалисты-историки, не принимавшие непосредственного участия в конкурсе — Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин, В.И. Пичета, Е.А. Мороховец. Им была поручена научная сторона вопроса — качество текста, поиск фактических ошибок и прочее;

в) преподаватели истории из Москвы, Ленинграда, Грузии, Белоруссии, Туркмении и других регионов страны. Эта группа рецензентов определяла методический уровень конкурсного учебника (предполагалось чтение избранных глав учащимся), соответствие возрастным особенностям детей, доступность и красочность языка, словарь и т.д.;

г) представители союзных республик. Привлечение этой группы к рецензированию рукописей объясняется необходимостью оценить присланные на конкурс учебники с точки зрения полноты представления в них истории народов СССР, дать оценку научной грамотности написанного. По решению правительственной комиссии по учебникам было рекомендовано открыть в Академии наук соответствующие кабинеты, помогающие авторам найти и проработать материал по истории союзных народов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 360. Л. 127–133).

Таким образом, правительство постаралось охватить комплексным контролем специалистов все наиболее важные составляющие учебной книги по истории СССР. Такой подход, безусловно, выгодно отличался от попытки подготовить учебник силами одной небольшой группы ученых-историков, из чего можно заключить, что из первого неудачного опыта создания учебника правительство и лично И.В. Сталин сделали весьма глубокие выводы и постарались учесть свои предыдущие промахи.

Конкурсанты и рецензенты в работе должны были ориентироваться на требования правительства, выдвинутые к историческому учебнику. Заключены эти требования были в уже известную формулу: политическая выдержанность, научность, методическая грамотность. Но авторы учебников остались один на один с рядом нерешенных проблем, вызванных вроде бы ясными, на первый взгляд, правительственными установками.

Прежде всего, они касались резко изменившейся ситуации в исторической науке, связанной с начавшимися гонениями на научную концепцию М.Н. Покровского, точнее, на его изложение русской истории с позиций марксизма. При отсутствии четких установок новой «марксистской» методологии, значительно отличавшейся от прежней, ученым предстояло пересмотреть свои позиции в русле новых тенденций, однако, при этом не возвращаясь без необходимости к отброшенным историками-«марксистами» в 1920-е годы дореволюционным концепциям. Особую сложность этой задаче добавляло то обстоятельство, что многим приходилось пересматривать свои собственные, годами выработанные, взгляды и идеи. Нужно было, не исказив исторических фактов и придерживаясь марксистско-ленинской исторической концепции, дать такое их освещение, которое одобрили бы И.В. Сталин, а вслед за ним члены правительства, то есть следовать тем положениям, которые заключались в правительственных постановлениях, статьях, замечаниях и других документах, представленных в печати [1: с. 3–13, 22–96].

Ряд неразрешенных вопросов в отношении научности стоял перед участниками конкурса. Содержание учебника должно было соответствовать последним научным достижениям. Но этому препятствовали неразработанность многих тем и дискуссионность некоторых исторических проблем. В 1930-е гг. продолжались исследования по истории существовавшего строя Киевской Руси и сути феодализма, истории народов СССР, национально-освободительного, революционного и рабочего движений, истории крестьянского вопроса, периода соцстроительства, истории партии и внешней политики России.

Конкурсанты, по условиям задания, должны были не просто охватить сам по себе огромный материал: историю России с древнейших времен до современности; историю народов, входивших в состав Российской империи, причем не как «объекты» истории, то есть с момента их вовлечения в круг интересов России, а как самобытные «субъекты» исторического процесса, поработавшие русским царизмом, ведущие национально-освободительную борьбу и получившие возможность свободного и быстрого развития в составе СССР после Октябрьской революции. Участникам предстояло также дать сведения по всеобщей истории в таком виде, чтобы они находились в органической связи с историей СССР. С одной стороны, необходимо было отразить те события, которые влияли на происходившее в России, а с другой стороны, отметить все значительные даты западноевропейской истории.

Строгие требования предъявлялись к методическому содержанию учебника. Авторам следовало уложиться в довольно небольшой объем, рассчитанный на два года обучения, при этом избежать «конспективного изложения и искусственного сжатия информации». Учебник должен был быть написан простым, ярким, но вместе с тем грамотным языком, в то же время без излишней упрощенности. Принцип доступности должен был быть соблюден и в отборе фактического материала (это представляло существенные трудности для ученых, мало знакомых с методикой преподавания). Кроме того, от учебника требовалось правильное оформление, то есть, обязательное наличие карт, иллюстраций, хронологической таблицы и словаря в конце книги.

Наиболее вероятными претендентами на победу были рукописи, присланные учеными-историками. Они были подготовлены к процессу, знакомы с ним по кампании 1934–1935 гг., некоторые уже принимали участие в работе над учебниками, оказавшейся неудачной. Написание учебной книги было общей научной задачей того времени, в связи с чем все ведущие историки так или иначе были привлечены к делу создания учебников. К тому же, они лучше других были знакомы с критикой в их адрес и её последствиями. И скорее всего, конкурс был воспринят ими как новый этап, следующая ступень на фоне ужесточившихся мер правительства. После неудач историки получили возможность исправить свои ошибки, допущенные прежде. В основном это были ученые Москвы и Ленинграда — ведущие специалисты в области отечественной истории.

Итак, на конкурс прислали рукописи:

1. С.М. Дубровский и Б.Б. Граве.
2. В.Н. Бернадский и Т.Е. Карпова (бывшая группа З.Б. Лозинского).
3. Группа А.М. Панкратовой (С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич, А.М. Фохт).
4. Группа работников педагогического института им. А.С. Бубнова под руководством А.В. Шестакова.
5. Группа работников школы на Красной Пресне под руководством П.О. Горина.
6. Группа И.И. Минца (М.В. Нечкина, Розин, Э.Б. Генкина).

7. Ученый-историк из Иркутска М.А. Гудошников, прислал учебник под девизом «Восток».

8. Профессор истории Р.Н. Бабун — его рукопись не получила положительной оценки.

На фоне довольно широкого участия в конкурсе московских и ленинградских ученых вызывает недоумение низкая активность историков из регионов страны. К сожалению, сегодня можно лишь догадываться о причинах такой пассивности, возможно, причиной послужили начавшиеся гонения на историков школы М.Н. Покровского, к которым принадлежали многие «регионалы», не желавшие до четкого выяснения новой позиции руководства страны демонстрировать свою собственную позицию по «скользким» вопросам, чтобы не попасть в число неугодных власти. Одновременно возникает вопрос и о степени добровольности участия в конкурсе историков из Москвы и Ленинграда, однозначного ответа на который, увы, нет.

Закономерно, что рукописи первой группы были особо отмечены всеми рецензентами, из них и выбирали наиболее подходящий учебник. Но ни один из них не был принят безоговорочно, везде встречались «ошибки», недоработки. Тем не менее, после доработок некоторые конкурсные рукописи в будущем трансформировались в учебники для средней школы (А.М. Панкратова), для вузов (М.В. Нечкина), а некоторые преданы забвению по политическим мотивам (С.М. Дубровский, П.О. Горин).

Кратко рассмотрим присланные учеными рукописи.

1. Учебник, представленный ленинградскими учеными-историками, профессорами С.М. Дубровским и Б.Б. Граве.

Рецензенты сделали вывод, что представленный на комиссию учебник сложен «по методическому построению, изложению и языку» для учащихся начальной школы; изложение неровное (где-то упрощено, где-то слишком сложно); книга перегружена сухим материалом, в ней присутствуют «социологические историко-философские положения», неаккуратные выражения и фактические неточности (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Л. 191–231).

Но, тем не менее, книга, по мнению рецензентов, заслуживала внимания, положительно выделяясь из большинства присланных рукописей, и при соответствующей переработке ее можно было использовать в процессе обучения. Такой вариант предложили некоторые члены правительственной комиссии по учебникам (В.А. Быстрянский, П.О. Горин, В.Б. Затонский). Были отмечены попытки авторов по-новому освещать ход исторического процесса (выявление роли Новгорода в VIII–IX веках, привлечение некоторых материалов по истории СССР). Но вместе с тем рецензенты отмечали допущенные ошибки: фактические неточности, неправильную трактовку событий (крещение Руси) и т.д. Но, в итоге, по мнению членов Правительственной Комиссии, при соответствующей переработке учебник можно будет использовать либо как учебник по истории СССР для стар-

ших классов, либо как пособие для учителей начальной школы (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 361. Л. 18, 19, 39, 87).

Если в рецензиях, датированных 1936 г., у рецензентов, включая членов комиссии по учебникам, встречались положительные оценки рукописи С.М. Дубровского, то ко времени окончания конкурса в 1937 г. о нем уже не упоминалось, вероятно, в связи с арестом авторов.

2. Учебник, присланный на конкурс ленинградскими учеными В.Н. Бернадским и Т.Е. Карповой. На конкурс в июле 1936 года В.Н. Бернадский и Т.Е. Карпова прислали неоконченный учебник, доведя изложение до 1920 года — даты окончания Гражданской войны. В письме в правительственную комиссию, которое сопровождало рукопись, говорилось, что учебник не окончен в связи с тем, что недостающая часть (это XIX и XX века и эпоха социализма) должна была составляться З.Б. Лозинским, отстраненным от работы. Пришлось заново переделывать эту работу, поэтому к назначенному сроку подготовить главу о соцстроительстве и словарь авторы не успели (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 201).

К достоинствам учебника рецензенты отнесли простоту изложения, освещение истории народов СССР, но отметили многие недоработки: сухое изложение, недостаток живых описаний, история народов представлена конспективно; отсутствие рассказа о значительных исторических событиях; скупо дан материал по всеобщей истории. Также отмечалась политическая невыдержанность рукописи.

Общий вывод рецензентов и ученых, и членов комиссии, заключался в том, что учебник в том виде, в каком он представлен в комиссию, не удовлетворяет требованиям конкурса и не годится для школы, особенно начальной. Но вместе с тем, книга, по мнению рецензентов, не лишена некоторых достоинств, поэтому возможна коренная переработка учебника (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 361. Л. 56, 86; Д. 364. Л. 6–54).

3. Учебник, присланный на конкурс группой под руководством И.И. Минца, в которую входили М.В. Нечкина и Э.Б. Генкина. Группа И.И. Минца так же, как и ленинградская группа З.Б. Лозинского, писали учебник для начальной школы, еще в 1934 году раскритикованный членами правительства. По своему составу — это одна из сильнейших групп, все трое — заслуженные ученые-историки.

Представленный на конкурс учебник был отмечен всеми рецензентами как заслуживающий внимания и представляющий интерес. На конкурсе он оказался одним из лучших. Авторы сумели «в популярной, повествовательной форме» изложить историю народов СССР с древнейших времен до наших дней, выдержать хронологическую последовательность; грамотно подобрать необходимые исторические факты и события, даты; познакомить учащихся с историческими лицами; подать материалы по всеобщей истории не в отвлеченной форме, а путем вплетения в историю России. Но и этот учебник, по признанию рецензентов, не удовлетворял полностью требованиям прави-

тельства. В нем, отмечал один из рецензентов, «нет необходимого единства и однородности как в отношении исторического построения, так и в отношении методологической обработки и литературного оформления... Учебник не избежал некоторых ошибочных исторических построений... Общий материал учебника велик» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 55–116).

Общий вывод рецензентов, включая членов комиссии заключался в том, что учебник нуждается в переработке и сокращении, после чего он может быть принят в качестве учебника для 3–4 классов, или книги для чтения, а также использоваться преподавателями начальных школ. Возможна также переработка с целью использования в качестве курса истории 8–10 классов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 361. Л. 18, 19, 23, 37, 39, 81, 86).

4. Учебник коллектива под девизом «Любить нашу Родину и знать ее историю» — девиз группы учителей школы Краснопресненского района г. Москвы под руководством П.О. Горина.

Конкурсный учебник был положительно оценен рецензентами. Они указывали на то, что учебник «написан с основательным знанием предмета. Распределение материала сделано умело». Но рецензенты выделили ряд ошибок, без исправления которых учебник нельзя допускать в школы. Ошибки как фактического, так и политического характера состояли в следующем: отсутствие освещения основных вопросов всеобщей истории; недостаточно изложена история народов СССР; «книга неровная: отдельные ее части отличаются не только по изложению, но и по подходу к задаче, поставленной себе автором» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 206–262). Все члены комиссии отметили эту рукопись как одну из лучших и заслуживающих внимания. Критика учебника практически отсутствует (может быть по причине того, что П.О. Горин был членом комиссии). Но после ареста П.О. Горина при подведении итогов конкурса в 1937 г. учебник уже нигде не упоминался.

5. Конкурсный учебник группы А.М. Панкратовой, в которую входили С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич и А.В. Фохт.

Участие в конкурсе А.М. Панкратовой сопровождалось определенными трудностями. Она писала учебник по истории СССР в группе Н.Н. Ванага (после объявления о создании групп для написания учебника по элементарному курсу Н.Н. Ванаг создал и свою, но его арестовали). После жесткой критики учебников по истории СССР для средней школы Н.Н. Ванаг был арестован, а А.М. Панкратова исключена из партии. Но все же она решила участвовать в конкурсе на учебник по элементарному курсу истории СССР. 2 февраля 1936 года еще до официального уведомления в печати о начале конкурса она направила письмо в Правительственную Комиссию. В нем она сообщила, что уже подготовила третий том учебника «История СССР» по советскому периоду, однако, «нет еще оценки комиссии. Но в свете решений ЦК и СНК по первой части «Истории СССР» для меня ясно, что и моя работа требует

коренной переработки». А.М. Панкратова выразила желание «снова взяться за работу», чтобы представить на конкурс свой учебник для начальной школы. В письме она просит у комиссии разрешения на выполнение этой работы и оказания содействия в освобождении ее от всякой другой работы на 3–4 месяца. Основной материал для учебника уже подобран, есть первоначальный текст (для 10 класса), который возможно переделать и представить на конкурс не позднее 1 июня 1936 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 360. Л. 119).

Это письмо было прочитано А.А. Ждановым и переправлено Н.И. Бухарину с пометкой: «поскольку мы уже с Вами о ней говорили, прошу определить, в каком порядке ее следует привлечь к работе. Возможно также ее участие в работе над учебником по истории СССР для 10 класса, но позже, так как в настоящий момент главное — популярный учебник для начальной школы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 360. Л. 119). Ответ Н.И. Бухарина не известен, но, скорее всего, он согласился, так как летом рукопись А.М. Панкратовой также поступила для рецензирования.

Учебник наряду с книгой группы И.И. Минца был признан одним из лучших. Язык изложения — простой, яркий и образный, в тексте удалось удачно избежать использования трудных слов. Нет излишков географических названий и имен, выдержана хронология, удачен отбор исторических фактов. Учебник «обеспечивает более полное ознакомление учеников с историческими фактами, не перегружая их излишним материалом», с методологической стороны книга написана правильно. В качестве недостатков были названы: фактические ошибки; слишком большой объем; отсутствие освещения некоторых важных исторических фактов.

Члены правительственной комиссии не разошлись во мнении с рецензентами, также выделив учебник А.М. Панкратовой как один из лучших, и предложили его после доработки в качестве варианта учебника для 8–10 классов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 170–182).

6. Учебник под девизом «Восток», получивший высокую оценку членов комиссии, был прислан на конкурс иркутским ученым М.А. Гудошниковым. Члены правительства в рецензиях особенно отмечали богатый и интересный материал по истории народов СССР, в частности, ценную информацию по истории народов Востока (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 214–233). Книга в итоге была награждена поощрительной премией.

Но вместе с тем, рецензенты отмечали, что учебник по построению и содержанию не соответствует требованиям конкурса. Он состоит из ряда отдельных очерков, почти не связанных между собой, которые сложны и непонятны без изучения систематического курса истории. Помимо этого, допущены такие значительные промахи, как отсутствие общей картины социально-экономического и политического развития Киевского государства; периода феодальной раздробленности; изложение материала не соответствует развитию

детей 10–12 лет. Но встречались неплохие очерки (в особенности по истории отдельных народов), после переработки их можно было бы, по мнению рецензентов, использовать для изучения в старших классах.

7. Учебник, подготовленный кафедрой истории Московского Государственного Педагогического университета им. А.С. Бубнова под руководством профессора А.В. Шестакова.

Учебник был подготовлен на кафедре Истории СССР Московского государственного педагогического университета им. А.С. Бубнова под руководством профессора А.В. Шестакова. Над учебником трудились работники кафедры: профессор Н.Г. Тарасов, доценты Н.Д. Кузнецов, Д.Н. Никифоров, А.С. Нифонтов, Н.Д. Фирсов. Также к работе были привлечены специалисты: Б.А. Гарданов, Ю.В. Готье, З.Г. Гринберг, Д.Я. Кин, А.И. Казаченко, С.А. Никитин. Рецензии, написанные на этот учебник, существенно не отличались от рецензий, написанных на учебники других авторов, как можно было бы подумать, зная дальнейшую судьбу рукописи. И, зачастую, мнения рецензентов противоположны, что, кстати, тоже характерно не только для этого учебника.

Общие впечатления и основные замечания рецензентов были таковы: «старание кратко и художественно показать ученикам все прошлое народов СССР не достигнуто, так как взят огромный материал, каковой излагается очень схематично»; главы, хоть и маленькие по объему, но перегруженные «часто не связанными между собой многими историческими фактами»; отсутствует популярное объяснение исторических фактов; часто не указаны даты; очень сухой язык, неряшливость в стиле; не объясняются новые слова, «даже после исправления указанных недостатков ее нельзя рекомендовать ученикам 3 и 4 классов», считал один из рецензентов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 22–169). «Читатель вправе ожидать от учебника, составленного педагогическим институтом им. А.С. Бубнова, высокого качества. Однако ближайшее ознакомление с учебником сулит ему глубокое разочарование. Учебник поверхностен, схематичен, неконкретен, составлен неряшливо. Авторы не обеспечивают получение учащимися необходимейших знаний исторических фактов и дат, а также знакомство с историческими деятелями», — пишет еще один рецензент (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 170).

Положительные черты учебника наиболее полно сформулированы в рецензии преподавателя истории одной из московских школ, который отличает его от других учебников. В книге, по его мнению, «умело сокращен и сжат обильный исторический материал: простой понятный язык, учтены возрастные особенности учащихся начальной школы; есть много увлекательных страниц; очень мало иностранных слов... Очень удачен последний заключительный абзац, книга о товарище Сталине». Но требуется и доработка, которая должна заключаться в том, чтобы добавить историю материальной культуры; оживить изложение — некоторые темы даны бледно; отработать учебник стилистически. Исправления дадут «в результате хороший учебник для наших ребят начальной школы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 365. Л. 155).

Подчас удивляют столь разнохарактерные оценки, данные разными людьми одной и той же рукописи (отметим, что это касалось всех вышеперечисленных рукописей). Можно предположить, что причинами этого были различный уровень эрудиции рецензентов и те аспекты присланных рукописей, на которые они обращали внимание (например, политическая грамотность или соблюдение методических предписаний). Возможно, не зная наверняка, каким же должен оказаться окончательный вариант, каждый рецензент видел результат по-своему, в соответствии с собственным пониманием требований правительства и представлением об учебнике по истории для начальной школы. На основе приведенных размышлений можно сказать, что не было какой-то одной рукописи, которая была бы принята безоговорочно всеми рецензентами, или, хотя бы, вызвала на порядок меньше замечаний и оговорок. И рукопись А.В. Шестакова здесь не была исключением.

Но важное значение имеет тот факт, что отмеченный в рецензиях учебник А.В. Шестакова заслуживал, по мнению некоторых рецензентов безусловного внимания не как труд в его готовом, законченном виде, а как учебник, который по своему содержанию подходит очень близко к осуществлению основных требований партии и правительства. Не это ли послужило решающим фактором в выборе именно данного учебника в качестве стабильного. Другой вопрос, в какой степени этот фактор стал решающим. Возможно, помимо политического подтекста, именно работа А.В. Шестакова представила наиболее удобный костяк для создания будущего учебника, его основа более других подходила для доработки, и данное обстоятельство также повлияло на выбор этой рукописи.

Итак, были ли выполнены требования правительства на этот раз? Удалось ли ученым пересмотреть свои взгляды и отказаться от положений теории М.Н. Покровского? При составлении отзывов на конкурсные учебники, рецензенты руководствовались теми же правительственными положениями, что и конкурсанты. Главным критерием в рецензировании рукописей было выполнение условий конкурса, поэтому рассмотрим его результаты и достижения с точки зрения соответствия главным требованиям, предъявляемым правительством.

1. Политическая выдержанность и решение воспитательных задач.

На политические ошибки рецензенты обращали не меньше внимания, чем на фактические. Никто из ученых, приславших на конкурс рукописи, не избежал критики политического характера. Например, в учебнике С.М. Дубровского «часто исторические факты освещаются не с точки зрения диалектического материализма, а скорее с точки зрения вульгарного материализма. Грубо упрощены приведенные многие факты, лица, события, идеи», «историческая терминология часто тоже сомнительна» (например, выражение «Современная Великороссия» и т.п.). В книге нет «единого, выдержанного взгляда». Несмотря на то, что приводятся марксистские цитаты, отмечает один из рецензентов, во многом изложение похоже на труды дореволюционных историков (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 362.

Л. 144–175). Учебник В.Н. Бернадского, отмечали рецензенты, «не обеспечивает того воспитания детей, при котором у них должно зародиться сильное, здоровое чувство гражданской чести и долга гражданина СССР... Школьник не подводится к пониманию важнейшего — торжеству правильности Ленинско-Сталинской концепции о помещичье-дворянском характере всей социально-экономической структуры бывшей царской России... Не отмечено значение ВОСР для результата торжества угнетенных» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 55–116). В учебнике, присланном на конкурс под девизом «Любить нашу Родину и знать ее историю», рецензенты находят, что некоторые образы князей идеализированы, а некоторые цари представлены слишком «невинными». А также «совершенно недостаточно выявлена вся мерзость изменников Троицкого, Зиновьева, Каменева и др. убийц» — политические промахи. Поэтому «в настоящем своем виде и по своему характеру, и по ряду политических ошибок он (учебник — *Н.П.*) непригоден» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 202–210). Избежать политических ошибок в содержании, по мнению рецензентов — членов правительственной комиссии, удалось лишь учебнику А.В. Шестакова.

2. Научность.

Ученые-рецензенты обращали внимание как на неверную трактовку некоторых теоретических вопросов, так и на фактические и хронологические неточности. Например, один из учебников «не дает правильного представления о процессе развития человеческого общества, а следовательно, о периодизации исторического процесса». Например, не сказано, как в первобытную эпоху появление земледелия и скотоводства повлияло на развитие человеческого общества; не объясняются социальные понятия род, племя и т.п.; неудовлетворительно объяснено возникновение феодализма среди славянских племен; неясно изложен процесс образования Московского государства; не дано развитие феодально-крепостнического хозяйства в XIV–XVII веках; не указаны отличия Российской империи времени Петра I от Московского государства XVII века, нет последовательного изложения истории развития страны, не всегда выдержана хронология (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 362. Л. 191–231). Другой учебник «не избежал некоторых ошибочных исторических построений, ... не дал ясного представления о возникновении феодальных отношений и в этом вопросе содержит ряд противоречий» (неверно указана дата образования феодальных отношений и т.п.); недостаточно освещена роль германской экспансии на Востоке, не отмечены важные исторические события и черты, например, влияние немцев на управление русским государством в XVIII веке (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 6–54). В третьем учебнике часто приводятся «устарелые, отвергнутые наукой концепции»; много фактических ошибок, мелких и крупных, обнаруживается «обилие грубых ошибок научно-принципиального характера и просто фактических». Авторы прошли мимо многих достижений истории, этнографии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 127–129). Еще один пример неудачного изложения: «книга

построена как рассказ, прежде всего, политической истории, рассказ о политической борьбе, политических событиях, деятелях. Это правильный подход к задаче, как она стоит перед авторами любого школьного курса истории. Однако в книге совершенно упущено столь же обязательное требование к каждому историческому учебнику — дать картину экономического развития, прогрессивного роста производительных сил общества, овладения территорией и природными богатствами страны, осложняющейся и расширяющейся хозяйственной организации». В книге «выпала буржуазия, развитие буржуазных элементов в хозяйстве, политическом строе, культуре России с показом их относительно прогрессивной роли и значения», нет показа «существенного различия эпох и наличия определенного поступательного движения в их смене» и «прогрессивного значения собирания громадной территории нашей страны в одно многонациональное государство, как бы противоречив ни был этот процесс» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 251).

3. Изложение истории народов СССР.

В полной мере осуществить задуманное конкурсантам не удалось, и данная задача выполнялась неудовлетворительно. Рецензенты отмечали, что зачастую история народов дается неравномерно, слабо, конспективно, о некоторых народах упоминается вскользь (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 251), что было недопустимо в школьном учебнике по истории. В основном авторы предлагали, по мнению рецензентов, учебник русской истории (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 6–54). Например, в одном из учебников представлено много материала по древней истории Кавказа и Средней Азии, но мало уделено внимания истории Поволжья и Сибири; неудачно освещен вопрос об Украине, упущена история Польши. Ранние периоды истории народов СССР освещены лучше, чем последующие. Так же в учебнике встречаются «неприятные по духу места в книге... Несмотря на внешне советский, как будто марксистский, вид — все же, некоторым, может быть и легким, а все же “великорусским” духом пахнет. Слова “Великорусский”, “Великороссия” встречаются слишком часто и как будто не случайно» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 362. Л. 191–231).

О трудностях, с которым столкнулись ученые в связи с требованием написать историю народов, уже говорилось. Сказались малая изученность этой проблемы, а также отголоски прошлых подходов к вопросу: с одной стороны, «великорусская» вариация в дореволюционных учебниках, с другой стороны, «великорусский шовинизм» М.Н. Покровского.

4. Методическая грамотность.

На выполнение этого требования рецензенты обращали внимание в первую очередь. И подобное отношение к данному вопросу не преувеличено. Учебник составлялся для детей 3–4 классов, что требовало от него образного и грамотного изложения. К работам рецензенты высказали следующие нарекания: не были учтены возрастные особенности развития учащихся; неровность изложения (упрощение или, наоборот, слишком сложно), переизбыток информации, непонятных

терминов, сухой язык (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 362. Л. 191–231); обилие лишних подробностей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 364. Л. 127–152).

В результате анализа рецензий и через их призму — самих рукописей, можно отметить, что ни одного, подходящего по всем аспектам учебника, то есть отвечавшего требованиям правительства, не было получено. Ни одна из групп ученых, предложившая свои конкурсные рукописи, не выполнила полностью условий конкурса: нарушался принцип доступности в изложении и отборе фактического материала, объем предлагаемых учебников часто превышал допустимый, присутствовали фактические исторические и методологические ошибки. Получалось, что учебника, полностью соответствующего требованиям правительства, не прислал никто. Тем не менее, был собран материал, на основе которого можно было продолжить работу, а также наметились тенденции пересмотра и переосмысления учеными своих взглядов на историческое прошлое России уже в контексте интересов государственной власти. В итоге, как основа будущего учебника, была выбрана рукопись коллектива под руководством проф. А.В. Шестакова, впоследствии доработанная с помощью ведущих советских историков, и в сентябре 1937 г. свет увидел первый стабильный единый советский учебник по отечественной истории для начальной школы.

Очевидно, что на работу ученых правительство оказывало мощное давление и осуществляло строгий контроль над ней. Но вместе с тем, оно же своим общим руководством и координирующими действиями обеспечило достаточно слаженную работу многочисленных специалистов, от школьных учителей и методистов до ученых, принимавших участие в работе по формированию конечного облика учебника А.В. Шестакова. В результате учебник по отечественной истории для начальной школы отразил состояние советской исторической науки в целом, ее последние достижения, одновременно будучи полноценной для своего времени учебной книгой.

Такой подход, если исключить активное вмешательство государства непосредственно в научную часть работы, вполне целесообразен и сейчас. Коллегиальный характер работы позволяет избежать некоторой личностной оценки событий, свойственной одному автору или даже группе авторов-единомышленников, концептуального взгляда на ту или иную историческую проблему конкретного ученого. Существующий сегодня плюрализм мнений в школьных исторических учебниках зачастую приводит к тому, что в огромной массе учебной исторической литературы представлены самые разнообразные, подчас совершенно некомпетентные мнения, зачастую противоречащие друг другу. Все это дезориентирует учащихся, история утрачивает свою воспитательную функцию, что служит одним из факторов морального упадка современной молодежи.

Сегодня многие вопросы, главным образом новейшей истории, далеки от полного разрешения, но школьный учебник не должен становиться аре-

ной для исторических дискуссий. Его задача максимально объективно и беспристрастно отражать ход исторического процесса. Не случайно сегодня все громче раздаются голоса за возвращение в школы единого стабильного учебника. Противники единого учебника, возможно вполне справедливо, опасаются сильного идеологического крена и политизированности содержания учебника, которые были характерны для него в 30-е гг. прошлого века, поэтому такой учебник должен стать, в первую очередь, результатом совместного труда историков, методистов и педагогов. Государство может выступать только в качестве заказчика и координатора работы, но никак не её цензором и тем более автором исторических концепций. Именно с точки зрения организации такой совместной работы особенно важно изучение и анализ прошлого опыта, которые дают возможность понять, чем из наследия прошлого целесообразно воспользоваться, от чего лучше воздержаться и каких ошибок избежать.

Литература

1. О преподавании истории в школе. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) и руководящие статьи. – М.: ОГИЗ–УЧПЕДГИЗ, 1936. – 99 с.

Literatura

1. О преподаванні історії в школі. Постановлення СНК СРСР і ЦК ВКП(б) і керівні статті. – М.: ОГІЗ–УЧПЕДГІЗ, 1936. – 99 с.

А.В. Петрашко

Саид Кутб как идеолог политического ислама

После событий 11 сентября 2001 года в западной и отечественной историографии появилось огромное количество работ, посвященных международному терроризму, учению политического ислама, его практике и идеологическим основам. Военные действия американских и союзнических войск в Афганистане и Ираке лишь подкрепили этот интерес к мусульманскому миру и феномену исламизма.

Однако для правильного понимания идей исламизма, его особенностей и методов воплощения учения в практическую деятельность террористических организаций, нам видится необходимым обстоятельно и подробно разобраться в его идеологии.

Исламизм — «идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут разрешаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)» [2: с. 10].

Согласно данному определению А.А. Игнатенко, Коран и Сунна — определяющие источники в деле установления подлинно исламского государства. Использование религиозных лозунгов в политической борьбе может способствовать расширению целевой аудитории и предоставить значительные политические дивиденды. Аятолла Хомейни в одном из своих публичных обращений говорил, что лишить ислам политики, все равно, что кастрировать его [5: с. 92]. Подобного рода учения, соединявшие религию и политику в единое целое в различном виде существовали уже на протяжении почти тысячи четырехсот лет, со времен халифата. Преемником идеи халифата, как всеобщего государства мусульман, стала идеология панисламизма, также стремившаяся объединить мусульман в единое теократическое государство. Панисламизм

стал ответом на колониализм и вызовы своего времени. Османская империя как главный проповедник идей панисламизма, в начале XX в. потеряла главенство в мусульманском мире. Образовавшийся вакуум заполнили теории исламского социализма и исламского национализма, которые, однако, также не сумели реализовать свои лозунги на практике [3: с. 31].

В этой обстановке появляется на свет теория исламизма, получившая в кратчайшие сроки признание не только в Египте, но и на всем Ближнем Востоке. Со временем, уже окрепшее и «проверенное в боях» в Афганистане учение вышло на международную арену, став идеологической основой международных террористических организаций.

Популярность учения политического ислама можно объяснить феноменом глобализации, а также легкостью адаптации учения под конкретные социальные, экономические, политические, религиозные и региональные особенности. Исламизм сумел прижиться не только на Ближнем Востоке, но и распространить свое влияние на Среднюю Азию. Шиитская ветвь ислама, представленная в основном в Иране, благодаря усилиям аятоллы Хомейни также стала благодатной почвой для реализации принципов исламизма. Таким образом, процесс политизации ислама получил распространение в мусульманских странах вне зависимости от их приверженности той или иной традиции, трактовке и других особенностей, что и объясняет мировую роль исламизма сегодня. Универсальность и широта возможных направлений применения учения политического ислама сумела найти поддержку среди мусульманской диаспоры в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки. Процессы миграции, создание отдельных мусульманских кварталов, в основном на окраинах Лондона, Берлина, Парижа и других европейских городов, отсутствие социально-экономических и политических рычагов для интеграции мигрантов в социо-культурное пространство принимающих стран, свойственная переселенцам приверженность к традициям в решении значимых проблем — все это маргинализирует среду мусульман, оставляя их наедине с собственными переживаниями. Чувство неудовлетворенности своим положением все больше свойственная молодому поколению, находит свое выражение в поджогах машин, грабежах и иных проявлениях девиантного поведения [1: с. 82].

Одним из основателей идеологии исламизма — взрывоопасного синтеза религиозных норм и политической воли, появившейся в 60-е гг. XX столетия, стал Саид Кутб, египетский мыслитель и философ, идейный лидер организации Аль-Ихван аль-Муслимун («Братья-мусульмане»).

Идеи, изложенные в его основополагающем труде «Вехи на пути» до сих пор вдохновляют мусульман по всему миру: в Европе и США, Ближнем и Среднем Востоке, Северо-Западной Африке, в том числе, на родине данного учения — Египте. Его произведения до сих пор остаются актуальными и значимыми в исламском мире. По его труду комментируют и трактуют Коран,

а изложенные в нем идеи стали основой для новых течений фундаментализма, находящие практическое применение по всему миру.

Переходя к основам учения исламизма важно отметить, что как и любая идеология, у политического ислама есть свой, совершенно особый понятийный аппарат, концептуализация которого представляется нам важным этапом в процессе понимания содержания этого феномена.

Основные понятия исламизма — «джахилия»¹, «Джихад»², «таухид»³, «исламское общество». Эти понятия являются отличительной чертой риторики, присущей организации «Братьев-мусульман». Традиционная трактовка данных терминов в трудах Саида Кутба подвергается серьезной критике, а также аргументируется необходимость изменения общепризнанного понимания на «исконное». Основанием для иной трактовки норм ислама служат примеры из Корана. Уже в возрасте десяти лет Саид Кутб стал хафизом, то есть человеком, знающим кораническое откровение наизусть. Это помогало Кутбу подбирать необходимые цитаты с филигранной точностью, оказывая дополнительное воздействие на читателя.

Одним из нововведений, предложенных Саидом Кутбом, было сравнение существующих обществ как мусульманских, так и не мусульманских, с доисламским, языческим обществом. «Джахилистским (языческим) обществом является всякое немусульманское общество. Если нам потребуется дать объективное определение, то мы должны сказать, что таковым является всякое общество, которое не исповедует принцип поклонения Аллаху, и только Ему, с учетом того, что такое поклонение должно проследиваться в вероисповедальном представлении, в обрядах поклонения и юридических законоположениях. В соответствии с таким объективным положением под рубрику “джахилистское общество” подпадают все фактически существующие на земле современные общества» [6: р. 81].

Подобного рода заявление, несмотря на категоричность, сделало исламизм применимым не только на национальной или региональной модели, но и мировой. Основывается данное суждение на том, что мусульманский мир забыл о правильной трактовке шахады (свидетельство «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад — пророк его») и понятия «джихад».

Одна из сложностей при изучении феномена исламизма — совершенно разное мировоззрение христиан и мусульман, что представляет собой серьезную проблему при изучении исламизма и ислама в целом представителями христианства. Без понимания внутреннего мира религии Мухаммада, ее особенностей, многогранности и сложности, невозможно составить верное представление о процессах, происходящих в современном исламском мире.

¹ Джахилия — период доисламского невежества и неверия.

² Джихад — в традиционном понимании понятие в исламе, означающее усердие на пути Аллаха.

³ Таухид — принцип единобожия в исламе.

Одна из таких черт, отличающих ислам от христианства, — отсутствие принципа разделения властей. Формулировка «Богу — богово, кесарю — кесарево» в исламе не имеет смысла (Библиотека «Полка букиниста»: [сайт]. URL: http://society.polbu.ru/tsygankov_political/ch53_i.html). Власть издавать законы есть только у Аллаха, и возможности людей ограничены лишь трактовкой данных законов. На наш взгляд, это связано с тем, что в период зарождения христианства политическая система Римской империи была практически на вершине могущества, и христианство не имело шансов претендовать на всесторонний контроль жизни людей. Реалии же Аравии VII века, с полным отсутствием бюрократического аппарата и государственного управления делали возможным религии занять вакуум нормирования общественной жизни.

«Где бы человек ни присваивал себе право издавать законы для людей, он практически и профессионально претендует на божественность, независимо от того, заявляет он о своей претензии или не заявляет. Где бы другой человек ни признал это право за другим человеком, он признает за ним право божественности, независимо от того, называет он это или не называет» [6: р. 67].

Эта особенность идеологии исламизма выступает также и главным обвинением, выдвигаемым Кутбом мусульманским странам. Государства, функционирующие по западным моделям, с разделением властей, фактически нарушали главный принцип ислама, претендуя на божественность. Так, по мнению С. Кутба, иудеи и христиане, подчиняющиеся одновременно и небесному закону и земной власти пошли по пути многобожия. В исламской теологии существует понятие «таухид», запрещающее придание кому или чему-либо элементов божественности.

Наряду с обвинением в нарушении принципа таухида Саид Кутб пересматривает традиционное представление о понятии «джихад»: «Так, Аллах повелевал сражаться против врага из числа людей Писания (преимущественно евреи и христиане), с тем, чтобы они платили военный налог (джизья) или вступали в Ислам. Он наказывал в этой суре («Покаяние») вести Джихад против неверующих в Ислам и лицемеров, обходиться с ними решительно и жестоко» [6: р. 188]. Эти рассуждения Кутб обосновывает тем, что в процессе ниспослания Корана, правила ведения джихада менялись. Следовательно, понятие джихада необходимо пересмотреть с точки зрения конечного предписания. Ведение оборонительного газавата египтянин считает лишь первым этапом на пути истинного служения Аллаху, объясняя это необходимостью противопоставить жестокость язычников милосердию мусульман. Тех же, кто остановился на оборонительной трактовке, как на конечной, Кутб называет «духовно и интеллектуально малодушными и колеблющимися перед отчаянным давлением потомков мусульман» [6: р. 204].

В своем доказательстве Саид Кутб выделяет четыре «исконные и выразительные черты динамического закона исламской религии» [6: р. 228].

Первая черта, представлена в «серьезной реальности закона исламской религии». Этот закон выражается в противопоставлении исламского призыва

и джихада косным языческим системам. Джихад в этих условиях предстает инструментом уничтожения этих систем, основанных на силе принуждения.

Вторая черта закона исламской религии заключается в ее движении к устранению всех тиранических систем в мире. Движение, имеет деление на соответствующие этапы, каждый из которых обладает своим способом решения актуальных в конкретный момент задач. Так, отказ от ведения военных действий в Мекке представлял собой лишь какой-то этап долгосрочного плана.

Утверждая, что «Ислам мобилизует свои силы и усердие только для обороны /.../ они полагают, якобы вносится в исламскую религию доброе дело, которое на самом деле — уход с праведного пути» [6: р. 231]. При этом характерна следующая цитата: «Люди заявляют о своей покорности и смирении, и в условиях полной свободы решают — принимать или не принимать это учение» [6: р. 231–232]. Другими словами, исламизм ставит своей целью полное уничтожение всех не праведных политических режимов. Затем население определяется с вероисповеданием, а в случае сопротивления «приверженцы исламского мировоззрения должны сражаться с ним до тех пор, пока не убьют его, или он не заявит о своей покорности» [6: р. 232].

Третья черта — отсутствие противоречий между ведением джихада (в его «истинном» понимании) и конечными целями ислама. Джихад с самого первого дня служил цели избавления людей от порабощения их другими людьми. «Кто прогрессивно понимает природу исламской религии, понимает неизбежность динамического продвижения к Исламу в виде Джихада с использованием меча, и наряду с Джихадом, с использованием разъяснения» [6: р. 235]. И далее: «Исламский призыв ведет Джихад с помощью языка и разъяснения в тех случаях, когда он остается один на один с людьми и обращается к ним с проповедью без помех, в условиях полной свободы» [6: р. 235]. Другими словами, «Джихад с использованием разъяснения» будет вестись лишь после избавления всех людей от всех тиранических режимов. До этого момента — джихад будет вестись «с использованием меча».

Сущность *четвертой черты* заключается в законодательном контроле над отношениями между мусульманами и иными сообществами. Регламентированное С. Кутбом отсутствие каких-либо политических институтов и материальных средств для ведения борьбы у немусульманского населения (что обеспечит реализация идеологии политического ислама) позволит людям принять решение о выборе религии. Те же, кто откажется перейти в ислам, будут обязаны выплачивать религиозный налог (джизья) или, как уже было обозначено выше, будут уничтожены в случае сопротивления.

Эти четыре черты, характеризующие необходимость переосмысления концепции джихада позволяют политическому исламу оказывать не только идеологическое, но и физическое сопротивление джахилистским режимам. Способы, средства и формы ведения борьбы не оговариваются, что полно-

стью освобождает «борцов» от моральных обязательств. Больше того, мирные граждане, признающие за данными режимами право издания законов, также становятся объектом сопротивления, неподчинения и борьбы.

Данное обоснование, на наш взгляд, предоставило идеологии политического ислама оружие, очищенное от моральных рамок, что в свою очередь и обеспечивает популярность исламизма у международных террористических групп.

Особенностью работ Саида Кутба является полное отсутствие ссылок на традиционную богословскую литературу, что косвенно говорит о совершенно новом прочтении Корана и его положений.

Одно из таких изменений — разрешение на «иджтихад» (интерпретация) — выход за рамки четырех традиционных «мазхабов» (школы толкования). Однако такая возможность не должна ставить под сомнение авторитет Корана: «Если в Коране или сунне есть явные указания, то они окончательны и здесь нет места иджтихаду. Если же не существует ясно выраженной точки зрения, то наступает время иджтихада — при этом в соответствии с четко определенными принципами..., а не основываясь на каких-либо личных мнениях или желаниях» [6: р. 174].

На практике такой подход приводит к тому, что в то время, как идеологи и лидеры различных групп пользуются правом выносить свои суждения по каким-либо вопросам, рядовые члены такого права не имеют и должны принимать трактовку ислама, проповедуемую лидером. Это позволяет говорить о таком явлении как «формирование альтернативной исламистской идентичности» [2: с. 19], что сопровождается подменой исламских духовных ценностей исламистскими. Подобная ситуация опасна тем, что обычный мусульманин, доверяя настоятелю мечети — имаму — зачастую не в состоянии критически анализировать информацию и начинает поддерживать исламистскую идеологию. Это, в свою очередь, чревато повышением напряженности в обществе, появлением религиозных радикальных и экстремистских течений. Отличное знание психологии, теософии и Корана, позволяют имамам продвигать исламизацию практически на всем европейском континенте, даже под бдительным оком правоохранительных служб.

Особенностью учения исламизма в версии Саида Кутба является характерная исламская дихотомия мира — деление всей планеты на две противостоящие друг другу территории — «...обитель Ислама (дар аль-Ислам), в которой функционирует исламское государство, где правит и господствует шариат Аллаха, где установлены его запреты и где мусульмане в отношениях между собой — близкие и друзья. Всякий иной мир — территория войны (дар аль-харб). Отношение мусульманина к нему — либо ведение борьбы с ним, либо заключение перемирия, при условии гарантии безопасности для мусульман на основании договора. Однако вместе с тем, эта территория считается обителью Ислама и не может быть и речи о лояльных отношениях между населением этой территории и мусульманами» [6: р. 91]. Разделение мира на «свои — чужие» дает возможность

создать у обычных мусульман ощущение опасности, исходящей от «чужих», к которым относится все остальное немусульманское население планеты. Этот дополнительный фактор консолидации мусульман позволяет проводить в жизнь не только радикальные взгляды, но и играть на чувстве самосохранения, поддерживать фундаментализм и традиционализм. Ислам становится, таким образом, надгосударственным фактором сплочения и самоидентификации мусульман. «У мусульманина нет никакого гражданства, кроме его религиозных убеждений, которые делают его членом “мусульманской уммы” (исламской нации) в обители Ислама (дар аль-Ислам)» [б: р. 284]. Ассоциируя себя с мусульманской уммой, любой ее представитель напрямую связывает собственную самоидентификацию и самоуважение со всем мусульманским миром. «Только это — Ислам и ничто другое, и только это — обитель Ислама и ничто другое: ни земля, ни раса, ни родня по отцовской и материнской линиям, ни племя, ни род» [б: р. 120]. В случае национальной идентификации — самоуважение рядового мусульманина будет связано лишь с ситуацией на его Родине, в случае же идентификации со всей мусульманской уммой, самоуважение будет связано уже с проблемами всего исламского мира. Именно этим объясняется гиперреакция во всем мусульманском мире не только на публикацию карикатур на пророка Мухаммада в датской газете и сожжение Корана американским пастором, но и на другие ситуации, которые, казалось бы, касаются лишь одной конкретной мусульманской страны.

Описанный выше способ самоидентификации приобретает особое значение в связи с массовой миграцией мусульман со всего мира на Европейский субконтинент. Возникновение социальной напряженности, рост экстремизма, показательная политкорректность в речах политиков и откровенный национализм в устах простых жителей Европы выдвигают проблему исламизма на глобальную арену. Европейские политики пытаются найти возможности для интеграции мусульман в европейское социо-культурное пространство, однако, часто само поведение мигрантов вынуждает политиков принимать жесткие решения. Одним из таких решений стал запрет на ношение хиджаба (головного платка) в общественных местах во Франции. Однако согласно Саиду Кутбу «всякая страна, которая сражается против религиозных убеждений мусульманина, встает препятствием между ним и его религиозными чувствами и парализует действие мусульманского шариата, есть «территория войны», причем даже в тех случаях, когда с верующим мусульманином проживает его семья, племя и народ и там есть его имущество и торговые интересы» [б: р. 49]. Следовательно, рост исламизации настроений мусульманской молодежи во Франции может привести в конечном итоге к серьезным социальным взрывам и даже, на наш взгляд, к гражданской войне.

Еще одна характерная черта ислама — активный прозелитизм. Исходя из положений, озвученных Саидом Кутбом, конечная цель ислама — не только уничтожение всех тиранических режимов в мире, но и принятие мусульманства всем населением мира. «Мы не должны оставлять людей в покое до тех пор, пока они не убедятся, что Ислам, если они обратятся к нему, коренным образом изменит их жизнь, изменит все их представления о жизни в целом, а также изменит их

порядки, причем таким образом, что обеспечит им несравнимо лучшие порядки, чем прежде» [6: р. 267]. Этот прозелитизм в купе с подменой исламских ценностей — исламистскими, формированием альтернативной исламистской идентичности, представляет собой важнейший этап в деле распространения исламизма по всему миру, фактически решая кадровый вопрос.

Одним из самых интересных положений в работе Саида Кутба выступает критика тех ученых, политиков и прочих общественно-политических деятелей, которые пытаются защитить ислам, оправдать его. «Мы также видим, что находятся и такие люди, которые, рассказывая об Исламе, представляют его людям, как обвиняемого, которого они пытаются защитить и отвести от него обвинения. /.../ Ислам не приемлет и не ищет для себя оправданий перед джахилистскими системами по причине производимых от него скверных действий» [6: р. 102]. Этот тезис, изложенный в одной из завершающих глав, представляется одним из самых значимых. Действительно, в современном мире часто встречаются люди защищающие ислам. Чаще всего это правозащитники или политические лидеры, стремящиеся получить от подобного рода позиции политические дивиденды. Но ни их, ни чья либо еще защита исламу не нужна, потому что «в нашем Исламе нет ничего такого, за что нам было бы стыдно. В Исламе нет ничего, что принуждало нас защищать его» [6: р. 104]. Отсутствие необходимости оправдываться перед джахилистскими обществами можно понимать как отсутствие необходимости объяснять свои действия кому-либо из стана «противников ислама». Чем не великолепный довод для террористов? Добавим к нему еще одну сентенцию: «Немусульмане — не люди, пока они живут джахилистской жизнью, а среди них встречаются такие, кто обманывает себя или обманывает других, и уверены, что Ислам поладит с ними и примирится с такой джахилией» [6: р. 240]. Саид Кутб, повешенный по приговору египетского суда в 1966 году, конечно же, не мог слышать современных политиков, ученых, экспертов и религиозных лидеров. Но его произведение находит ответ и на их речи о политкорректности и о диалоге цивилизаций. С приверженцами исламизма нельзя вести диалогов, они на них не пойдут, и Саид Кутб подарил им великолепный довод.

Подводя итоги данного небольшого обзора работы Саида Кутба «Вехи на пути» хочется отметить великолепный подбор цитат из Корана, которыми подкреплены практически все основные выводы данной книги. Исследование исламизма, на наш взгляд, невозможно без изучения основ этого движения. Саид Кутб сумел создать лаконичную, логичную и стройную теорию, противопоставляющую исламский мир «джахилии». Кроме аргументов в поддержку вооруженного атакующего джихада, приведены доводы о необходимости насаждения ислама, как единственно возможной альтернативы джахилистскому безбожию. Концепция, созданная египтянином, сумела распространить свое влияние, без преувеличения, на весь земной шар, оказывая влияние на процессы, протекающие в современном мире.

Закончить статью хотелось бы характерной цитатой Кутба: «Это — битва не политическая, не экономическая и не расовая. Если бы было так, ее лег-

ко можно было бы остановить и легко решить проблематику. Но эта битва по сути своей — битва за вероучение. Безбожие или вера, джахилийя или Ислам — иного не дано» [6: p. 297].

Литература

1. *Архим, Августин (Никитин)*. Ислам в Европе / Архим. Августин (Никитин). – СПб.: Изд-во ЦСО, 2009. – 655 с.
2. *Игнатенко А.А.* Формирование альтернативной идентичности как метод внедрения исламизма / А.А. Игнатенко // Исламизм: глобальная угроза?: сб. ст. – Серия «Научные доклады». – 2000. – № 2. – М.: Научно-исследовательский институт социальных систем. – 103 с.
3. *Кепель Ж.* Джихад: эспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. – 467 с.
4. *Малашенко А.* Мой ислам / А. Малашенко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 216 с.
5. *Цыганков А.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика // URL: http://society.polbu.ru/tsygankov_political/ch53_i.html (дата обращения: 15.05.2011 г.).
6. *Qutb S.* Milestones on the road / S. Qutb. – New Delhi: Markazi Maktaba Islami, 1981. – 303 p.

Literatura

1. *Arxim, Avgustin (Nikitin)*. Islam v Evrope / Arxim. Avgustin (Nikitin). – SPb.: Izd-vo CZSO, 2009. – 635 p.
2. *Ignatenko A.A.* Formirovanie al'ternativnoi identichnosti kak metod vnedreniya islamizma / A.A. Ignatenko // Islamizm: globalnaya ugroza?: sb. st. – Seriya “Nauchny’e doklady”. – 2000. – № 2. – М.: Nauchno-issledovatel’skii institut social’ny’x system. – 103 p.
3. *Kepel’ Zh.* Dzhixad: e’spansia i zakat islamizma / Zh. Kepel’. – М.: Nauchno-izdatel’skij centr “Ladomir”, 2004. – 467 p.
4. *Malashenko A.* Moj islam / A. Malashenko. – М.: Rossijskaya politicheskaya e’nciklopediya (ROSSPE’N), 2010. – 216 p.
5. *Czy’gankov A.* Sovremenny’e politicheskie rezhimy’: struktura, tipologiya, dinamika // URL: http://society.polbu.ru/tsygankov_political/ch53_i.html (data obrashheniya: 15.05.2011 g.).
6. *Qutb S.* Milestones on the road / S. Qutb. – New Delhi: Markazi Maktaba Islami, 1981. – 303 p.

Латиноамериканистика глазами молодых исследователей

Изучение истории латиноамериканского континента получило активное развитие в нашей стране еще во времена Советского Союза. В 1990-е гг. наступил резкий спад в российско-латиноамериканских отношениях, что во многом обусловило заметное сокращение научных исследований по Латинской Америке и падение интереса к латиноамериканистике в вузах России. Теперь же изучение процессов, протекающих в Латинской Америке, приобретает особую актуальность в связи с новым этапом динамичного развития российско-латиноамериканских отношений.

Российская латиноамериканистика продолжает следовать научным традициям и требованиям времени, подготавливая новых специалистов, ярким примером чего может служить проведение двух научных мероприятий, в которых приняли участие молодые исследователи двух московских вузов.

4 апреля 2011 г. в Московском Городском Педагогическом Университете прошел круглый стол, посвященный 50-летию победы на Плайя-Хирон и современным политическим течениям в Латинской Америке. В его рамках прозвучали доклады преподавателей, аспирантов и студентов 4-го курса Института Гуманитарных Наук, в которых было освещено значение для Кубы победы на Плайя-Хирон, а также различные исторические аспекты развития Латинской Америки с момента кубинской революции, включая анализ современной ситуации в латиноамериканском регионе. Это: «Плайя-Хирон — начало нового этапа Кубинской революции» (**В.А. Бородаев**, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова), «Политические преобразования и информационное противоборство в современной Латинской Америке» (**Е.Н. Пашенцев**, доктор исторических наук, профессор МГПУ, директор Международного центра

социально-политических исследований и консалтинга), «Причины и последствия сражения при Плайя-Хирон» (**Эльмира Гулиева**, 4 курс ИГН МГПУ), «Операция «Плутон» и ее провал» (**Мария Кривошеева**, 4 курс ИГН МГПУ), «Битва при Плайя-Хирон и ее международное значение» (**Сабина Мамедова**, 4 курс ИГН МГПУ), «Кубинские интернационалисты в Анголе: африканский Плайя-Хирон» (**А.В. Корольков**, выпускник аспирантуры МГУ им. М. В. Ломоносова), «Советско-кубинские отношения в период 1959–1960 гг.» (**Мария Рябота**, 4 курс ИГН МГПУ), «Отражение в кубинской и латиноамериканской культуре сражения на Плайя-Хирон» (**Зинаида Симко**, 4 курс ИГН МГПУ), «Информационная война США против Кубы посредством радио и телевидения Хосе Марти» (**Светлана Соболева**, 3 курс ИГН МГПУ), «Латиноамериканские диаспоры в США: информационное противоборство «двух Америк»» (**Александра Филатова**, магистр ИГН МГПУ), «Применение технологий коммуникационного менеджмента в Латинской Америке в XXI веке» (**Екатерина Виноградова**, соискатель ИГН МГПУ), «Военный переворот в Чили 11 сентября 1973 года» (**Павел Сорокин**, 4 курс ИГН МГПУ).

В работе круглого стола приняли активное участие представители кубинского посольства в России, латиноамериканские ученые, деятели культуры и член-корреспондент латиноамериканского информационного агентства Пренса-Латина.

По итогам выступлений лучшие студенты были награждены памятными подарками Посольства Республики Куба в РФ и кафедры Всеобщей истории.

13 апреля в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (МГУ) в рамках международной конференции «Ломоносов 2011» состоялся круглый стол на тему «Политические коммуникации в современной Латинской Америке». Обсуждались актуальные проблемы внутреннего и внешнего развития Латинской Америки и пути их решения с помощью новых коммуникационных технологий, получивших развитие в начале XXI в.

Прозвучали доклады: «Коммуникационный аспект террористической деятельности в странах Европейского Союза и Латинской Америки: попытка компаративного анализа» (**Дарья Базаркина**, Международный центр социально-политических исследований и консалтинга); «Манипулятивный потенциал и основные направления влияния СМИ: Европейские СМИ о Латинской Америке» (**Ольга Полунина**, специализация «Коммуникационный менеджмент» отделения связей с общественностью философского факультета МГУ); «Коммуникационное сопровождение политики Дж. Буша-младшего по отношению к латиноамериканским диаспорам» (**Александра Филатова**, МГПУ); «Российско-венесуэльские отношения

в контексте глобального информационного противоборства» (**Екатерина Виноградова**, МГПУ), «Развитие Интернет-коммуникаций на Кубе» (**Светлана Соболева**, МГПУ).

В качестве почетных гостей были приглашены латиноамериканские ученые и сотрудники посольства Кубы.

Проведение таких мероприятий и активное участие в них молодых специалистов во многом способствуют развитию внешнеполитического научно-культурного диалога между Россией и странами Латинской Америки.

Е.А. Виноградова

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ / REVOLUTIONARY MOVEMENTS

А.В. Ушаков

Движение учащихся духовных семинарий России в конце XIX – начале XX веков

Статья посвящена оппозиционному и революционному движению семинаристов в России. Автор приводит архивный материал об их объединениях, участии в политической борьбе, формах протеста против царского самодержавия. Говорится о борьбе правительства с оппозиционными и революционными выступлениями семинаристов.

Ключевые слова: революционное движение; духовные семинарии.

Ushakov, Anatoly V.

Revolutionary Movement of Students of Theological Seminaries in Russia at the Turn of the XX-th Century

The article is devoted to the oppositional and revolutionary movement of seminarists in Russia. The author adduces the archival material about their societies, participation in political struggle, forms of protest against the tsarist autocracy and speaks about the struggle of the government against the oppositional and revolutionary actions of seminarists.

Key-words: revolutionary movement; theological seminaries.

В.А. Исаков

Последствия конфликта коммунистов и анархистов в Гражданской войне в Испании

В статье исследуется конфликт коммунистов и анархистов, который стал одной из основных причин поражения республиканцев. Огромное значение имела позиция советского руководства, не желавшего выхода испанской революции за рамки военных действий. Такой вариант развития событий означал возможную утрату Москвой контроля над мировым революционным процессом и невозможность союза с Францией и Англией. Статья написана на комбинации логического и объективного методов.

Ключевые слова: анархизм; коммунизм

Isakov, Vladimir A.

The Consequences of the Conflict Between Anarchists and Communists During the Civil War in Spain

The conflict between anarchists and communists, which became one of the main reasons of the defeat of the republicans, is analysed in the article. The position of the Soviet leaders, who

didn't want the Spanish revolution to exceed the limits of military actions, had great importance. That variant of development of events meant Moscow's possible lost of control over the world revolutionary process and impossibility of the union with France and England. In the article the combination of logical and objective methods is used.

Key-words: anarchism; communism.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ / MILITARY HISTORY

В.А. Корнилов

Воинская повинность в условиях реформ 60-х годов XIX века в России

В статье раскрываются трудности и противоречия проведения рекрутских наборов в России. В 60-х гг. государство сделало попытку соединить прежнюю рекрутскую систему набора в армию, существовавшую на тот момент более полутора веков и базирующуюся на принудительных основах, с изменившимися социальными основами. В статье показаны конкретные противоречия как во взаимоотношениях крестьянских общин с государственными органами управления, так и внутри самих крестьянских общин. Показывается бесперспективность дальнейшего существования рекрутской повинности.

Ключевые слова: реформа 1861 года; рекрутская повинность; рекрутские квитанции; пережитки крепостничества.

Kornilov, Valentin A.

Conscription During the Reforms of the 60s of 19th Century in Russia

The article is devoted to the difficulties and contradictions of army enrolment process in Russia. In the 60s the government made an attempt to bring into line the former recruiting system that had existed for over a century and a half and which was based on compulsory enrolment with changed social conditions. The article shows the specific contradictions in relations between peasant communities and state government organs as well as contradictions inside peasant communities themselves. The article shows that further existence of recruit conscription had no prospects.

Key-words: the Reform of 1861; recruit conscription; recruit tickets; vestiges of serfdom.

ИСТОРИЯ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА / HISTORY OF RUSSIA OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

В.Н. Рудаков

Бегство князей в русском общественном сознании (XIII–XVI века)

В статье анализируется эволюция представлений о бегстве князей в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI вв. Новизна работы связана с выявлением ценностных ориентиров, которыми руководствовались книжники, повествуя об исторических событиях и персонажах эпохи монголо-татарского нашествия и последующего периода, а также реконструкции представлений средневековых книжников о функциях главы государства. В работе используются сравнительно-исторический метод, а также метод текстологического анализа текстов.

Ключевые слова: Русь; Орда; монголо-татарское нашествие; князья; общественное сознание; бегство.

Rudakov, Vladimir N.

The Flight of Princes in Russian Public Consciousness (XIII–XVI Centuries)

The article analyses the evolution of ideas about the flight of the princes in the Russian public consciousness of the second half of the XIIIth – XVIth centuries. The novelty of the research is connected with the revelation of those value ideas, which the scribes followed in their narration of historical events and personages of Mongol-Tatar invasion epoch and the subsequent period, and also with reconstructions of the medieval scribes' views on the functions of head of state. In the research the comparative method and the method of textual analysis are used.

Key-words: Rus'; Golden Horde; Mongol-Tatar invasion; princes; public consciousness; flight.

И.П. Шорников

Идея кооперации крестьянских хозяйств в публикациях П.А. Крушевана

В статье рассматриваются взгляды П.А. Крушевана, — видного деятеля государственно-охранительного (черносотенного) движения, — на решение аграрного вопроса в России. Автор показал, что на страницах правой печати шел интенсивный поиск путей разрешения этой болезненной для России проблемы. В статье показано, что консерватизм Крушевана не предполагал категоричного отказа от реформ. Но этот деятель пытался найти компромисс между интересами крестьянства, страдающего от малоземелья, и крупными землевладельцами в рамках существующего строя.

Ключевые слова: аграрный вопрос; расселение крестьян по хуторам; кооперация крестьянских хозяйств; субаренда земли; П.А. Крушеван

Shornikov, Igor P.

The Idea of Cooperative Farms in the Publications of P.A. Krushevan

The article considers the views of P.A. Krushevan — an eminent State-protective (Black Hundred movement) — on solution of the agrarian question in Russia. The author showed that on the pages of the right press there was an intensive search for the ways of solving this painful Russian issue. The article points out that Krushevan's conservatism didn't presuppose a categorical rejection of the reforms. But this public figure tried to find a compromise between the interests of the peasants suffering from land shortage, and major landowners within the existing system.

Key-words: the agrarian question; the settling of peasants on the farms; cooperative farms; sub-lease of land; P.A. Krushevan.

ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА / HISTORY OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD

Т.В. Васильева, К.А. Долгов, А.В. Скрыпников

Истоки крестьянской Вандеи

В статье рассматриваются политические процессы, протекавшие в российской деревне в условиях жесточайшего кризиса 20-х годов XX века, приведшие к изменению политических настроений крестьянства. Показано, что от политики правящей партии в условиях перехода от войны к миру больше всего пострадало крестьянство. Используются ранее недоступные документы архивных фондов, раскрывающие методы функционирования большевистской партии в условиях диктатуры пролетариата.

Ключевые слова: гражданская война; диктатура пролетариата; политика «военного коммунизма»; продразверстка; «антоновщина», натуральный налог.

Vasilyeva, Tatiana V., Dolgov, Constantin A., Skrypnikov, Andrei, V.

Sources of Peasant Vendee

The article focuses on the political processes in the Russian countryside during severe crisis of 20s of XXth century, which led to a change in political mood of the peasantry. The article shows that it was the peasantry that suffered most from the policy of the ruling party in the transition period from war to peace. The previously inaccessible archive documents that reveal the methods of functioning of the Bolshevik Party during the proletariat dictatorship are used in the article.

Key-words: Civil war; proletariat dictatorship; the policy of «war communism»; requisitioning; «antonovschina», natural tax.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / HISTORY OF CULTURE

A.S. Чижикова

Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века

На основании многочисленных источников автором показан жизненный уклад дворян первой половины XIX в. С использованием системного и историко-компаративного подходов проанализированы отличия образа жизни высшего сословия двух столиц: более традиционный в Москве и более подверженный модным влияниям Европы и церемониальный в Санкт-Петербурге. Великосветский быт был зависим от жизни Двора в большей степени, чем в Первопрестольной, требовал больших финансовых вложений для поддержания статуса. В Санкт-Петербурге преобладала жизнь государственная, в Москве — семейная.

Ключевые слова: столичный быт; повседневность; дворянская семья; распорядок дня.

Chizhikova, Alina S.

The Lifestyle of Russian Metropolitan Nobility in the First Half of 19th Century

The author shows the lifestyle of the nobility of the first half of the 19th century which is based on many original sources. Using the systematic and historical-comparative approaches the author analyses the differences of the way of life of the high estate of the two capitals: more traditional in Moscow and more susceptible to trendy European influence and ceremonial in St. Petersburg. High life in St. Petersburg depended on the Court more than at the first capital city, and required bigger financial investments to maintain status. In St. Petersburg public life prevailed, and in Moscow — family life.

Key-words: metropolitan lifestyle; everyday life; noble family; the daily routine.

ИСТОРИОГРАФИЯ / HISTORIOGRAPHY

Н.А. Яснитский

Особенности английской историографии античности в начале XVIII века

В начале XVIII в. внимание в политических памфлетах, в публицистических и исторических произведениях переносится все больше на состояние общества и все меньше концентрируется на действиях «тиранов» или совести правителей. Проблема коррупции, постепенно из проблемы философской и моральной, в условиях политической борьбы тори и виггов

неизбежно принимала политическую окраску. В этих условиях, интерес к античной истории приобрел не только назидательно-моральное, но и политическое значение.

Ключевые слова: английская историография; античность; XVIII век.

Yasnitsky, Nikolai A.

Particularities English to Historiography of the Antiquity at the Beginning XVIII Age

At the beginning of the XVIIIth century the attention in political pamphlets, in political essays and historical works shifts more and more to the state of the society and in less degree concentrates on actions of “the tyrants” or the conscience of the rulers. The problem of corruption gradually from the philosophic and moral problem in the conditions of the political struggle between Tories and Whigs inevitably took a political dimension. In these conditions, the interest to the ancient history acquire not only edifying and moral but also political significance.

Key-words: English historiography; antiquity; XVIIIth century.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ / HISTORY OF EDUCATION

Н.И. Пенелина

Опыт создания советского школьного учебника по истории

В статье рассматривается работа над созданием первого советского учебника по отечественной истории для начальной школы, проходившая в рамках объявленного правительством конкурса на лучший учебник. В конкурсе приняли участие как профессиональные историки, так и простые граждане. На основании рецензий на рукописи ученых предпринята попытка проанализировать отражение правительственных требований к учебнику по отечественной истории на его содержание в присланных учеными рукописях.

Ключевые слова: школа; учебник; отечественная история; конкурс; правительство.

Pepelina, Natalya I.

Experience of Creating the Soviet School Text-book on History

This article concerns the work of making the first Soviet text-book on domestic history for primary school. This work was carried out within the limits of competition for the best text-book proclaimed by the Soviet government. Professional historians and the members of the public took part in this competition. Based on text-book reviews of manuscripts of historians the author made an attempt to analyse how the government requirements to a text-book on domestic history affected its content in manuscripts sent by scientists.

Key-words: school, text-book, domestic history, competition, government.

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ / CONTEMPORARY HISTORY

А.В. Петрашко

Саид Кутб как идеолог политического ислама

В статье раскрывается значение произведения египетского мыслителя, философа и общественно-политического деятеля Саида Кутба «Вехи на пути» в процессе становления и развития идеологии политического ислама. Автор прослеживает связь между изложенными

в работе Кутба идеями и тенденциями процесса политизации ислама, а также идейно-политической составляющей международного исламистского терроризма.

Ключевые слова: терроризм, Ислам, исламизм, Саид Кутб.

Petrashko, Artiom V.

Sayyid Qutb as the Ideologist of Political Islam

The article reveals the value of literary work of the Egyptian thinker, the philosopher and political figure Sayyid Qutb “Milestones on the road” in the process of formation and development of the ideology of political Islam. The author traces the links between the ideas expounded in Qutb’s work and trends in the process of politicization of Islam, as well as ideological and political aspect of international Islamist terrorism.

Key-words: terrorism; Islam; Islamism; Sayyid Qutb.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2011, № 2 (8)**

Васильева Татьяна Викторовна — соискатель НОУ ВПО Институт бизнеса, психологии и управления (vasileva@educom.ru).

Виноградова Екатерина Алексеевна — соискатель кафедры всеобщей истории МГПУ (vinogradova@MGPU.ru).

Долгов Константин Александрович — соискатель Московского гуманитарно-экономического института (exis_d@mail.ru).

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций МГПУ (isakov-va@yandex.ru).

Корнилов Валентин Алексеевич — кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Kornilov@MGPU.ru).

Пепелина Наталья Игоревна — соискатель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (per17@yandex.ru).

Петрашко Артем Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (temmio@gmail.com).

Рудаков Владимир Николаевич — кандидат филологических наук, докторант кафедры отечественной истории МГПУ (ps-rudakov@yandex.ru).

Скрыпников Андрей Васильевич — доктор исторических наук, профессор НОУ ВПО Институт бизнеса, психологии и управления (sav1509@mail.ru).

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ushakov@MGPU.ru).

Чижикова Алина Сергеевна — соискатель Института российской истории РАН (akilina1@mail.ru).

Шорников Игорь Петрович — старший преподаватель кафедры истории Приднестровской Молдавской Республики Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (5ok5@bk.ru, shornikov@pochta.ru).

Яснитский Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой, новейшей истории и методологии МГОУ (Yasnitsky@bk.ru).

**Authors / МСРВ Vestnik,
Series «Historical studies», 2011, № 2 (8)**

Vasilyeva Tatiana Viktorovna — Applicant for PhD, NOU VPO Institute of Business, Psychology and Management (vasileva@educom.ru).

Vinogradova Yekaterina Alekseevna — Applicant for PhD, Department of General History, МGPU (vinogradova@МGPU.ru).

Dolgov Constantin Aleksandrovich — Applicant for PhD, Moscow Humanitarian Economical Institute (exis_d@mail.ru).

Isakov Vladimir Alekseevich — PhD of History, professor, Department of Mass Communications, МGPU (isakov-va@yandex.ru).

Kornilov Valentin Alekseevich — PhD of History, professor, Department of Domestic History of Russia, МGPU (Kornilov@МGPU.ru).

Pepelina Natalya Igorevna — Applicant for PhD, Department of Domestic History of Russia, Sholokhov Moscow State University for Humanities (pep17@yandex.ru).

Petrashko Artiom Vladimirovich — Post-graduate, Department of General History, МGPU (temmio@gmail.com).

Rudakov Vladimir Nikolaevich — PhD of History, Doctoral Candidate, Department of Domestic History of Russia, МGPU (ps-rudakov@yandex.ru).

Skrypnikov Andrei Vasilievich — PhD of History, NOU VPO Institute of Business, Psychology and Management (sav1509@mail.ru).

Ushakov Anatoly Vasilievich — PhD of History, professor, Department of Domestic History of Russia, МGPU (Ushakov@МGPU.ru).

Chizhikova Alina Sergeevna — Applicant for PhD, Russian History Institute, RAS (akilinal@mail.ru).

Shornikov Igor Petrovich — assistant professor, Department of History Dniester Moldavian Republic, Transnistrian State University, T.G. Shevchenko (5ok5@bk.ru, shornikov@pochta.ru).

Yasnitsky Nikolai Anatolievich — PhD of History, Associate professor, Department of Modern History and Methodology, МGOU (Yasnitsky@bk.ru).

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета ГОУ ВПО МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Статья объемом не менее 0,5 а.л. и не более 1 а.л. (40 тыс. знаков) должна быть напечатана на бумаге формата А4.; поля страницы: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 15 мм; в тексте, таблицах, формулах и иллюстрациях следует применять шрифты: Times New Roman, Arial, Courier New, кегль — 14, межстрочный интервал 15 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набирают: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом.

2. К статье должна быть приложена ее электронная версия на следующих носителях: CD-R; CD-RW; DVD-R; DVD-RW; USB flash в форматах Microsoft Word, RTF. Весь текст рукописи должен быть сохранен в одном файле.

3. Перед названием статьи (не более 7 слов) указываются инициалы и фамилия автора (авторов). После названия статьи должна следовать краткая аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении. Ключевые слова и словосочетания (не более 5) разделяются точкой с запятой.

4. В конце каждой статьи следует список литературы на русском и на английском языках. Литература дается в алфавитном порядке. Ссылки на нее оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [10: с. 81], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, приведенного в конце статьи, а вторая — номер страницы источника; кроме этого может указываться том, параграф, книга. Например: [5: Т. II, с. 60], [5: § 5, с. 60], [5: кн. 5, с. 60].

5. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

Выделения в тексте делаются светлым курсивом, жирным курсивом и жирным шрифтом. Подчеркивания исключаются!

6. **Библиографические ссылки на электронные ресурсы** нужно делать внутритекстовые в круглых скобках. Например: (Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.orhto-rus.ru/>), (URL: <http://www.bashedu.ru/encicle.htm>).

7. **Библиографические ссылки на архивные документы** следует делать внутритекстовые ((НБА РКП.Ф.1.0п.19 Ед.хр.8); (БГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ. Разрядные вязки. Вязка 1.4.1) № 10. Л. 1-64)).

Иностранные издания в списке литературы идут после русских изданий и следуют тем же правилам оформления.

8. **Примечания.** Если примечания даются в конце страницы, то нумерация ограничивается пределами страницы. Если идет сквозная нумерация через весь текст, то примечания помещаются в конце статьи. В этом случае вначале идет раздел «Примечания», а затем раздел «Литература».

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. К статье прилагается информация об авторе (авторах) (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы) на русском и английском языках, контактный телефон и электронный адрес.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Педагогика и психология» обращаться к составителю *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (8), 2011

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Составитель:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

Р.Д. Смирнова

Техническое редактирование
и компьютерная верстка:

О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 10.10.2011 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 8,25 усл. печ. л. Тираж: 1 000 экз.